

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт истории и социологии
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН

ЕВРОПА в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура

Материалы XI-й Всероссийской, с международным
участием, научной конференции молодых ученых
Ижевск, 24–25 октября 2023 г.

Ижевск
2024

УДК 94(470)"04/19"(063)
ББК 63.3(4)я431+63.3(2)4я431
Е241

Рецензенты: д-р ист. наук, профессор, **А.Ю. Дворниченко** (Санкт-Петербург),
д-р ист. наук, профессор, **А.В. Петров** (Санкт-Петербург).

Редколлегия: С.И. Вострокнутов, С.Д. Гай, В.В. Долгов,
А.Е. Загребин, В.В. Иванов, А.Л. Колзина, П.Ю. Никитина,
К.Д. Николаева, В.В. Пузанов, Т.М. Сабирова.

Составитель и отв. ред.: Д.В. Пузанов

Е241 **Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура:** материалы XI-й Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых, Ижевск, 24-25 октября 2023. / сост., отв. ред Д.В. Пузанов. – Ижевск : Удмуртский университет, 2024. – 125 с.

ISBN 978-5-4312-1198-0

DOI: 10.35634/978-5-4312-1198-0-2024-1-125

В сборнике представлены материалы Одиннадцатой Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых, которая проходила 24-25 октября 2023 г. в г. Ижевске. Издание подготовлено кафедрой истории России, Центром изучения истории средневековой Руси УдГУ и Отделом исторических исследований УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН.

Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, всех интересующихся историей Средних веков и Нового времени.

УДК 94(470)"04/19"(063)
ББК 63.3(4)я431+63.3(2)4я431

ISBN 978-5-4312-1198-0

DOI: 10.35634/978-5-4312-1198-0-2024-1-125

© Авторский коллектив, 2024
© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2024
© УдмФИЦ УрО РАН, 2024
© Д.В. Пузанов, сост., 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	5
<i>Выслоужилова Д.Л.</i> Фронтиры средневековой Руси в современной медиевистике: направления и специфика исследований	5
<i>Сельков Д.С.</i> Латиняне Византии и Четвертый крестовый поход	12
ПЛЕНАРНО-СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ	17
<i>Зубов Д.Д.</i> Капетинги в Лангедоке: ожидания политических элит Окситании от королевской власти	17
<i>Никитин М.А.</i> Обоснование Альбигойских войн в хронике Гийома Пюилоранского: постановка проблемы и перспективы исследования	22
<i>Лясун В.И.</i> Климент V и его резиденция в Авиньоне	27
<i>Розмысл Е.В.</i> Проблема преемственности власти в северной Франции в начале правления династии Валуа	31
<i>Никитина П.Ю.</i> «Венценосные» ведьмы: Жанна Наваррская, Элеонора Кобэм и Елизавета Вудвилл	37
<i>Романова А.А.</i> Миграционная политика Венецианской республики в отношении албанцев на Пелопоннесе и в Эвбее (конец XIV – 1-я половина XV в.)	42
<i>Ситнер С.В.</i> Английские и шотландские исторические мифологемы как аргумент в юнионистской полемике 1604–1607 гг.	47
<i>Кошелева П.Ю.</i> Итинерарии принца Карла Стюарта в Испании (1623)	52
<i>Мулеев А.О.</i> Шекспировский образ Генриха VI в историографии	59
<i>Комбарова Т.С.</i> Образы Нового Света в контексте западноевропейской культуры: пути проникновения мотивов Доколумбовой Америки в визуальную культуру Европы	65
<i>Гай С.Д.</i> Анализ сказки «Ночные пляски»	71
<i>Николаева К.Д.</i> Контроль рождаемости в Древней Руси	77
<i>Дементьева С.А.</i> Постриг представителей рода Рюриковичей XI–XIII вв. в древнерусской летописной традиции	82
<i>Несин М.А.</i> Казанский престол в 1484/85–86 гг.	91
<i>Селькова А.С.</i> Положение русского крестьянства XVI–XVII вв. в трудах Б.Д. Грекова	102
<i>Посаженикова Е.К.</i> Неизвестные женщины Наполеона Бонапарта в российской историографии	109
<i>Дмитриев В.И.</i> Взгляды военного министра Д.А. Милютина на дипломатию российской империи 2-й половины 1870-х – начала 1880-х гг. (по материалам дневников)	116
<i>Охотникова Е.В.</i> Реакция государства на деятельность толстовцев	122

CONTENTS

PLENARY SESSION	5
<i>Vysloužilová D.L.</i> Frontiers of Ancient Rus' in Contemporary Medieval Studies: Approaches and Specifics of Research	5
<i>Selkov D.S.</i> The Latins of Byzantium and the Fourth Crusade	12
PLENARY-SECTIONAL SESSIONS	17
<i>Zubov D.D.</i> Capetians in Languedoc: Expectations of Occitanian Political Elites from the Royal Power	17
<i>Nikitin M.A.</i> Rationale for the Albigenians Wars in the Chronicle of Guillaume of Puylorrens: Statement of the Problem and Prospects for Research	22
<i>Lyasun V.I.</i> Why did Clement V Choose Avignon	27
<i>Rozmysl E.V.</i> The Problem of Succession of Power in Northern France at the Beginning of the Valois Dynasty	31
<i>Nikitina P.Y.</i> “Crowned” Witches: Jeanne of Navarre, Eleanor Cobham and Elizabeth Woodville	37
<i>Romanova A.A.</i> Immigration Policy of the Venetian Republic Towards Albanians in the Peloponnese and Euboea (Late 14th – 1st Half of the 15th Century)	42
<i>Sitner S.V.</i> English and Scottish Historical Mythologemes as an Argument During the Unionist Debates of 1604–1607	47
<i>Kosheleva P.Yu.</i> Itinerary of Prince Charles Stuart in Spain (1623)	52
<i>Muleev A.O.</i> W. Shakespeare as a Biographer of Henry VI	59
<i>Kombarova T.S.</i> Images of the New World in the Context of Western European Culture: Pathways of Pre-Columbian American Motifs into the Visual Culture of the Europe	65
<i>Gai S.D.</i> The Analysis of the Fairy Tale “Night Dances”	71
<i>Nikolaeva K.D.</i> Birth Control in Ancient Russia	77
<i>Dementeva S.A.</i> The Tonsure of Representatives of the Rurik Family of the 11th–13th Centuries in the Old Russian Chronicle Tradition	82
<i>Nesin M.A.</i> The Kazan Throne 1484/85–1486	91
<i>Selkova A.S.</i> The Situation of the Russian Peasantry in the 16th–17th Centuries in the Works of B.D. Grekov	102
<i>Posazhennikova E.K.</i> Unknown Women of Napoleon Bonaparte in Russian Historiography	109
<i>Dmitriev V.I.</i> Views of the Minister of War D.A. Milyutin on the Diplomacy of the Russian Empire in the Second Half of the 1870s – Early 1880s (Based on the Materials of the Diaries)	116
<i>Okhotnikova E.V.</i> The Reaction of the State to the Activities of the Tolstoyans	122

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Д.Л. Выслоужилова
г. Брно (Чехия)
Ун-т им. Масарика

ФРОНТИРЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ: НАПРАВЛЕНИЯ И СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается отражение теории границы в трудах 2-й пол. XX – нач. XXI вв., посвященных средневековой России до конца XV в. Автор анализирует, какие области на территории России рассматриваются в современной историографии как фронтиры и по какой причине получают данную характеристику. В рамках статьи также выясняется, какими особенностями обладают конкретные фронтиры и какие перспективы имеются у теории границы как одного из способов анализа истории средневековой Восточной Европы.

Ключевые слова: теория границы, фронтир, Средние века, Новгород, Ф.Дж. Тернер.

Образ границ средневековых государств во многом отличается от ныне существующей общепринятой установки стабильных и неподвижных линий на карте. Древние государства не имели четкой системы границ, области на периферии представляли собой т.н. *фронтир* – движущееся место, «открытое со всех сторон для миграции населения и освоения этническими группами или государственными объектами» [Paasi 2005, p. 19–22]. Теорию границы выдвинул в конце XIX в. американский историк Ф.Дж. Тернер как модель изучения истории США, однако вскоре после ее публикации в 1893 г. ученый понял, что данный тезис можно применять и в отношении других стран. В одном из своих последующих трудов Тернер предложил развить эту теорию следующим образом: «Если сравнить наш способ завоевания фронта с другими странами, такими как Россия, Германия, английские колонии в Канаде, Австралии и Африке, мы бы, несомненно, пришли к особо плодотворным результатам» [Turner 1932, p. 19]. Обратим внимание, что на первом месте в списке иностранных государств оказалась Россия. Когда к вопросу теории границы вернулся в 1952 г. другой американский историк Д. Тредголд, он заметил, что особая позиция России не является

совпадением, т.к. именно она обладает наибольшим сходством с событиями американской истории, исследованными Тернером [Treadgold 1952, p. 148]. Тредголд и после него Дж. Ледонн в нач. 90-х гг. в одинаковой степени удивились тому, «как мало было написано про русский фронтир» [Ledonne 1992, p. 143], несмотря на вызов Тернера и имеющиеся предпосылки для компаративных исследований.

Теория границы практически с самого начала подвергалась острой критике, прежде всего из-за отсутствия точных характеристик того, какими чертам должен обладать фронтир. В оригинальном труде Ф.Дж. Тернер назвал свой фронтир «эластичным, не нуждающимся в строгом определении» [Turner 1920, p. 3], что позволило историкам называть фактически любую область в разные времена фронтиром. В рамках данной статьи нам бы хотелось выяснить, какие средневековые области Древней Руси в современной медиевистике рассматриваются как тернеровские фронтиры, а также мы постараемся определить, какими принципами руководствуются историки, называющие ту или иную территорию фронтиром. На основе обзора современной историографии хотим также отметить специфику каждого фронтира и показать, что несмотря на многочисленную критику, концепция Ф.Дж. Тернера не изжила себя и до сих пор представляет перспективное направление для анализа формирования средневековых государств.

Самую простую географическую классификацию русских фронтиров представила В. Чеботарева-Билл, которая в своей статье 1950 г. выделила «северный и южный фронтиры» [Tschebotarioff-Bill 1950, p. 45–46]. Между тем как понятие «южный», или же «степной», фронтир продолжает существовать без особых изменений в современной историографии, в изучении северных окраин Древней Руси выделилось три основных вектора. Первый из них – «северный», или «норвежско-русский». Северная Фенноскандия, известная также как регион Финнмарк, начинает формироваться в виде фронтира с X в., когда во время путешествия к Белому морю ее заметил викинг-мореплаватель Оттар из Холугаланда [Федоров 2017, с. 49]. Эта область, как и американский фронтир, была редконаселенной, постоянными жителями являлись прежде всего саамы, ведущие кочевой образ жизни. Вопреки малочисленности населения, северный фронтир привлекал внимание соседних государств – местные леса были богаты драгоценными мехами, «самым важным элементом торговли с древних времен вплоть до XVIII в.» [Kerner 1946, p. 8]. Практически неограниченные источники пушнины и других природных богатств привели сюда помимо норвежцев еще и жителей Новгорода. Русско-норвежское пограничье стало местом столкновения цивилизации с «варварским миром» языческих саамов, непохожим на стычки американских переселенцев с автохтонным населением Дикого Запада, отмеченные Ф.Дж. Тернером. Несмотря на то, что норвежцы и новгородцы

преследовали общую цель – собрать с саамов как можно больше дани в виде пушнины [Hansen 2005, p. 42], к жителям фронта стороны заняли разную позицию. Норвежские короли предприняли несколько попыток совершить крестовой поход, чтобы установить среди саамов христианство. Для новгородцев местные верования не представляли проблемы, поэтому не были приняты усилия для их обращения в христианство [Bandlien 2016, p. 339]. Финнмарк в силу неоседлого образа жизни финно-угорского населения оставался фронтиром с периода Средневековья до сер. XIX в., когда была создана линейная граница между обеими государствами, что представляет собой уникальный феномен не только в контексте европейской истории. «Последний европейский фронт» [Buijs etc. 2022, p. 57], таким образом, достоин внимания историков и позволяет наблюдать за вековыми процессами ассимиляции и миграции.

Следующий фронт – балтийский, или северо-западный. Роль малонаселенной области здесь выполняет в первую очередь Балтийское море, куда в IX в. переместились основная коммуникация и обмен товаром между западом и востоком [Jensen 2001, p. 8]. Сражения культур происходили на южном и восточном побережьях, где сталкивались «не только христианская религия завоевателей с язычеством балтов, но и новые системы, традиции и порядки, свойственные иностранцам с локальными обычаями» [Murray 2009, p. 1]. В отличие от Финнмарка, находящегося между двумя государствами, балтийский фронт благодаря своему расположению был открыт для большого количества этносов и социальных групп, море не имело никаких четких внутренних границ. В зависимости от стороны, с которой стоит смотреть на Прибалтику, носителями высокой культуры в тернеровском понимании являются или крестоносцы, или новгородцы [Murray 2014, p. 20]. Особое внимание ученых привлекает тот факт, что этот фронт лишь частично сухопутный. Как и в случае с северным фронтиром здесь выделяются разные способы его завоевания: Новгород, в отличие от католических покорителей, не создал религиозные ордена, чтобы с их помощью распространить в области христианство. Балтийское пространство также прошло длинный путь превращения из периферии в развивающуюся зону торговли [Kala 2009, p. 2]. Сравнивая опять же данную территорию с норвежско-русским рубежом, в Прибалтике можно наблюдать за процессом перемещения фронта из окраины тогдашнего мира в самый центр цивилизации и государств.

Третье направление, вышедшее из первичной классификации В. Чеботаревой-Билл, которое можем назвать «северо-восточным», также связано с деятельностью Новгорода. Этот фронт находится во внимании историков с сер. XX в., когда его впервые тщательно изучил Р. Кернер из историографической школы фронта калифорнийского Университета

Беркли [Kerner 1946]. Зарождение северо-восточного фронта находим в новгородской экспансии во 2-й пол. XI в., когда летописи отмечают первые походы новгородцев в Заволочье и далее на северо-восток по побережью Белого моря вплоть до Урала [Lantzeff, Pierce 1973, p. 23]. Обширность новгородских колоний превращает данный фронт в самую крупную среди исследованных нами областей. Северо-восточному фронту свойственен ряд особенностей: в начальной фазе его существования Новгород сражался за Поморье только с местными финно-угорскими племенами, его дружинам не противостояло сформировавшееся государство. Ситуация изменилась к концу XII в., когда за богатые источники пушнины начали воевать владими́ро-суздальские князя. Однако в XIV в. против Новгорода выступило уже два субъекта: Великое княжество Московское и, как доказала в своих трудах Дж. Мартин [Martin 1986, p. 87], Великий Устюг. Последний кроме исполнения роли форта для Москвы, преследовал и собственные цели. Исследуя, какие русские земли и княжества сражались за этот фронт, замечаем еще одну его уникальность: все группы, принимающие участие в конфликте, принадлежали к одной конфессии и раньше были частью одного государства. Такая ситуация не встречалась ни у одного другого русского фронта. С другой стороны, развитие событий на северо-востоке подчеркивает определенные тенденции новгородской политики: здесь новгородцы также не предприняли значимого усилия, чтобы распространить христианство среди местного языческого населения. Московские князья выбрали иную стратегию: используя миссионерскую деятельность и активное строительство монастырей, они смогли закрепить за собой власть на русском севере до такой степени, как Новгороду никогда раньше не удавалось. Особое направление исследований данного фронта – судьба «русских Фугтеров» [Birnbauм 1981, p. 73], представителей боярских семей типа Строгановых, которые переселились с центра на периферию фронта, где начали развивать собственное предпринимательство.

Степной фронт известен из летописей под многими вариантами: «дикое поле», «край», «окраина» [Khodarkovsky 1992, p. 117]. Все названия относятся к степной зоне Руси, напоминающей своей открытостью и безграничностью море. Отсутствие заметных природных барьеров издавна привлекало сюда множество разных групп. Эти области начали формироваться как фронт в период XI в. [Miller 1992, p. 131], в то же время, когда Новгород открыл экспансию на северо-восток. В отличие от всех северных фронтов, которые представляли собой границу, продвигаемую вперед русским населением, степные просторы выполняли прежде функцию защитной зоны от тюркских кочевников. Т. Нунан правильно подчеркнул, что образ степного врага в виде половцев, печенегов и монголов изначально находился во внимании летописцев [Noonan 1992, p. 302]. В случае балтийского

фронтира замечаем равнодушие к деятельности местных балтов, про саамов и финно-угров Поморья в источниках также содержится лишь скромная информация, что ярко контрастирует с частыми записями про степных соседей. Множество источников позволяет в данном случае гораздо подробнее рассматривать процесс образования южного фронтира. В отличие от трех северных, степной фронтир выделялся также благоприятными природными условиями для земледельца, за что был прозван «фронтиром изобилия» [Tschebotarioff-Bill 1950, p. 47]. Кроме наличия плодородных почв эта область привлекала и ощущением определенной свободы, отражающейся прежде всего в лице казаков, образцовом примере людей с специфичным «менталитетом фронтира» [Wieczynski 1974, p. 286; Urbansky 2020, p. 3]. Эта группа еще заметнее, чем боярские роды на Двинской земле, олицетворяла пример американских переселенцев – оппортунистов, использующих зоны фронтира для собственной выгоды и приобретения свободы.

Обзор современной научной литературы по теме средневековых русских фронтиров показывает, что прогноз Ф.Дж. Тернера нач. XX в. о потенциале теории движущейся границы для анализа истории России оказался правильным. В течение прошлого века были исследованы четыре русских фронтира, три из которых находятся в северной части Руси и один в южной. Подвижность определения «фронтир» позволяет применять данную методику к разным областям, представляющим в более выразительной или, напротив, почти незаметной степени конкретные черты и функции тернеровского фронтира. Все русские фронтиры имеют общие характеристики: это места встреч и взаимодействий разных цивилизаций и культур, а также они находятся на периферии основной части государства. Во многих фронтирах зародился особый свободолобивый менталитет, противостоящий авторитетам и центральной власти. Географические черты фронтиров совсем разные – это степи, моря, леса. В зависимости от природных и социальных условий эти территории привлекали особые слои населения: в места богатые пушниной стремились купцы и желающие разбогатеть, на русской север при поддержке Московского княжества отправлялись православные миссионеры, на юг и север уходили люди, не желавшие жить в обществе. Сравнивая все средневековые фронтиры на территории Руси, видим, что уникальным также является подход «колонизирующего субъекта» в связи с политическими событиями и включением других государств в сражение за ту или иную область: северный и северо-западный фронтиры изначально являлись точкой напряжения между многими группами, северо-восточный фронтир несколько веков являлся сферой доминирования Новгорода. Прибегая к методологическому подходу Ф.Дж. Тернера, стоит помнить, что многие его аспекты как сражение развитой цивилизации с «некультурными варварами» отражают ценности и философию периода нач. XX в., когда

данный тезис был впервые озвучен. Модифицируя теорию границы согласно требованиям современной исторической науки, мы получаем контекст и терминологию для вопроса колонизации, протекающего по одинаковым принципам в разных странах. Обращая внимание на территорию России, замечаем, что все описанные процессы перемещения населения, как и расширение особой административной системы, традиций, языка и религии, в период Средних веков легли в основу «самого большого подвига русского народа» по мнению историков школы Ф.Дж. Тернера: завоевания Сибири и создания империи, располагающейся на трех континентах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Федоров П.В. О появлении русского рубежа в Лапландии (по следам одной дискуссии) // Арктика и Север. 2017. № 26.

Bandlien, B. Norway, Sweden, and Novgorod. Scandinavian Perceptions of the Russians, Late Twelfth – Early Fourteenth Centuries // Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries. Amsterdam, 2016.

Birnbaum H. Lord Novgorod the Great. Essays in the History and Culture of a Medieval City-State. Columbus, 1981.

Buijs C. et c. People, Places, and Practices in the Arctic Anthropological Perspectives on Representation. New York; Oxford, 2022.

Hansen L.I. The Overlapping Taxation Areas of the North and the Nature of the Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times // Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders. Moscow, 2005.

Jensen K.V. Preface // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1150–1500. L.; N.Y., 2001.

Kala T. The Incorporation of the Northern Baltic Lands into the Western Christian World // The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier. New York; Oxford, 2009.

Kerner R.J. The Urge to the Sea. Berkeley; Los Angeles, 1946.

Khodarkovsky M. From Frontier to Empire: The Concept of the Frontier in Russia, Sixteenth-Eighteenth Centuries // Russian History. 1992. Vol. 19.

Lantzeff G.V., Pierce R.A. Eastward to Empire. Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier to 1750. Montreal; London, 1973.

Ledonne J. The Frontier in Modern Russian History // Russian History. 1992. Vol. 1.

Martin J. Treasure of the Land of Darkness. Cambridge, 1986.

Miller D.B. The Many Frontiers of pre-Mongol Rus' // Russian History. 1992. Vol. 19.

Murray A.V. Introduction // The North-Eastern Frontiers of Medieval Europe. L., 2014.

Murray A.V. Preface // *The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier*. New York; Oxford, 2009.

Noonan T.S. Rus', Pechenegs, and Polovtsy: Economic Interaction Along the Steppe Frontier in the Pre-Mongol Era // *Russian History*. 1992. Vol. 19.

Paasi A. Mapping the Backgrounds, Contexts and Contests // *B/Ordering Space*. Aldershot, 2005.

Treadgold D.W. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of the American Frontier // *Agricultural History*. 1952. Vol. 26. No 4.

Tschebotarjoff-Bill V. The Circular Frontier of Muscovy // *The Russian Review*. 1950. Vol. 9. No 1.

Turner F.J. *The Frontier in American History*. N.Y., 1920.

Turner F.J. *The Significance of Sections in American History*. N.Y., 1932.

Urbansky S. *Beyond the Steppe Frontier. A History of the Sino-Russian Border*. Princeton; Oxford, 2020.

Wieczynski J.L. Toward a Frontier Theory of Early Russian History // *The Russian Review*. 1974. Vol. 33. No 3.

D.L. Vysloužilová
Brno (Czech Republic)
Masaryk University

FRONTIERS OF ANCIENT RUS'
IN CONTEMPORARY MEDIEVAL STUDIES:
APPROACHES AND SPECIFICS OF RESEARCH

The article examines frontier theory in studies focusing on medieval Russia up until the late 15th century. These studies were published in the second half of the 20th century and the early 21st century. The author analyses the regions of Ancient Rus' that modern historiography presents as frontiers and explores the reasons for their characterization as such. The article examines the characteristics of each frontier zone and discusses the prospects of frontier theory as a way of analyzing the history of medieval Eastern Europe.

Keywords: frontier thesis, frontier, Middle Ages, Novgorod the Great, F.J. Turner.

Д.С. Сельков
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ЛАТИНЯНЕ ВИЗАНТИИ И ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Данная статья рассматривает участие выходцев из стран Западной Европы, уже проживавших в Византии к 1204 г., во вторжении крестоносцев и их дальнейшей экспансии на территории бывшей империи. К нач. XIII в. уроженцы стран Западной Европы играли огромную роль в экономике и военном деле Восточной Римской империи и, конечно, стали свидетелями постепенного упадка некогда могущественной державы. Итальянцы и французы, а также другие европейцы, уже знакомые с Византией, сыграли значительную и неоднозначную роль в становлении Латинской империи.

Ключевые слова: история Византии, Четвертый крестовый поход, Латинская Романия, крестоносцы.

Четвертый крестовый поход и падение Константинополя были, безусловно, поворотным моментом в истории Европы. Крупнейший город Западной Европы в одночасье оказался в руках западного рыцарства, в результате чего выходцы из католических государств и основанные ими державы стали играть значимую роль в дальнейшей истории византийских земель. Однако еще до полномасштабного вторжения уроженцы Италии, Франции и иных западных стран оказывали весомое влияние на внутреннюю жизнь Византийской империи.

Наибольшую активность проявили, конечно же, торговцы. XI–XII вв. были эпохой расцвета итальянских торговых республик. Венеция, Генуя, Амальфи, Пиза имели в Византии свои представительства, кварталы и значительную торговую диаспору. Данная политика сохранялась вплоть до самого Четвертого крестового похода: «...они (императоры) часто налагали на венециан разные денежные поборы, брали с их кораблей контрибуции и ссорили их с пизанцами; так что не редко можно было видеть, как среди самого Константинополя, или в открытом море, граждане обеих республик схватывались между собою в отчаянной битве...» [Хониат]. Также Никита

Хониат хулит Исаака Ангела, изменившего свою политику по отношению к венецианцам: «Притом же, царь Алексей прежде своего бегства умел ладить с этими иностранцами, обольщая их добрыми надеждами, и тем много уменьшал горя. Но после его бегства царь Исаак, нарушив к нашему вреду прежние условия, променял пизанцев на венециан» [Там же].

Тем не менее, латинский квартал был плотно заселен: там проживали не только итальянские, но и французские купцы. За пределами Константинополя латиняне также успели развернуть свою деятельность: еще до 1204 г. на азиатском берегу Геллеспонта была основана фактория Пиги (Эспигаль), населенная венецианцами и сыгравшая важную роль в событиях после Четвертого крестового похода [Виллардуэн].

Как минимум дважды константинопольцы громили торговые кварталы латинян, в 1182 и 1204 гг., перед самым падением города. При этом можно отметить, что Никита Хониат, принадлежавший к высшему классу общества, отнюдь не одобрял подобные погромы и всю вину возложил на низшие слои населения города: «Грубая городская чернь, которая никогда ни сама не придумает чего-нибудь доброго, ни другого никого не послушает, кто стал бы учить ее добру, в то время, когда неприятели вторглись уже в римские области, неожиданно бросилась на стоявшие близ моря дома западных иноплеменников, не разбирая ни друга, ни недруга, и разрушила их до основания» [Хониат]. Однако нельзя отрицать и того, что на личном уровне между латинянами и греками вполне могла сохраняться дружба: все того же Хониата с семьей из Константинополя вывел его знакомый венецианец, защищая их дом и позволив им бежать из ставшего опасным города: «Надевши латы и из купца преобразившись в воина, до некоторой поры он весьма успешно прогонял врывавшихся в наш дом грабителей, делая вид, будто он их соратник» [Хониат].

Не меньший интерес представляет другая категория латинского населения в Византии – наемники. Еще в X в. появившиеся в качестве охраны императора – варанги – в более поздние века западные наемники стали основной императорской армией, так как греческие войска не обладали подобной же военной силой и боевыми навыками. Неспроста император Мануил Комнин сравнивал греческих воинов с глиняными горшками, а западных рыцарей – с железными котлами [Хониат]. Варанга, уже достаточно древний институт, продержалась до 1204 г.: Робер де Клари описывает ее участие в коронации Алексея [Клари]. Состояла она из датчан и англичан: последние прибывали в Византию в достаточном количестве, чтобы после падения Англосаксонского королевства основать собственные поселения на побережье Крымского полуострова [Shepard 1974, p. 32]. В XII в. к службе стали привлекаться и западные рыцари: так, Алексей III Ангел в качестве посланника к крестоносцам отправил ломбардского рыцаря Николя де Ру [Виллардуэн].

Еще одна значимая, хоть и немногочисленная, категория латинян в Византии – иностранные придворные и принцессы. Династии Комнинов и Ангелов стремились скрепить родственными связями союзы на Западе: так, император Мануил женил на дочери короля Франции своего сына Алексея. Исаак Комнин, в свою очередь, женился на дочери короля Венгрии. На момент крестового похода, и Агнесса Французская, и Мария Венгерская, жена Исаака, еще были живы.

В таких условиях латиняне Византии и встретили Четвертый крестовый поход. И, действительно, многие из них сразу же пошли на сотрудничество с крестоносцами, учитывая все усиливающиеся анти-латинские настроения греков. После разграбления латинских кварталов в 1204 г. латинские купцы бежали в лагерь крестоносцев, о чем упоминают и Хониат [Хониат], и Виллардуэн [Виллардуэн]. Позднее крестоносцы и латинские купцы вместе участвовали в разгроме мусульманского квартала Константинополя – тогда против латинян совместно выступили и греки, и мусульмане [Филипп 2010, с. 311]. После взятия Константинополя западное купечество вернулось в город с завоевателями: в 1207 г. они предоставили свои корабли для походов императора Генриха Фландрского [Виллардуэн].

Однако успешное сосуществование с родственными крестоносцами совершенно не мешало им выбирать свою сторону в борьбе с греками. Населенные латинянами Пиги, изначально являвшиеся базой крестоносцев в Малой Азии, в 1207 г. временно подчинились Феодору I Ласкарису, после чего были отбиты латинянами в результате военных действий. Активно продолжалась и торговля: в 1219 г. Феодор I заключил с Венецией торговый договор, давший уроженцам республики право беспошлинной торговли и отмененный уже после его правления [Успенский 2011, с. 228].

Не менее сложной была судьба наемников. Варанга отказалась выполнять свои обязанности и в период второй осады Константинополя не сыграла значительной роли [Хониат]. В тоже время западные рыцари составляли значительную долю войска Феодора I Ласкариса: в битве при Антиохии-на-Меандре они практически полностью погибли, защищая никейского императора [Акрополит 2013, с. 54]. Войска Феодора Комнина Дуки, правителя Эпира, в битве при Клокотнице также частично состояли из латинских наемников [Там же, с. 66]. Уже позднее, в конце XIII – начале XIV вв. использование наемников приведет Византию к печальным последствиям ослабления собственной армии и трагедии Каталонской компании.

Не стоит преуменьшать значимость и влияние знати латинского происхождения в Византии. Принцы и принцессы с запада оказывали определенное влияние на взаимоотношения греков и латинян. Бонифаций Монферратский был младшим братом Ренье, мужа Марии Комнин, дочери императора Мануила – именно Ренье, по версии Робера де Клари, был первым «королем

Салоник» [Клари]. Все тот же Бонифаций взял в жены императрицу Марию Венгерскую, которая играла значительную политическую роль в Салониках после его гибели: именно вокруг нее сгруппировалась про-греческая группировка и знатные греки королевства. Лишь к 1208 г. она вернулась в католицизм, а ее влияние помогало удерживать королевство от усиления призола ломбардских рыцарей, недовольных любыми проявлениями как королевской, так и императорской власти. Ее сын от Бонифация Дмитрий самостоятельно не смог удержать королевский престол и умер изгнанником [Успенский 2011, с. 172].

Интересна судьба и Агнессы Французской, дочери короля Людовика VII: «Тогда бароны пошли туда свидеться с нею, и приветствовали ее, и горячо обещали служить ей, а она оказала им весьма худой прием, и она была сильно разгневана тем, что они явились сюда и что они короновали этого Алексея; и она не хотела разговаривать с ними, но она все же говорила с ними через толмача, а толмач сказал, что она ни слова не знает по-французски» [Клари]. Греческий муж Агнессы, Феодор Врана, был единственным союзником латинян во Фракии: позднее он получил значительные земли в области во владение, а их дочь вошла в род де Туси, близко связанный со знатью Никейской империи [Жаворонков 2000, с. 84]. Союз с Враной был одним из тех шагов, которые позволили вернуть Фракию после катастрофы при Адрианополе, отсрочив падение Латинской Империи. Кроме того, менее знатные латиняне начали появляться как политические акторы и в провинции: нам известно о итальянце Альдобрандино, правившем Агталией до 1204 г., однако какой-либо иной информации о нем почти нет [Успенский 2011, с. 210].

Таким образом, уроженцы католических государств, уже проживавшие в Византии к 1204 г., сыграли значимую роль в политической обстановке, возникшей во время и после падения Константинополя. Они не только объединились с завоевателями, но и являлись «связующим звеном» между покорителями и покоренными, нередко помогая смягчать тяготы новой власти для последних, или хотя бы давая им возможность сохранить имущество и жизнь. Безусловно, социальное напряжение, особенно в столице, нередко было направлено против уроженцев католической Европы, однако отрицать и наличие положительных эффектов, определенной взаимной ассимиляции, было бы неверно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Георгий *Акрополит*. История. СПб., 2013.

Жоффруа де *Виллардуэн*. Завоевание Константинополя. URL: https://royallib.com/book/villarduen_goffrua/zavoevanie_konstantinopolya.html

Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина. URL: https://royallib.com/book/honiat_nikita/istoriya.html

Робер де Клари. Завоевание Константинополя. URL: https://royallib.com/read/klari_rober/zavoevanie_konstantinopolya.html#0

Жаворонков П.И. Никейская империя и французское рыцарство (Ансо де Кайо и Ансо де Тузи) // Византийский временник. 2000. Т. 59 (84).

Успенский Ф.И. История Византийской империи. М., 2011.

Филипп Д. Четвертый крестовый поход. М., 2010.

Shepard J. Another New England? – Anglo-Saxon Settlement on the Black Sea // Byzantine Studies. 1974. No 1(1).

D.S. Selkov

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

THE LATINIS OF BYZANTIUM AND THE FOURTH CRUSADE

This article will analyze the participation of immigrants from Western countries, already living in Byzantium by 1204, in the invasion of the Crusaders and their further expansion into the territory of the former empire. By the beginning of the 13th century, the diaspora of Westerners played a huge role in the economy and military affairs of the Eastern Roman Empire and, of course, observed military and economic weakening. The Italians and French, as well as other Europeans already familiar with Byzantium, played a significant and controversial role in subsequent events and the formation of the Latin Empire.

Keywords: history of Byzantium, Fourth Crusade, Latin Romania, crusaders.

ПЛЕНАРНО-СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Д.Д. Зубов

г. Ярославль (Россия)

Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова

КАПЕТИНГИ В ЛАНГЕДОКЕ: ОЖИДАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ОКСИТАНИИ ОТ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ*

К концу XIII в. обширные земли Лангедока, бывшие до того, по сути, полунезависимыми княжествами оказались прочно привязаны к королевскому домену. Процесс интеграции данных земель во Французское королевство рассматривали, в основном, с перспективы самих Капетингов и Парижского двора. В данном же докладе делается попытка взглянуть на включение Лангедока в земли королевства через призму самих окситанцев на материале «эпической хроники» «История Наваррской войны» трубадура Гильома Анелье.

Ключевые слова: Лангедок, Наварра, Людовик IX Святой, Гильом Анелье, эпическая хроника.

В сер. XIII в. в Лангедоке произошли события, круто изменившие судьбу этого региона. В ходе многолетнего, разрушительного и кровавого, Альбигойского крестового похода бывшие земли виконтов Альби и графов Тулузы оказались во власти братьев Капетингов: Людовика IX и Альфонса де Пуатье, – а со смертью первого в 1270 г., стали полноценной частью королевского домена Филиппа III. Соответственно, на протяжении 2-й пол. XIII ст. перед королевской семьей стояла трудная задача: примирить со своей властью регион с отличающимися обычаями и практиками, где французов при этом откровенно ненавидели.

* Исследование выполнено за счет средств Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» ЯрГУ им. П.Г. Демидова, проект № GL-2023-2 «Европа и Русь: политические структуры, социальное развитие, культурное разнообразие в Древности и Средневековье». This study was supported by P.G. Demidov Yaroslavl State University Strategic Academic Leadership Program “Priority-2030”, project № GL-2023-2.

Впрочем, Капетинги с этим справились вполне успешно. Исследователь-классик Э. Бутарик, отмечает, что произошло это скорее при помощи идеологического, нежели реального оружия [Boutaric 1870, p. 12]. На нем мы и сосредоточим наше внимание, однако, развернем вопрос «С помощью какой риторики Капетинги подчинили себе окситанцев?» на сто восемьдесят градусов: «С помощью какой риторики окситанцы оправдали необходимость подчинения Капетингам?».

Материалов для рассмотрения данной проблемы у нас не так много. После мощного восстания Аквитании и Лангедока в 1242 г., политическая тема надолго исчезла из поэзии трубадуров – основного голоса политических элит Окситании (как феодальных, так и городских). В 70–80-е гг. XIII в. она вновь появилась, однако, поэты на сей раз откровенно поддерживали королей Франции в их войнах. Таков был житель Безье – Бернар д’Орийак, создавший несколько кобл в поддержку Арагонского крестового похода Филиппа III (очевидно, направленного против христиан, в точности, как и Альбигойский крестовый поход) [Azais 1869, p. 57]. Впрочем, подобных произведений не так много, да и сами они крайне небольшого размера. Особняком же здесь стоит «История Наваррской войны», созданная Гильомом Анелье Младшим.

Это обширная «эпическая хроника», описывающая, по сути, гражданскую войну внутри Наварры, а также последующее вмешательство в нее войск короля Франции для урегулирования ситуации. Автор данного произведения, Гильом Анелье, являлся чиновником – первым трубадуром-служащим из королевской администрации [Higounet 1985, p. 75]. Поэма его была написана на староокситанском языке, а значит адресат ее – политические элиты Лангедока, которым трубадур объяснял необходимость королевского вмешательства в дела Наварры. Для ответа на вышепоставленный вопрос необходимо рассмотреть, каким образом он это делал.

Прежде всего, следует рассмотреть образы королей, представленные в «Истории». Монархи, в отличие от того, что можно было бы ожидать в тексте королевского чиновника, далеки от какого-либо идеала. Первого из них, Санчо Сильного, Гильом Анелье упрекает в том, что тот отправился воевать в Африку, оставив королевство во власти баронов-предателей, которые поспособствовали вторжению правителя Кастилии [Guillaume 1856, p. 10–12]. Крестоносца Теобальда II трубадур винит в том, что тот отправился в авантюрный крестовый поход, не оставив наследника [Ibid., p. 34]. Но самая нелестная характеристика дана его брату – Энрике Толстому. «До царствования он был человеком вежественным, и был любим большими и малыми. А как только он стал королем, (которому) присягнули и (которого) избрали, он стал жесток к своему народу, груб и невежлив, в большей мере, чем ему было нужно» («*Et avantz que fos reis, fo om molt gen nuiritz,*

E que s'fazia amar als grantz et als petitz;/ E tantost com fa rei juratz e eslegltz,/ El fu fortz a sas gentz e braus e descausitz,/ Mas c'obs no li avia»); «Мне очень неприятно говорить то, что я не желаю; не все короли правят в одной манере; одни суровы и жестоки, другие – учтивы. Во времена, пока был жив этот король, был в Памплоне великий мир, братство и единство...» («Fort mi desplatz quar dic alques que no voldria;/ Empero tuit li rei non regnon d'una gya;/ Que l'us es dur e fort, l'autre fai cortesia./ Et devenç que zel tepms que aquest rei vivia,/ En Panpalona era grantz patz e compainnia,/ E unitatz...») [Ibid., p. 36]. После смерти Энрике, Гильома Анелье даже не описывает традиционной скорби по монарху [Ibid., p. 42]. Между тем, в «Истории» можно найти и образ идеального правителя, однако это вовсе не Филипп III и даже не Людовик IX Святой, но куртуазный король-поэт Теобальдо II [Ibid., p. 20–22], который более напоминает идеального сеньора окситанской «цивилизации Paratge» [Gouiran 2020, p. 194–195].

В таком случае, если короли далеки от идеала, отошедшего в прошлое и оставшегося только в поэзии прежних времен, что же делать окситанцам, которых такой король не устраивает? Для выяснения позиции Гильома Анелье по такому насущному для Лангедока вопросу стоит обратиться к пассажам его «Истории», посвященным правлению «жестокоего» короля Энрике. Именно действия этого монарха становятся причиной, по которой после его смерти Наварра оказывается охвачена кровавым хаосом гражданской войны: он разрывает единство ситэ и бургов столицы королевства – Памплоны. Причем делает это Энрике из низких побуждений, явно недостойных монарха. Следуя принципу *divide et impera*, он предполагает тем самым увеличить свою власть в Памплоне, а бароны-предатели прямо покупают решение короля за 30 тыс. саншетов [Guillame 1856, p. 36–38], фактически за 30 серебряников, но в увеличенном для правителя размере. Но как реагируют на такое поведение короля безусловно положительные герои «эпической хроники» – жители бургов? Они клянутся самыми страшными клятвами не допустить разделения Памплоны, однако при дворе короля только учтиво, как и положено «разумным людям» («om assenatz»), объясняют последствия подобного решения, добавляя в конце: «Но вы, как сеньор, вполне можете принудить нас» («*Mas vos, coma seinner, nos podetz ben forçar*») [Ibid., p. 40]. Что Энрике и делает.

Между тем, безусловно отрицательные «двойники» жителей бургов – жители ситэ – наборот оказывают сопротивление неприятному им решению губернатора, замещающего короля Наварры после смерти Энрике. Они дерзко, без учтивости, объявляют о своем несогласии с Педро Санчесом [Ibid., p. 58] и, более того, призывают на помощь его врага, одного из самых могущественных феодалов Наварры – Гарсию Альморавита [Ibid., p. 52] – что приводит к эскалации прежде местного конфликта до масштабов всего

королевства и к первым военным действиям в нем. Не менее отрицательными персонажами поэмы являются наваррские феодалы. Гильом Анелье пишет, что после смерти короля Энрике «бароны бросили землю без заботы, поскольку все они были сеньоры, подобные птицам на лугу» (*«Per qu'els barons gitavan la terra a non cura,/ Car totz eren seinnos com auzel en pastura»*) [Ibid., p. 42]. Трубадур упрекает их в том, что они более заботятся о своем преуспеянии, чем о благоденствии всего королевства, что прямо приводит к конфликтам между ними, а потому – к войне. «Поскольку никто не хотел делать какое-либо дело для другого, потому вся Наварра из-за баронов была потеряна, ибо достойный дон Педро Санчес желал быть сеньором, и также (желал быть) сеньором доблестный дон Гарсия, и дон Госальво Ибаньес не упустил свою часть, по этой причине вся Наварра управлялась по их усмотрению, потому случалось зло и множество грабежей, ибо все были сеньорами, а большим (тот), кто (был) наиболее могущественным» (*«Car luinna re per l'autre negus far ne volia:/ Per que tota Navarra pels baros se perdia;/ Que'l pros don Père Sanchitz seinnor esser volia,/ E seinner issament lo valent don Garcia,/ E don Gonçalvo Ivaynnes sa part ne retenia./ Si que tota Navarra menavan a lur guya:/ Per que s'fazia mai e mainta roberia,/ Car totz eran seynnos, e mai qui mai podia»*) [Ibid., p.76]. Самым логичным выходом из сложившегося кризиса, по мнению Гильома Анелье, является призыв за помощью к королю Франции, который и должен установить мир в Наварре.

Итак, получается, что положительные персонажи, какими являются жители бургов, изо всех сил стараются сохранить мир и ресурсы королевства (так, они даже просят губернатора пощадить жителей ситэ и не вырубать в наказание их виноградники [Ibid., p. 60]), а отрицательные изо всех сил приближают боевые действия, остановить же их способен только тот, кто обладает наивысшим авторитетом – король Франции. В таком случае и фигура «жестокого» короля Энрике становится привлекательной, ведь, напомним, «во времена, пока был жив этот король, был в Памплоне великий мир, братство и единство...» (*«Et devenc que zel temps que aquest rei vivia,/ En Panpalona era grantz patz e compainnia,/ E unitatz...»*) [Ibid., p. 36].

Поддержание мира во Франции было одной из основ идеологической политики Людовика IX и его брата Альфонса. В своем знаменитом акте от 1258 г., отправленном в Окситанию, в Овернь, святой король аргументировал это защитой простого населения («agricolas») [Firnhaber-Baker 2014, p. 27]. И чиновник-поэт Гильом Анелье спустя два десятилетия после данного указа описывает ликование овернских земледельцев («labrados») и купцов («marchantz») по поводу установившегося в регионе мира [Guillame 1856, p. 90]. Действительно, по словам Жюстины Фирнхабер-Бейкер, Капетингам удалось смирить воинственность южных феодалов, и к 1300 г. количество военных конфликтов фактически свелось к нулю [Firnhaber-Baker 2014,

р. 35]. Именно мир королевская власть предложила Лангедоку, истерзанному сорокалетним крестовым походом. Исходя из этого становится понятно уважение Гильома Анелье к королевской власти, а также безусловную преданность ей горожанина из Безье – трубадура Бернара д’Орийак.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Azais G. Les troubadours de Béziers. Béziers, 1869.

Guillaume A. Histoire de la guerre de Navarre en 1276 et 1277. P., 1856.

Boutaric E. Saint Louis et Alfonse de Poitiers: étude sur la réunion des provinces du Midi et le l’ouest à la couronne et sur les origines de la centralisation administrative, d’après des documents inédits. P., 1870.

Higounet Ch. Une relecture de Guillaume Anelier // Annales du Midi. 1985. Vol. 97. No 169.

Gouiran G. From Chanson de Geste to Epic Chronicle. Abingdon, 2020.

Firnhaber-Baker J. Violence and the State in Languedoc, 1250–1400. Cambridge, 2014.

D.D. Zubov

Yaroslavl (Russia)

Yaroslavl State University

CAPETIANS IN LANGUEDOC: EXPECTATIONS OF OCCITANIAN POLITICAL ELITES FROM THE ROYAL POWER

By the end of the 13th century, the vast lands of Languedoc, which had previously been, in fact, semi-independent principalities, were firmly tied to the royal domain. The process of integrating these lands into the French Kingdom, including the change of value orientations, was considered mainly from the perspective of the Capetians themselves and the Paris Court. In this report, an attempt is made to look at the inclusion of Languedoc in the kingdom’s lands through the prism of the Occitans themselves, based on the material of the “epic chronicle” “The History of the Navarre War” by the troubadour Guillaume Anelier.

Keywords: Languedoc, Navarre, Saint Louis IX, Guillaume Anelier, epic chronicle.

М.А. Никитин

г. Великий Новгород (Россия)

Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого

**ОБОСНОВАНИЕ АЛЬБИГОЙСКИХ ВОЙН
В ХРОНИКЕ ГИЙОМА ПЮИЛОРАНСКОГО:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Хроника Гийома Пюилоранского является важным источником для истории графства Тулузы в XIII в., однако вопрос о цели написания произведения остается актуальным на данный момент. Его анализ, а также сопоставление с другими хрониками, посвященными Альбигойским войнам, как, например, хроника Петра Сернейского, позволит выявить мнение Гийома Пюилоранского, отраженное в источнике в связи с Альбигойскими войнами и пресечением династии Сен-Жиль, графов Тулузы. Автор приходит к выводу о том, что мотивы написания хроники имели двойственный характер. Произведение делает акцент на морально-нравственных проблемах, связанных с христианской догматикой, в то время как его целью является апологетика королевской власти.

Ключевые слова: Тулуза, Гийом Пюилоранский, Альбигойские войны.

Альбигойские войны оказали решающее влияние на судьбу графства Тулузы и потому были предметом осмысления для современников. Примером такого осмысления выступает хроника Гийома Пюилоранского, написанная предположительно в 1272–1275 гг. Однако остается неясной причина, по которой хронист начал описывать события Альбигойских войн с таким временным отрывом. Приведем эпизод из заключительной II главы хроники, показывающий нам контекст, в котором началось ее написание. В 1272 г. между Жеро VI, графом д'Арманьяк, и Жеро де Кабзоном, графом де Гор, происходит конфликт. Жеро VI настаивал на своем сюзеренитете над графством Гор. Жеро де Кабзон признавал себя, в свою очередь, вассалом тулузского графа, а значит, и короля. Этот конфликт приводит к вмешательству Филиппа III. Формально Жеро VI не признавал себя вассалом короля Филиппа III Смелого, однако на деле весь регион Аквитании оказывается в сфере интересов короля. Филипп III прибывает в Тулузу 28 мая 1272 г.,

где собирает войска против Жеро VI. Результатом столкновения становится заточение графа д'Арманьяк и де Фуа. Подобранный сюжет ставит перед нами вопрос о мотивах написания хроники «*Historia Albigenensium*» [Guillaume de puyl-laurens].

Изучение хроники началось еще в 1857 г. в труде Флорентина Дюкло. Он поставил проблему репрезентативных возможностей хроники, затрагивая вопрос о профессиональной деятельности Гийома Пюилоранского. Дюкло определяет, вслед за устоявшейся традицией, Гийома Пюилоранского как нотариуса при инквизиции и как капеллана Раймонда VII. Исследователь отмечает достаточно беспристрастную позицию хрониста по отношению ко многим участникам альбигойских войн. Гийом оценивал альбигойские войны как наказание Божье за отступление от веры и для него нет явных фаворитов [Duclos 1857].

Однако уже в трудах Ива Досса делается важное замечание, которое позволяет нам лучше понять личность хрониста Гийома. В своем труде исследователь ставит вопрос об авторстве хроники: был ли Гийом Пюилоранский капелланом Раймонда. Для ответа на поставленный вопрос наибольшее значение имеет анализ самого источника [Dossat 1953].

Ив Досса, основываясь на хронике, показал, что ее автор не мог быть капелланом при Раймонде VII, поскольку хронист слишком мало уделяет внимания тулузскому графу и его отношению к альбигойским войнам. Тем более что, как нам доказывает исследователь, нотариус инквизиции вряд ли мог стать личным капелланом. Ив Досса выдвигает гипотезу, что в историографии произошла путаница между Гийомом Пюилоранским, который действительно был капелланом Раймонда Тулузского, и Гийомом Пюилоранским, нотариусом в инквизиции [Ibid.].

Опираясь на материал хроники, исследователь прослеживает источники формирования взглядов Гийома Пюилоранского и его жизненный путь. Хронист часто обращается к авторитету епископов, с которыми он был знаком. При этом Гийом никогда не был приближен к Раймонду VII. Ив Досса приходит к выводу, что Гийом Пюилоранский своим карьерным путем обязан отнюдь не Раймонду VII, а епископату [Dossat 1977].

Еще во время Альбигойских войн остро стоял вопрос о том, кто должен владеть Тулузой. Жан-Мари Мёглен проследил в среде хронистов две противоборствующие точки зрения: с одной стороны, хроника Петра Сернейского, помимо анти-еретической направленности, имеет выраженную позицию поддержки Симона де Монфора; выразителем другой точки зрения выступает Аноним, который дописывал «Песнь об Альбигойском крестовом походе» уже после Гийома Тудельского. Аноним выступает бескомпромиссным сторонником династии Сен-Жиль и его представителей в лице Раймонда VI и его сына, в последствии графа Тулузского Раймонда VII [Moeglin 1998].

Со смертью Раймонда VII эти историографические споры между Гийомом Тудельским и Петром Сернейским лишаются своего смысла. Хроника Гийома становится попыткой переосмыслить Альбигойские войны. Гийом подчеркивает провиденциальную суть войн против ереси альбигойцев. С его точки зрения, оба претендента виновны в том, что отвернулись от Бога. Сам факт того, что Тулуза лишилась своего законного графа, есть наказание ее жителям за ересь. Так Гийом оправдал гибель династии Сен-Жиль [Ibid.].

В этом оправдании мы можем увидеть морально-нравственный характер хроники. Гийом Пюилоранский стремится предостеречь будущие поколения на примере Альбигойских войн. Выявив один из мотивов произведения, мы не можем поставить точку в изучении поставленной проблемы. Разрыв во времени между окончанием Альбигойских войн и написанием хроники дает нам повод считать, что у нее был и другой мотив. Кажется, что для такого длительного перерыва нет ни единого повода [Guillaume de puy-laurens].

И такой мотив прослеживается в позиции хрониста по отношению к легитимной власти. Однако теперь открытым остается вопрос: кто легитимный правитель Тулузы? Гийом Пюилоранский не сомневается в кандидатуре. После смерти Жанны Тулузской и Альфонса Пуатье земли переходят в руки Филиппа III и отныне прочно закрепились за французской короной. С юридической точки зрения Гийом признает это законным и более того, события 1272 г. демонстрируют, что несмотря на то, что далеко не все сеньоры признают себя вассалами французского короля, он все еще является законным правителем Тулузы. Ярким доказательством полновластности Филиппа III является проведение суда над графом Фуа и графом Арманьяка. Гийом дополняет это тем, что признает власть короля как результат восстановления «справедливости Господа Бога» [Ibid.].

Чтобы проследить разницу в осмыслении событий разными хронистами, обратимся к хронике Петра Сернейского и песне Гийома Тудельского и Анонима. Их тексты, возникшие в годы Альбигойских войн, стилистически отличаются большей резкостью позиций по отношению к апологетике в хронике Гийома Пюилоранского. Аноним и Петр Сернейский, описывая события, дают им яркую эмоциональную окраску и схожи в методах оправдания своих героев. В качестве примера стилистической яркости приведем один из эпизодов осады Термы из хроники Петра Сернейского: «Their cruelty, their eagerness to oppose us, increased, the more so because they dared to think the storm was a sign that some Divine aid had come to them in their hour of need. What a vain and unjust presumption, to boast of help from Him, whose worship they despised, whose faith they had rejected!» [Histoire albigeoise; Гильем Тудельский].

Это резко контрастирует с более сдержанной позицией Гийома Пюилоранского. Его герои не являются абсолютным добром или злом. Раймонд VI и его сын, равно как и Симон де Монфор, не представляют из себя полностью положительных или отрицательных персонажей, они лишь следуют Божьей Воле [Guillaume de puy-laurens].

Исходя из содержания хроники Гийома Пюилоранского, мы можем утверждать, что события 1272 г. потребовали утверждения легитимности Филиппа III. Для уточнения наших данных об источнике необходимо дополнить картину жизни Гийома Пюилоранского. Остается дискуссионным вопрос о том, насколько связи с доминиканским орденом повлияли на написание хроники. Не менее важен вопрос о том, был ли хронист капелланом Раймонда VII.

Таким образом, хроника Гийома Пюилоранского важна не только для истории Альбигойских войн. Гийом Пюилоранский писал это произведение с целью предупреждения последующих поколений от грехопадения. Но также оно отражает попытку легитимации притязаний королевской власти на Окситанию путем прослеживания развития альбигойской драмы. Однако вопросы, связанные с изучением личности Гийома Пюилоранского и источниками для его хроники, все еще остаются открытыми.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гильем Тудельский. Песнь об Альбигойском крестовом походе. URL: <https://facetia.ru/node/3318>

Guillaume de puy-laurens: L'histoire de L'expédition des français contre les albigois. URL: <https://remacle.org/bloodwolf/historiens/guillaume/albigois.htm>

Histoire albigeoise. P., 1951. URL: https://books.google.ru/books?id=FSkyK8m-vCzkC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

Dossat Y. La "Chronique" de Guillaume de Puylaurens // Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public, 8e congrès. Tours, 1977.

Dossat Y. Le chroniqueur Guillaume de Puylaurens était-il chapelain de Raymond VII ou notaire de l'inquisition toulousaine? // Annales du Midi. 1953. No 65.

Duclos F. Note sur Guillaume de Puylaurens // Mémoires de l'Académie impériale des sciences, inscriptions et belles-lettres de Toulouse. Toulouse, 1857.

Moeglin, J.-M. L'historiographie moderne et contemporaine en France et en Allemagne et les chroniqueurs du Moyen Age // Les princes et l'histoire du XIVe au XVIIIe siècle. Actes du colloque organisé par l'Université de Versailles-Saint-Quentin et l'Institut historique allemand, Paris / Versailles, 13–16 mars 1996. P., 1998. No 47.

*M.A. Nikitin**Veliky Novgorod (Russia)**Yaroslav-the-Wise Novgorod State University*

RATIONALE FOR THE ALBIGENSIANS WARS
IN THE CHRONICLE OF GUILLAUME OF PUYLORENS:
STATEMENT OF THE PROBLEM AND PROSPECTS FOR RESEARCH

The chronicle of Guillaume Puylorens is an important source for the history of the county of Toulouse in the 13th century, however a question about the chronic purpose of writing is still relevant now. It is analysis, and also comparison with other chronicles dedicated to Albigensians Wars, such as the chronicle of Peter of Vaux de Cernay, will reveal the opinion of Guillaume Puylorens reflected in the chronicle in connection with the Albigensian Wars and the suppression of the dynasty of Saint-Gilles, the counts of Toulouse. The author concludes that the motives for writing the chronicle were of a dual nature. On the one hand, the chronicle has a clear moral aspect associated with Christian dogmatic, on the other hand, writing the chronicle is aimed at apologetics of royal power.

Keywords: Toulouse, Guillaume Puylorens, Albigensian war.

В.И. Лясун
г. Минск (Беларусь)
Белорусский гос. ун-т

КЛИМЕНТ V И ЕГО РЕЗИДЕНЦИЯ В АВИНЬОНЕ

В статье рассматриваются основные причины, по которым папа Климент V в 1309 г. перенес свою резиденцию в Авиньон. Особое внимание уделяется факторам, которые обосновывают выбор именно этого города в ущерб другим возможным вариантам размещения папской резиденции.

Ключевые слова: Клемент V, Авиньон, резиденция.

Для средневекового мира нахождение главы католической церкви за пределами Рима не было чем-то удивительным. В XII–XIII вв. папы римские проводили около 60 % своего понтификата за пределами «Вечного города» [The New... 2008, p. 653]. Однако, перенос папской курии на 69 лет из Рима в Авиньон XIV в. ярко выделяется на этом фоне. В историографии данного периода причины, по которым папство оказалось в таком положении, рассмотрены довольно-таки подробно, но причины, по которым был выбран именно Авиньон, упоминаются или вскользь, не раскрывая подробностей, или совсем не обсуждаются. При этом выбор города был не случайным, не просто прихотью короля или папы, а имел политическую подоплеку, которая впоследствии влияла на действия пап Авиньонского пленения. Неслучайность Авиньона, а также слабое и неструктурированное освещение данной проблемы в историографии объясняет актуальность выбранной темы.

Период Авиньонского пленения пап берет свое начало из конфликта между французским королем Филлипом IV Красивым и папой римским Бонифацием VIII из-за целого спектра проблем, связанных в основном с властью и финансами, на которые претендовали обе личности. Вследствие победы французского короля папство значительно потеряло свой международный авторитет. Вдобавок возникли предпосылки перехода к папской политике компромисса со светской властью.

Однако непосредственно за перенос папской курии в Авиньон был ответственен избранный в 1305 г. архиепископ Бордо Бертран де Го, взявший

имя Климент V. Стоит заметить, что происходил он из Гаскони и являлся поданным и Франции, и Англии одновременно [Ковальский 1991, с. 143]. В результате 11-месячные споры в конклаве разрешились выбором Бертрана де Го как компромиссной фигуры. Во-первых, он хорошо знал юридическое право и имел опыт работы в этой сфере. Во-вторых, его двойное подданство и хорошие отношения с обоими королями могло помочь разрешить конфликт Филиппа IV и Эдуарда I. Третьей же причиной можно считать довольно-таки тесные контакты Бертрана де Го непосредственно с королем Франции, а именно работу юриста на короля и хорошие отзывы последнего [Mollat 1963, p. 4]. Эти отношения могли помочь свести до минимума агрессию Филиппа IV Красивого, который даже после смерти Бонифация VIII продолжал вести с ним борьбу.

С начала своего понтификата Климент V не задерживался ни в одном городе на длительное время и так не побывал в Риме. Даже свою интронизацию он провел в Лионе в присутствии французского короля, что вызвало неодобрение в Вечном городе и у конклава. Зато позволило папе обсудить дальнейшее сотрудничество с Филиппом IV Красивым [Норвич 2014, с. 260]. В 1309 г. Климент V закончил свои переезды и окончательно остался в Авиньоне. Это было вызвано рядом объективных причин, однако также плохо откликнулось на его авторитете в Риме.

Что касается причин нежелания и невозможности Климента V приехать и остаться в Риме, то они условно делятся на две группы. К первой группе можно отнести причины личные. Новый папа римский был французом и ему была чужда Италия. Если посмотреть на пункты его остановок, то это были знакомые и родные ему земли. Второй причиной можно считать его плохое здоровье [Mollat 1963, p. 6]. Не стоит забывать и об его авторитете. Во-первых, француз по происхождению он не внушал доверия итальянцам. Хронист Джованни Виллани характеризует его так: *«Это был человек весьма корыстолюбивый, святокупец, при дворе которого за деньги можно было получить любые блага, и к тому же чрезвычайно испорченный»* [Виллани. Кн. 9, гл. 59]. Во-вторых, в конклаве также находились его противники, которых он впоследствии заменял своими родственниками французами. Страх насчет покушения не был безосновательным, учитывая инцидент в Ананьи с Бонифацием VIII, который показал, что священная особа папы римского ничем не защищена.

Вторая группа причин связана с обстановкой в самом городе. Рим никогда не был спокойным местом. В нач. XIV в. в Риме накалялась внутриполитическая обстановка. Недовольство крестьян перерастало в восстания. Местные феодалы ввиду отсутствия папы начинали борьбу за контролируемые территории, в результате чего происходили военные стычки. Все это

приводило к беспокойной и разрушительной обстановке в Риме [Сказкин 1970, с. 281]. Климент V боялся за свою жизнь, поэтому и не решился сделать свой резиденцией Рим, а остался на более спокойной и безопасной территории.

Рассмотрим причины выбора непосредственно Авиньона. Несмотря на бедноту, он являлся наиболее тихим городом на нач. XIV в., в котором не происходило крупных восстаний. В Риме Климент V находиться не мог и не хотел, поэтому пришлось искать другие варианты. Единственной большой папской территорией вне Италии являлась область Конта-Венессен [The New... 2008, p. 654]. Авиньон находился на этой территории, однако принадлежал Прованскому графству в главе с внуком Карла I Анжуйского Робертом, вассалом императора Священной Римской Империи. В это же время Роберт был королем Неаполитанским и являлся вассалом Папского престола. Фактически Авиньон принадлежал не Франции, а Священной Римской Империи и отгораживал Климента V от упреков, что он полностью идет на поводу у Филиппа IV Красивого [Гергей 1996, с. 156].

Географическое положение города, а именно расположение на берегу реки Роны, делало Авиньон местом удобным для возможных папских перемещений: Италия, Франция и Священная Римская Империя находились в близкой доступности. К тому же Рона являлась одним из основных торговых путей в средневековой Европе, соединяющий Нидерланды и Италию [The New... 2008, p. 654].

Таким образом, непригодность Рима, выгодное географическое положение Авиньона, а также принадлежность к Священной Римской Империи, сделали Авиньон подходящим городом для переезда папы Климента V, а в последствии и всей папской курии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Виллани Дж. Новая Хроника. URL.: https://www.vostlit.info/Texts/rus8/Villani_G/frameset91.htm

Гергей Е. История папства. М., 1996.

Ковальский Я.В. Папы и папство. М., 1991.

Норвич Дж. История папства. М., 2014.

Сказкин С.Д. История Италии. Т. 1. М., 1970.

Mollat G. The Popes at Avignon, 1305–1378. London; Toronto; New York, 1963.

The New Cambridge Medieval History Vol.6, 1300–1414. Cambridge; New York, 2008.

V.I. Lyasun
Minsk (Belarus)
Belarusian State University

WHY DID CLEMENT V CHOOSE AVIGNON

The article examines the main reasons why Pope Clement V moved his residence to Avignon in 1309. Particular attention is paid to the factors that justify the choice of this particular city to the detriment of other possible options for locating the papal residence.

Keywords: Clement V, Avignon, residence.

Е.В. Розмысл
г. Гродно (Беларусь)
Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ В СЕВЕРНОЙ ФРАНЦИИ В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ВАЛУА

Автор рассматривает одну из малоизученных страниц Столетней войны: влияние ограничения женского наследования на проблему передачи власти во фьефах северной Франции. На примере графства Артуа и герцогства Бретань раскрываются причины и предпосылки «векового конфликта».

Ключевые слова: преемственность власти, наследование, Филипп VI, Робер III Артуа, Жан III Добрый, «война за Бретонское наследство».

Приход к власти в 1328 г. во Франции династии Валуа после смерти последнего Капетинга Карла IV (1322–1328 гг.), оправданный правилом «женщина не наследует королевскую власть», привел не только к Столетней войне (1337–1453 гг.), но и породил целую серию противоречий в наследовании фьефов в разных частях королевства.

Рассмотрение причин утверждения новой династии на троне – тема отдельного исследования, отметим лишь, что главным стало правило: «женщина не наследует королевскую власть» [Перруа 2002, с. 71–72]. Пользуясь поддержкой знати, 29 мая 1328 г. Филипп Валуа был помазан как Филипп VI (1328–1350 гг.): «Он имел так много друзей и сторонников, они выбрали его королем по родству» [Gray 1907, p. 83].

До коронации Филипп Валуа решил узаконить свои права созывом Генеральных штатов, которые постановили, что если женщина не имела права быть королевой, то не имела права и на передачу наследования [Азимов 2007, с. 137]. Запрет женского престолонаследования закрепили юридически за сословиями. Как это должно было отразиться на других землях Франции вне королевского домена? «Феодальное право... не исключало женщин из наследования; во многих фьефах герцогини или графини были полноправными сеньорами, которые передавали наследство своим потомкам» [Минуа

2022, с. 18]. Отсюда следует вывод, что вопрос женского наследования замыкался на монархе, однако дальнейшие события показали обратное.

Если притязания короля Англии Эдуарда III привели к Столетней войне, то в самой Франции ограничения женского наследования усугубили проблемы передачи фьефов. Как упоминалось выше, одна из причин, по которой династия Валуа утвердилась на троне, заключалась в поддержке знати. Ключевой фигурой стал Робер Артуа, но «король проникся и воспылил к этому мессиру великой ненавистью в связи с тяжбой, которая была затеяна в парижском Парламенте из-за графства Артуа» [Фруассар].

Причины этого инцидента восходят еще ко времени правления Филиппа V. В 1330 г. его дочь Жанна, супруга Эда Бургундского, унаследовала графство Артуа от своей матери Жанны II Артуа, которая была королевой Франции в 1316–1322 гг.

Робер Артуа был законным наследником данного графства, как внук Робера II Артуа. Однако в Северной Франции право наследства передавалось и по женской линии. Логичным было передать графство наследнику мужского пола, но его дед оставил завещание, по которому земли отходили тетке Робера, Маго [Сто... 2002, с. 8].

В течение 1302–1330 гг. Робер вел непрерывную борьбу за права на графство деда. Поскольку он был зятем отца Филиппа VI, Карла Валуа, то, поддерживая нового монарха, рассчитывал с его помощью получить помощь в возврате «своих земель». В 1329 г. он получил титул пэра Франции за поддержку Филиппа VI, и когда в 1330 г. умерла его тетка Маго, он рассчитывал, что Артуа наконец-то перейдет к нему. Однако Маго была тещей Филиппа V, а ее дочь – герцогиней бургундской. Именно балансирование короля между двумя крупными семьями – Бургундским домом и Артуа – стало камнем преткновения.

«Робер д'Артуа требовал и оспаривал это графство как свое, ибо он был потомком местных правителей. Но королева, жена короля Филиппа, столь сильно помогала противной стороне, что даже сумела доказать подложность одной грамоты, которую Робер предъявлял в подтверждение своих прав» [Фруассар].

Позиция королевы объяснима: Эд IV Бургундский был ее братом. Давая согласие на то, что шурин унаследует Артуа по праву супружества, Филипп VI автоматически укреплял позиции новой династии.

Фруассар не случайно упомянул, что Робер «был потомком местных правителей» [Фруассар]. В обоих претендентах на графство текла кровь Капетингов. Дед Робера был племянником Людовика X, а прадед – сыном Людовика VIII. Мать приходилась дочерью Бретонскому герцогу Жану III Доброму, младшей ветви правящей династии [Сто... 2002, с. 8]. Эд IV Бургундский был дядей Людовика X и правнуком Людовика IX Святого

и к тому же официальным опекуном дочери Людовика X, чьи права на корону забрал Филипп V [Перруа 2002, с. 70].

Так, Робер Артуа выступает в роли еще одного претендента на корону Франции. Филипп VI фактически поставил под вопрос легитимность его власти, передав графство в наследование по женской линии при наличии претендента мужского пола. Правки об ограничении женского престолонаследия уже были утверждены, но разве они не должны иметь распространение на всю страну, если утверждены Генеральными штатами?

Масло в огонь подливал и тот факт, что «когда в парижском Парламенте эту грамоту признали поддельной», Робер «был приговорен к позорной смерти» [Фруассар]. Признание поддельности претензий Робера ставит под вопрос принцип наследования графства: оба претендента имели равные права, поскольку Робер исходил из принципа мужского наследования, а Жанна Французская – из завещания Робера II Артуа. В данной ситуации король мог выбрать, но не обладал правом утверждать, что претензии Робера не имеют юридической силы. Таким образом, через графство Филипп VI ставит вопрос: насколько законным является его нахождение на троне. «Робер д'Артуа более всех остальных помог Филиппу де Валуа унаследовать корону и земли Франции» [Фруассар]. Давая указ о казни, король подрывал доверие своих соратников – не станет ли он избавляться от них подобным же образом?

Если указанное относится к внутренним проблемам Франции, то бегство Робера в Англию поднимало вопросы внешней безопасности, что подтверждает Хроника первых Валуа: «Эдуард Английский и Робер д'Артуа с англичанами вторглись в Шотландию» [Chronique... 1862, р. 4].

Инцидент суда над Робером и проблема наследства Артуа давала Эдуарду III аргументы, которые позволяли ему предъявить свои претензии на корону Франции не только в силу наследования от матери Изабеллы, но и поддержки Робера III Артуа, который также имел права на корону Франции. Два не менее близких к Капетингам по родству претендента – серьезная угроза династии Валуа.

Судьбу Артуа спустя 10 лет повторила Бретань. На фоне начала в 1337 г. боевых действий данное герцогство в лице Жана III Доброго (1286–1341 гг.) сохраняло нейтралитет. «Сын Артура II и Марии Лиможской» демонстрировал «полную лояльность французской короне»: это видно в том, что тот ничего не сделал во время приговора к смерти своего родственника Робера III Артуа, он, при этом, «сохранял добрые отношения» с Англией [Майорова 2013, с. 154].

Смерть герцога привела к началу «Войны за Бретонское наследство» (1341–1364 гг.). Жан III «был женат три раза: на Изабелле Валуа» поэтому не противился приходу Филиппа VI к власти, «Изабелле Кастильской и Жанне

Савойской, однако умер без наследников... У него был родной младший брат Ги де Пентьевр (1287–1331), но тот рано скончался, оставив дочь Жанну». Был и еще один наследник – младший сводный брат «Жан де Монфор от второго брака его отца с Иоландой де Дрё» [Майорова 2013, с. 154–155].

Еще до своей смерти Жан Добрый пытался решить, кому оставить герцогство. Дело в том, что «племянница вела род от старшего из братьев, но младший брат приходился усопшему более близким родственником. Позволял ли обычай Бретани право представительства», которое пытался внедрить Жан III? [Перруа 2002, с. 124]. Прямой наследницей Жана III была его племянница Жанна де Пантьевр. Знать Бретани допускала «чтобы умершего» претендента «представлял его собственный наследник. На ту неопределенность, которая возникла при передаче наследия в Артуа, в Бретани нельзя было сослаться» [Фавье 2009, с. 124]. Это объясняет, почему Жан III проявил пассивность в отношении Робера III Артуа.

Не следует забывать о том, что благодаря своему геоположению Бретань, как и Фландрия, обладали автономным статусом: по обычному закону Бретани Жанна де Пантьевр, как единственная наследница своего отца, имела такое же право, что и мужчина. Однако бретонский герцог был пэром, и правильнее было бы считать, что ее передача регулировалась вовсе не бретонским обычным правом, а законом, который регулировал наследование короны Франции. По этому закону женщины корону не наследовали [Sumption 1990. Vol. 1, p. 370].

Сложилась двоякая ситуация: с одной стороны, автономный статус, обычное право и независимая бретонская знать, с другой – статус пэрства, а значит, законы Франции носили ту же силу, что и во всем королевстве.

Еще большую неразбериху внес сам Жан III. Герцог знал, что женщина уязвима в суровом политическом климате Бретани, и поэтому в 1337 г. выдал Жанну де Пантьевр замуж за Карла Блуа, племянника Филиппа VI [Ibid., p. 371].

Однако, в 1340 г. герцог изменил свое мнение о наследнике. После продолжительных раздумий он составил новое завещание, в котором объявил Жана де Монфора своим наследником [Ibid., p. 371].

Данный поворот можно объяснить 3 обстоятельствами: 1) Недоверие к племяннице – «нельзя было предсказать, в чьи руки угодит Бретань в результате такого наследования» [Фавье 2009, с. 124]. 2) Успех англичан под Слэйсом поставил под угрозу безопасность Бретани: если герцог поддержит племянницу, как будет себя вести Англия? 3) Антифранцузская позиция бретонской знати. Выбор сделан, но «на смертном одре» Жан Добрый «так и не назвал преемника, восклицая: “Не смейте беспокоить мой дух перед смертью такими вопросами!”» [Майорова 2013, с. 154].

Когда спор о наследстве поднялся во французском парламенте, то «законоведы и сведущие люди полагали, что, поддерживая племянника,

король ставил под вопрос собственную легитимность» [Там же, с. 154]: одно дело отдать родственникам графство, другое – полуавтономное герцогство, где есть независимая знать.

По-видимому, Филипп не до конца осознавал статус Бретани, а потому повторил ту же ошибку, что и с Арту: признал Жанну де Пантьевр герцогиней Бретонской [Там же, с. 155]. Политически король поступил правильно: помимо поддержки племянника, супруга Жана де Монфора была графиней Фландрии, которая симпатизировала Англии. Филиппу VI важно было не допустить включение Бретани в сферу влияния Эдуарда III. Король был готов к тому, что Монфор получит щедрую компенсацию в виде земель в других частях Франции и даже гарантирует ему наследование герцогства, если Жанна де Пантьевр умрет, не оставив наследников [Sumption 1990. Vol. 1, p. 387].

Последнее слово было за пэрами: «Предавшись глубоким размышлениям и раздумьям, граф пришел к выводу, что если он дождется постановления баронов и пэров, оно, скорей всего, будет не в его пользу. Поэтому он рассудил, что ему лучше уехать, не дожидаясь исхода дела» [Фруассар]. Помня судьбу Робера Артуа, Монфор решил не рисковать. 7 сентября 1341 г. «пэры Франции, признав обоснованность притязаний Жанны и игнорировав возражения ее заочно осужденного соперника» (побег во время суда считался преступлением) «объявили Карла Блуаского единственным законным герцогом Бретонским и позволили ему принести королю оммаж» [Перруа 2002, с. 125].

Филипп VI недооценил ту поддержку, которую имел Жан де Монфор: «Граф отправился в Нант. Там он заключил соглашения с горожанами и с жителями других городов и приготовился к восстанию. Он послал жену Жанну и сына Иоанна в Англию, чтобы они могли получить защиту английского короля» [Venette 1953, p. 35]. «Правоведы Монфора отстаивали его права на Бретань, основываясь на французском праве, согласно которому в наследовании младшие братья имели преимущества перед дочерьми старшего» [Майорова 2013, с. 156].

В итоге, стремясь не допустить английского влияния в Бретани, король Франции сам создал эту проблему. Получив удобный плацдарм, англичане за следующие 15 лет поставили Францию на грань военно-политического коллапса, а Филипп VI, поддержав Жанну Пантьевр, в очередной раз подверг сомнению свои права на трон.

Таким образом, ограничение женского наследования во Франции, благодаря которому династия Валуа пришла к власти, породило целый комплекс противоречий. Они стали следствием как наследия Капетингов, чьи родственники оказались властителями отдельных земель, так и недалеко-видной политики Филиппа VI, который, стремясь упрочить позиции новой

династии, внес хаос в традицию наследования, что выразилось в волнениях в Артуа и Бретани, ставших одним из катализаторов Столетней войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Фруассар Ж. Хроники Англии, Франции, Испании и соседних стран от конца правления Эдуарда II до коронации Ричарда II // Библиотека Limba.ru. URL.: <http://www.libma.ru/istorija/hroniki/p1.php>

Chronique des quatre premiers Valois. P., 1862.

Gray S.T. Scalacronica: The Reigns of Edward I, Edward II and Edward III. Glasgow, 1907.

Venette, de J. Chronicle. N.Y., 1953.

Азимов М. История Франции. От Карла Великого до Жанны д'Арк. М., 2007.

Майорова Е.И. Женские лики Столетней войны. М., 2013.

Мишуа Ж. Дю Геклен. М., 2022.

Перруа Э. Столетняя война. СПб., 2002.

Сто лет войны в Европе // Война и знаменитые войны. 2002. № 4.

Фавье Ж. Столетняя война. СПб., 2009.

Sumption J. The Hundred Years War in IV Vol. Vol. 1. Trial by Battle. London; Boston, 1990.

E.V. Rozmysl

Grodno (Belarus)

Yanka Kupala State University of Grodno

THE PROBLEM OF SUCCESSION OF POWER IN NORTHERN FRANCE AT THE BEGINNING OF THE VALOIS DYNASTY

In this article the author reveals one of the little-studied pages of the Hundred Years' War: the impact of restrictions on female inheritance on the problem of transfer of power in the fiefs of northern France. Using the example of the County of Artois and the Duchy of Brittany, the reasons and prerequisites for the "centuries-old conflict" are revealed.

Keywords: continuity of power, inheritance, Philip VI, Robert III of Artois, Jean III the Good, "War of the Breton Succession".

П.Ю. Никитина
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

**«ВЕНЦЕНОСНЫЕ» ВЕДЬМЫ:
ЖАННА НАВАРРСКАЯ, ЭЛЕОНОРА КОБЭМ
И ЕЛИЗАВЕТА ВУДВИЛЛ**

Статья посвящена рассмотрению обвинений в колдовстве в английской королевской семье в течении XV в. Примечательно, что «дела» направлены против двух королей и одной герцогини. Автор делает попытку выяснить являются ли эти процессы предтечей охоты на ведьм или имеют политическую подоплеку.

Ключевые слова: Англия, XV в., Жанна Наваррская, Элеонора Кобэм, Елизавета Вудвилл.

XV в. в Англии – век беспокойный: заговоры, восстания, свержения королей, войны внешние и внутренние. Не обошлось и без обвинений в колдовстве. «Начиная с XII века, под влиянием нормандской традиции, колдовские практики стали рассматриваться в системе общего права как действия, содержащие угрозу для человека и его имущества. Согласно этой трактовке, колдовские действия оценивались и наказывались лишь по тому конкретному ущербу, который они приносили конкретным людям... Вплоть до сер. XVI века особого внимания со стороны королевской или церковной власти по отношению к колдовству не зафиксировано» [Игина 2009, с. 63–64]. Для данного же исследования интерес представляют малоизвестные обвинения в колдовстве королевских особ в Англии XV в.

Они отличаются следующими признаками: не являются массовыми; растянуты в течении XV в.; обвинения направлены против самых высокопоставленных и не самых популярных представительниц правящей династии.

В данной статье будет рассмотрено три «дела»: обвинения против королевы Жанны Наваррской, вдовы короля Генриха IV Ланкастера; обвинения против герцогини Элеоноры Кобэм, жены Хамфри Глостерского – дяди короля Генриха VI Ланкастера; обвинения против королевы Елизаветы Вудвилл, вдовы короля Эдуарда IV Йорка.

Рассмотрим все три «процесса» в хронологической последовательности. Вдова Генриха IV, Жанна Наваррская (ок. 1370–1437 гг.), по первому браку герцогиня Бретани и мать тогдашнего бретонского герцога. Союз с Жанной Наваррской повышал шансы Генриха IV на завоевание французского престола, но этим планам не суждено было осуществиться. Вероятно, брак Жанны и Генриха был счастливым, хотя его прохладно встретили как в Англии, так и в Бретани. Так или иначе, новая королева была принята с большой помпой, и ей было назначено ежегодное приданое в размере 10 000 марок [Myers 1940, p. 263].

Примечательно, что после смерти Генриха IV в 1413 г. она не вернулась в Бретань, а предпочла остаться в Англии. Несмотря на то, что брак Жанны с Генрихом был бездетным, ее отношения с детьми мужа, в частности с будущим королем Генрихом V, были дружескими [Strickland 1864, p. 70]. Некоторые источники утверждают, что Жанне было поручено регентство во время французской экспедиции Генриха в 1415 г. [Kingsford 1892, p. 393].

В любом случае, в 1419 г. духовник вдовствующей королевы Джон Рэндольф обвинил ее «в подстрекательстве к смерти короля самым ужасным образом, который только можно было придумать» [Myers 1940, p. 264]. Все это дело было очень туманным; ее обвинитель был приговорен к смерти, хотя впоследствии за него заступился герцог Глостер, о котором еще будет сказано.

Жанна была лишена своего огромного приданого и заключена под домашний арест. Места ее «заключения» менялись: она жила в Ротерхите, Дартфорде, Рочестере. Так как никакого дальнейшего расследования не последовало, королева не была стеснена в расходах: есть записи о покупках большого количества одежды, содержании многочисленной свиты, изготовления одежды из дорогих тканей. Из совокупности этих фактов делается вывод о том, что Генрих V обвинил мачеху в колдовстве либо из-за того, что ему не хватало средств для продолжения войны во Франции, либо потому что Жанна не склонилась своего сына – герцога Бретонского – на сторону Генриха [Ibid., p. 265].

Как уже было сказано, дальнейшего расследования или суда не последовало, лишь самого Рэндольфа арестовали и поместили в Тауэр. Но в 1422 г., на смертном одре, Генрих V приказал вернуть мачехе свободу и неприкосновенность. Остаток жизни Жанны прошел спокойно, умерла она в 1437 г. [Ibid., p. 266].

Через двадцать два года случился еще один случай обвинения в колдовстве королевской особы. «Дело» связано со второй женой герцога Хамфри Глостера, дяди короля Генриха VI, Элеонорой Кобэм (ок. 1400–1452 гг.). Изначально Элеонора была фрейлиной его первой жены, Жаклин де Эно,

затем стала любовницей. Расторжение брака с Жаклин де Эно, графиней Эно, Голландии и Зеландии, в 1428 г. и скорый брак с любовницей вызвал общественный резонанс. Новая герцогиня Глостер так и не смогла завоевать общественную любовь [Норвич 2012, с. 260].

Следует отметить, что в 1435 г. Хамфри Глостер становится наследником при юном Генрихе VI после смерти его старшего брата Джона Бедфорда [Там же, с. 264]. Очевидно, Элеонора Глостер была сильной личностью, ее амбиции не уступали амбициям мужа. Так же, стоит отметить, что герцог и герцогиня Глостер были близки к опальной королеве Жанне Наваррской. Временная опала королевы Жанны выявила живой интерес к оккультизму среди английской знати; и Элеонора держала в своем доме несколько сомнительных священников, практиковавших некромантию и колдовство [Griffiths 1969, p. 382–384].

В 1441 г. для герцогини Элеоноры был составлен гороскоп о здоровье короля Генриха VI. Его составителями были Роджер Болингброк, личный секретарь Элеоноры, и Томас Саутвелл, каноник церкви Св. Стефана в Вестминстерском дворце. Гороскоп содержал сведения о том, что король в ближайшее время умрет. Вскоре об этом стало известно. Составителей гороскопа арестовали и обвинили в колдовстве. Во время допроса один из них дал показания против герцогини. Всем троим были предъявлены обвинения в колдовстве и государственной измене. Далее утверждалось, что Элеонора, жена предполагаемого наследника, хотела стать королевой и хотела узнать, когда это произойдет [Ibid., p. 383].

Ни у кого не вызвали сомнений ни мотивы (Глостер все-таки был наследником трона), ни свидетельства. Томас Саутвелл скончался в Тауэре накануне казни, Роджер Болингброк же был повешен, выпотрошен и четвертован, Марджери Джорден передали в руки лондонских шерифов и сожгли на костре. Элеонора же должна был в течение трех рыночных дней ходить босиком по лондонским церквям. Перед этим ее развели с герцогом Глостером, а всю свою оставшуюся жизнь она провела в заключение на о. Мэн [Ibid., p. 395].

После заочения жены Глостер вынужден был уйти в отставку. Но и сам герцог не избежал опалы: в 1447 г. его арестовали по обвинению в государственной измене. Он скончался в заключении через три дня после того, как его арестовали [Ibid., p. 397–399].

И, наконец, третий случай произошел в 1483 г. Парламент издал статут «*Titulus Regius*» [Okerlund 2005, p. 248–250], в котором обосновываются права Ричарда III на престол. В нем содержатся обвинения в колдовстве вдовы брата Ричарда, Эдуарда IV, Елизаветы Вудвилл (1437–1492 гг.). Дело в том, что брак Елизаветы и Эдуарда в 1464 г. вызвал сильный общественный резонанс. Елизавета была старше короля на пять лет, имела двух взрос-

лых сыновей от первого брака со сторонником Ланкастеров, а ее происхождение вызывало вопросы [Strickland 1864, p. 208–209].

После того, как Эдуард IV скончался в 1483 г. в возрасте сорока лет, оставив двух несовершеннолетних сыновей, разгорелось противостояние между партией королевы Елизаветы и партией «короля». Партия «короля» и поспособствовала созданию «Titulus Regius». «...И здесь также мы считаем, однако, что этот фиктивный брак между вышеназванными королем Эдуардом и Елизаветой Грей был заключен по большой самонадеянности, без ведома и согласия лордов этого королевства, а также чародейством и колдовством, совершенным упомянутой Елизаветой и ее матерью Жакетт, герцогиней Бедфордской...» [Titulus Regius...]. Никаких подробностей здесь нет, но важно, что данные обвинения зафиксированы в статуте парламента. Согласно статуту, Елизавета и ее мать Жакетта прибегли к магии, чтобы заполучить короля, король вступил в недостойный брак, потому что стал жертвой колдовства. Так же, эти обвинения снимали ответственность за непопулярный брак с Эдуарда IV [Okerlund 2005, p. 250].

Таким образом, можно сказать, что все три «дела» являются политически ангажированными. Королева Жанна Наваррская была обвинена в колдовстве по двум возможным причинам. Ее пасынку для продолжения французской кампании нужны были финансы, соответственно, обвинив мачеху в колдовстве и не давая делу ход, он мог пользоваться ее деньгами как ему угодно. Но и не стоит также сбрасывать со счетов, что сын Жанны – герцог Бретонский – сражался за французского короля, т.е. против Генриха. Герцогиня Элеонора Кобэм пострадала из-за излишней амбициозности, своей и мужа, они оба претендовали на власть не ниже королевской. Увлечение оккультизмом и огромные амбиции сделали герцога и герцогиню Глостер уязвимыми для кардинала Бофорта и архиепископа Йорского, которые использовали это для устранения герцога Глостера с политической арены. Королева Елизавета Вудвилл пострадала из-за того, что Ричарду III нужно было легитимизировать свое политическое положение, так как он не стал лордом-протектором при Эдуарде V, сыне Елизаветы, а сам взошел на престол в обход племянников. Обвиненные в колдовстве дети Елизаветы были объявлены бастардами, соответственно, они не могли наследовать престол. Примечательно, что наименьшее прижизненное влияние обвинения в колдовстве оказало именно на Елизавету, так как «Titulus Regius» был отменен в 1485 г. Генрихом VII Тюдором, зятем Елизаветы Вудвилл.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Titulus Regius. URL: <https://web.archive.org/web/20130901080051/http://www.partyparcel.co.uk/>

Игина Ю.Ф. Водовство и ведьмы в Англии. Антропология зла. СПб., 2009.

Норвич Дж. История Англии и шекспировские короли. М., 2012.

Griffiths R. The Trial of Eleanor Cobham: An Episode in the Fall of Duke Humphrey of Gloucester // Bulletin of the John Rylands Library. 1969. No 51 (2).

Kingsford C. Joan of Navarre // Dictionary of National Biography. Vol. 29. N.Y.; L., 1892.

Myers A.R. The Captivity of a Royal Witch: The Household Accounts of Queen Joan of Navarre, 1419–21 // Bulletin of the John Rylands Library. 1940. Vol. 24. Iss. 2.

Okerlund A. Elizabeth Wydeville: The Slandered Queen. Stroud, 2005.

Strickland A. Lives of the Queens of England from the Norman Conquest. Vol. 1. L., 1864.

P.Y. Nikitina

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

“CROWNED” WITCHES:
JEANNE OF NAVARRE, ELEANOR COBHAM
AND ELIZABETH WOODVILLE

This article is devoted to the consideration of the accusation of witchcraft in the English royal family during the 15th century. It is noteworthy that the “cases” are directed against two queens and one duchess. The author makes an attempt to find out whether these cases are the forerunner of the witch-hunt or have politically motivated.

Keywords: England, 15th century, Jeanne of Navarre, Eleanor Cobham, Elizabeth Woodville.

А.А. Романова
г. Екатеринбург (Россия)
Уральский федеральный ун-т
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

**МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА
ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОТНОШЕНИИ
АЛБАНЦЕВ НА ПЕЛОПОННЕСЕ И В ЭВБЕЕ
(КОНЕЦ XIV – 1-я ПОЛОВИНА XV в.)***

Основной фокус настоящей работы сосредоточен на миграционной политике, которую Венецианская республика проводила в конце XIV – 1-й пол. XV в. в отношении албанских переселенцев, приходивших на подконтрольные ей территории Пелопоннеса и Эвбеи (Негропонта). Автор приходит к выводу, что Республика св. Марка, действуя по примеру византийских правителей Пелопоннеса, активно принимала в свои владения албанских иммигрантов, использовала их для решения проблем экономического, демографического и военного характера. Прежде всего албанцы интересовали Венецию как земледельцы и воины: они должны были поднять общий экономический уровень венецианских колоний, а также восполнить военные силы заморских владений Республики св. Марка без привлечения помощи из метрополии.

Ключевые слова: Албанцы, Венеция, миграционная политика, Пелопоннес, Эвбея.

В конце XIV – 1-й пол. XV в. Пелопоннес и Эвбея стали узловыми зонами одного из самых масштабных миграционных процессов позднего Средневековья – расселения албанских племен по территории Балканского полуострова. В этот период отдаленные от материка Пелопоннес и Эвбея были регионами наибольшего сосредоточения албанских мигрантов: во 2-й пол. XV–XVI вв. именно эти области стали плацдармом для дальнейшего переселения албанцев на острова Ионического и Эгейского морей [Jochalas].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского гуманитарного института УрФУ (программа «Мой первый грант»). The research funding from the Ural Institute of Humanities UrFU (“My First Grant” Program) is gratefully acknowledged.

Венецианская республика, которой принадлежали важные опорные пункты на Пелопоннесе и остров Эвбея (Негропонт), была одним из ключевых игроков на политической арене того времени. В настоящем исследовании предпринимается попытка проанализировать особенности миграционной политики Республики св. Марка в отношении албанцев, оказавшихся в конце XIV – 1-й пол. XV в. на венецианских территориях Пелопоннеса и в Эвбее.

Начало албанской колонизации Пелопоннеса положила политика греческого деспота Феодора I Палеолога, который в конце XIV в., пытаясь смягчить проблему нехватки человеческих ресурсов и хозяйственного запустения своих территорий [Белоруссова 2022, с. 361], принял на полуостров около десяти тысяч албанцев [Manuel II Palaiologos 1985, p. 121]. «Пришельцы [албанцы] селились на необжитых землях, леса вырубались, вся страна расчищалась, и многие дикие места, не нужные никому, кроме разбойников, отвоевывались и под умелыми руками земледельцев обрастали деревьями и всякими растениями» – так описывал последствия албанской иммиграции на Пелопоннес брат Феодора I византийский император Мануил II Палеолог [Ibid.]. Венецианцы, во многом лишь следуя примеру греческого правителя, пытались извлечь выгоду из земледельческого опыта новопривывшей на полуостров группы и также предоставляли ей для культивирования свои необработанные и запустевшие земли.

Так, первый известный источникам эпизод переселения албанцев на венецианские земли Пелопоннеса (в этом случае по инициативе самих венецианцев) был связан с репопуляцией «гордого и древнего» города Аргос в 1398 г., который годом ранее был захвачен, разграблен и сожжен турецкими войсками [Laonikos Chalkokondyles 2004, Vol. 1, p. 161]. В результате случившегося турками было уведено в рабство «14 тысяч его [Аргоса] сыновей» [Régestes... 1961. Т. 3, p. 168]. Численность убитых и захваченных жителей была настолько значительной, что венецианской администрации пришлось заселить территорию Аргоса албанцами. В венецианском Сенате в 1398 г. так говорили об этом решении: «Он [подеста Нафплиона–Аргоса] написал, что желает заселить землю Аргоса <...>; чтобы виноградники и другие территории нашей Общины обрабатывались, а не оставались необработанными, он приказал вернуть в эти края некоторых албанцев» [Monumenta Peloponnesiaca 1995, p. 397]. По всей видимости, Венеция привлекала мигрантов в Аргос налоговыми послаблениями [Régestes... 1961. Т. 3, p. 168–169], что служит подтверждением серьезной заинтересованности Республики в новых поселенцах.

Подобным же образом проблемы запустения, демографического спада и нехватки сельской рабочей силы венецианцы решали и в Эвбее [Jacoby 2004, p. 171]. Известно, что в 1402 г. Сенат приказал администрации острова

публично объявить, что «все албанцы или другие люди, не являющиеся нашими подданными, которые желают приехать на лошадях и поселиться [на острове] в течение ближайших двух лет, будут приняты на острове Негропонт и будут навеки освобождены от всех реальных и личных повинностей; и албанцы <...> будут обязаны держать столько лошадей, сколько имеется глав семейств, и они не смогут уйти с указанного Острова без разрешения указанного правительства, но они будут обязаны, когда это необходимо, выезжать верхом и идти на защиту Острова» [Sathas 1881. Т. 2, р. 79–80]. Кроме этого, переселенцам предоставлялись пригодные для обработки невозделанные земли общины [Ibid., р. 79]. К сожалению, источники не раскрывают конкретных количественных показателей и итогов албанского переселения 1402 г. Однако можно предположить, что предпринятых мер было недостаточно, чтобы решить проблемы Эвбеи. Так, известно, что спустя два десятилетия на остров прибыло около трехсот албанских семей из Афинского герцогства. Этот факт «очень обрадовал общину Негропонта» [Sathas 1882. Т. 3, р. 287], потому что прибытие албанцев «принесло удобство и пользу обозначенному Острову» [Ibid.].

Тем не менее, албанцы интересовали Венецианскую республику не только как земледельцы, но и как воины. Так, известно, что в 1402 г. кастелляны Корона и Модона – важнейших венецианских колоний Пелопоннеса – наняли для защиты своих владений 12 албанских наемников [Sathas 1881. Т. 2, р. 65–66], затем в 1425 г. приняли на военную службу двух албанских вождей, «один из которых пришел с пятью тысячами всадников, а другой с – пятьюстами всадниками» [Sathas 1880. Т. 1, р. 176]. Пришедшие албанцы, по сведениям венецианских источников, нуждались в равнинах и лугах, чтобы «продолжить жить со своими животными согласно своим обычаям» [Ibid.]. Венецианцы согласились их принять и обязались содержать их на сумму, равную не более 400 дукатов в год [Ibid.]. За это албанцы должны были защищать венецианские земли «как от турок, так и от всех остальных» [Ibid.]. Под «всеми остальными» венецианцы, вероятно, понимали византийских правителей, начавших вести на полуострове с 1417 г. активную экспансионистскую политику.

Положительное отношение Венецианской республики к албанской иммиграции, кажется, оставалось неизменным на протяжении всего рассматриваемого периода, несмотря на то что византийцы также использовали албанцев в своих военных кампаниях на Пелопоннесе и часто потворствовали тому, чтобы последние разоряли и грабили венецианские территории полуострова [Zakythinos 1932, р. 186].

Однозначная позиция Республики св. Марка в отношении албанских мигрантов, приходивших как в Эвбею, так и на Пелопоннес, была обуслов-

лена тем, что в конце XIV – 1-й пол. XV в. Венецианская республика видела в албанцах легкодоступный человеческий ресурс, с помощью которого она могла решить ряд экономических, демографических проблем, а также вопросы, связанные с безопасностью ее территорий. С помощью культивирования необработанных и запустевших земель Пелопоннеса и Эвбеи албанцами венецианцы надеялись оживить сельское хозяйство колоний, поднять их общий экономический уровень. С помощью албанских наемников, албанских ополченцев и кланов, пришедших под их управление – восполнить военные силы своих заморских владений без привлечения помощи из метрополии и других колоний, что было очень затруднительно в условиях османской угрозы и политической напряженности в Эгеиде в 1-й пол. XV в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Laonikos Chalkokondyles*. The Histories. Vol. 1–2. Cambridge; London, 2014.
- Manuel II Palaiologos*. Funeral Oration on His Brother Theodore. Thessalonike, 1985.
- Monumenta Peloponnesiaca: Documents for the History of the Peloponnese in the 14th and 15th Centuries. Camberley, 1995.
- Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie. T. 3. 1431–1463. P., 1961.
- Sathas K.* Mnēmeia hellēnikēs historias. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge. T. 1. P., 1880.
- Sathas K.* Mnēmeia hellēnikēs historias. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge. T. 2. P., 1881.
- Sathas K.* Mnēmeia hellēnikēs historias. Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge T. 3. P., 1882.
- Белорусова Т.Е.* На службе деспотам Морей: участие албанского населения в политических событиях на Пелопоннесе в первой половине XV в. // Античная древность и средние века. 2022. Т. 50.
- Jacoby D.* The Demographic Evolution of Euboea under Latin Rule, 1205-1470 // The Greek Islands and the Sea, Proceedings of the First International Colloquium held at the Hellenic Institute, Royal Holloway, University of London, 21–22 September 2001. Camberley, 2004.
- Jochalas T.* On Albanian Migration to Greece // Texts and Documents of Albanian History. URL: http://www.albanianhistory.net/1971_Jochalas/index.html
- Zakynthinos D.A.* Le Despotat grec de Morée. Vol. 1. Histoire politique. Athènes, 1932.

A.A. Romanova
Yekaterinburg (Russia)
Ural Federal University

IMMIGRATION POLICY OF THE VENETIAN REPUBLIC
TOWARDS ALBANIANS IN THE PELOPONNESE AND
EUBOEA (LATE 14th – 1st HALF OF THE 15th CENTURY)

The study is devoted to the Venetian migration policy towards Albanians who came to Peloponnese and Euboea in the late 14th – 1st half of the 15th century. The author concludes that Venice, acting on the example of the Byzantine rulers of the Peloponnese, actively accepted Albanians into its possessions and used them to solve its economic, demographic, and military problems. Albanians interested Venice as farmers and warriors who had to raise the economic level of the Venetian possessions, as well as to replenish the military forces of venetian overseas colonies without attracting help from the metropole.

Keywords: Albanians, Venice, migration policy, Peloponnese, Euboea.

С.В. Ситнер

г. Москва (Россия)

Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

АНГЛИЙСКИЕ И ШОТЛАНДСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ КАК АРГУМЕНТ В ЮНИОНИСТСКОЙ ПОЛЕМИКЕ 1604–1607 гг.

В статье рассматриваются исторические мифологемы о прошлом Англии и Шотландии, применявшиеся британскими авторами в ходе юнионистской полемики в 1604–1607 гг. Делается вывод о специфике актуализации прошлого каждой из сторон.

Ключевые слова: уния 1603, юнионизм, Англия, Шотландия, мифоистория.

24 марта 1603 г. английский престол унаследовал шотландский король Яков VI. Монарх сразу же поднял вопрос о развитии династической унии в «совершенную» унию парламентов и законодательных систем. Однако вопреки ожиданиям Якова, видевшего себя создателем новой нации, прения в Палате общин весной 1604 г. оказались весьма ожесточенными. Возражения вызывали даже минимальные новшества, вроде принятия имени «Великобритания» [Кондратьев 2017, с. 147–148]. Общественное мнение в Англии в целом оказалось враждебно настроено к полному слиянию с традиционным врагом [Epstein 1970, p. 121] и периодически раздражалось инвективами в адрес «нищих» и «грубых» шотландцев в памфлетах, пьесах, парламентских выступлениях (Кристофер Пигготт) [Waurechen 2013, p. 577–578]. Зашедшим в тупик обсуждениям не помогли и наработки англо-шотландской комиссии (29 октября – 6 декабря 1604) [Epstein 1970, p. 124–125]. Третья сессия парламента 1606–1607 гг. разобралась только с враждебными шотландцам законами, не решив проблем натурализации и освобождения шотландцев от пошлин [Epstein 1970, p. 129–132]. Гражданство для *post-nati* Якову пришлось добывать через суд (1608), а парламентская уния была достигнута лишь в 1707 г.

Проблема объединения двух долго враждовавших государств вызвала в период 1603–1605 гг. вал памфлетов и трактатов (17 английских и 9 шотландских) [Galloway 1986, p. 30], авторы которых, в целом разделяя идею

унии, разнились в своих взглядах на то, насколько тесной она должна быть (только общий монарх для двух королевств и сохранение status quo во всех остальных сферах, или же взаимная натурализация, свобода торговли, унификация судебной и законодательной систем, принятие общего названия, создание единого британского парламента, реформа благочиния и взаимное открытие доступа к бенефициям, судебным и государственным должностям) [Galloway 1986, p. 30–53]. Авторы стремились разобрататься в природе унии, найти и проанализировать прецеденты других уний, определить наиболее удобную (прежде всего для своей страны) стратегию в рамках нового государственного образования. В качестве аргументов привлекались примеры из ветхозаветной, античной и средневековой, а также современной авторам истории. Как отмечает Брюс Галлуэй, трактаты соседей объединял общий интеллектуальный контекст и повторяющийся набор аргументов [Ibid., p. 32]. Важно подчеркнуть, что, будучи композитными монархиями, Англия и Шотландия неизбежно вызывали в дискуссии имперский дискурс, неуступчивый относительно того, кто должен быть главным в унии [Mason 1987, p. 69; Armitage 2004, p. 26–29, 34–36]. Более того, в ходе пропагандистской кампании Генриха VIII, а затем протектора Сомерсета в пользу брака Марии Стюарт и Эдуарда VI в 1540-е гг. была разработана концепция протестантской империи Великобритании [Armitage 2004, p. 37–42]. В этой связи интерес представляют примеры из английской и шотландской истории, которые наглядно демонстрируют, как в риторических целях создаются и используются уже существующие исторические мифологемы о реальных и легендарных персонажах и событиях.

Иметь дело с актуализированным прошлым (usable past) мы будем на примере трех английских (юриста общего права, стюартовского политика Джона Доддриджа [1604]; антиквара Генри Спелмана [1604] и историка, переводчика Тацита Генри Сэвила [1604]) и четырех шотландских (клирика и французского придворного Джона Гордона [1603]; священника Роберта Понта [нач. 1604 г.]; юриста Джона Расселла [конец 1604 г.]; члена парламентской комиссии 1604 г. Томаса Крейга [1605]) юнионистских трактатов [The Jacobean Union... 1985, p. xlv–lxxix].

Камнем преткновения была уверенность англичан в том, что Шотландия с незапамятных времен вассал английской короны. Тюдоровская пропаганда ссылалась на гальфридианские легенды о троянце Бруте, его трех сыновьях и Артуре, а стюартовская опровергала, привлекая из «Скотихроникона» Джона Фордунского грека Гателуса и полубогородного короля Фергюса МакФерхарда [Galloway 1986, p. 11; Mason 1987, p. 62–64]. Однако, хотя Яков Стюарт использовал «британскую легенду» для легитимации своих прав на английский престол и роли объединителя острова, к нач. XVII в. восходящая к «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского ми-

фологема стала терять свое значение, уступая место «открытому» антикварию англо-саксонскому прошлому, которое быстро стало инструментом скептицизма Общин в отношении королевской пропаганды [Brinkley 1967, p. 8–12, 20–22].

Мы можем заметить эту смену исторической парадигмы на примере трактатов англичан: они аккуратно отказываются от обращения к истории Брута, но тщательно приводят примеры объединения Англии при англосаксонских королях Эгберте и Эдгаре, принесения шотландскими королями вассальной клятвы Вильгельму Руфусу (Малькольм III), Матильде (Давид I), Генриху II и Ричарду I (Вильгельм Лев), Эдуарду I (Джон Баллиол), Эдуарду III (Эдуард Баллиол) [Doddridge 1985, p. 145; Savile 1985, p. 190–192; Spelman 1985, p. 167, 169]. Дотошный антикварий Генри Спелман также напоминает о подчинении Шотландии англо-саксами Эдуардом Старшим и Этельстаном, датчанином Кнудом [Spelman 1985, p. 165], а юрист Доддридж подчеркивает, что это Альфред Великий назвал себя «Totius Britanniae Basilius» и «Totius Angliae Monarcha» [Doddridge 1985, p. 148]. Сказочной историю Брута считал и шотландский патриот Томас Крейг, который закономерно отрицал факты принесения вассальной присяги, утверждая, что английские монахи-хронисты (вроде Томаса Уолсингемского) не знали реального положения вещей (оммаж-де приносился за Камберленд и Хантингтон, Нортумбрию и Уэстморленд), а если такой вассалитет и имел место, то только как вынужденный временный шаг [Craig 1909, p. 241–249]. Впрочем, при выстраивании генеалогии Якова тот же автор не стесняется обратиться к упомянутым у Гальфрида королям Аврелию Амброзио и Утерпендрагону [Ibid., p. 265].

Удовлетворение гордости шотландцев, задетой высокомерием англичан, считавших их неучеными варварами, достойными в рамках унии лишь подчиненного положения [Savile 1985, p. 207–213; Spelman 1985, p. 166, 178–180], нашло свое выражение в противопоставлении никогда и никем не покоренной Шотландии, чья государственность старейшая в Европе, и пять раз завоеванной Англии [Craig 1909, p. 207–222; Pont 1985, p. 30]. Англии вредила сначала внутренняя раздробленность доримской Британии и Гептархии, затем неумная жадность в отношении северного соседа (Крейг уверен, что не было ни одного английского короля, кто не хотел бы покорить Шотландию), которая привела к потере (в результате Божьего гнева!) европейских владений [Craig 1909, p. 242] и чуме [Pont 1985, p. 9].

В целом, рассматриваемые шотландские авторы горячо поддерживают унию и убеждают южных соседей в ее необходимости, указывая, прежде всего, на религиозное единство острова и чистоту своего вероучения [Craig 1909, p. 286–287], которое изначально не было запятнано римскими суевериями и не так давно вернулось (благодаря Реформации) к изначальной

святости [Russell 1985, p. 115]. Понт даже считал, что Бог рассорил два народа из-за религиозной нечистоты [Pont 1985, p. 26]. Именно Реформация привела к тому, что между государствами уже 50 лет царит мир [Ibid., p. 7, 20, 25]. Следуя Гальфриду, шотландцы Гордон и Расселл подчеркивали, что Англия восприняла христианство при короле Луции в 187 г. н.э. или даже раньше, благодаря проповеди апостолов Петра, Павла, Симона Зилота и Иосифа Аримафейского, а при Констанции Хлоре и Константине укрывала гонимых христиан и поспособствовала изгнанию римского идолопоклонства отовсюду [Russell 1985, p. 79, 80, 115; Gordon 2011, p. 8–9, 25–27]. Более того, Крейг восхваляет деятельность миссионеров-скоттов (под которыми он понимает не только ирландцев, но и шотландцев) в Англии (которую они успешно крестили еще до миссии Августина Кентерберийского) и Европе [Craig 1909, p. 370–376].

Настаивая на равенстве участников унии, Крейг доказывает (ссылаясь на мифический закон Эдуарда Исповедника), что шотландцы за помощь в отражении атак норвежцев и датчан получили от англосаксов английское гражданство и потому могут рассчитывать на бенефиции и должности в Англии [Craig 1985, p. 341–349].

В современной истории всех авторов занимает неудавшийся брак Эдуарда VI и Марии Стюарт: для шотландцев, впечатленных после поражения при Пинки щедрыми обещаниями «*Epistle of Exhortacion, to Unitie and Pease*» протектора Сомерсета, это была упущенная из-за происков католического духовенства и лично кардинала Битона возможность равноправной унии [Craig 1985, p. 225, 256; Pont 1985, p. 6–7, 29; Russel 1985, p. 110, 120]. Англичане же, вероятно, менее серьезно восприняли былые предложения политической и правовой автономии, натурализации и свободной торговли: Спелман считал, что эти уступки были обусловлены историческим моментом и теперь не актуальны [Spelman 1985, p. 173–174], а Сэвил и Доддридж вовсе не упоминали этот эпизод.

Подводя итоги, можно отметить, что, отказавшись от легенд о Бруте и Артуре, англичане ищут прецеденты своего верховенства на острове в средневековой истории, более разборчиво подбирая свидетельства, чем шотландцы, которые вынуждены доказывать свою ценность и равноправие в готовящейся унии через апелляцию к церковной истории и своей древней независимости, наделение особым смыслом «эдвардианского момента».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Craig T.* De Unione Regnorum Britaniae Tractatus. Edinburg, 1909.
Doddridge J. A Breif Consideracion of the Unyon of Two Kingedomes // The Jacobean Union. Six Tracts of 1604. Edinburg, 1985.

Pont R. Of the Union of Britayne // The Jacobean Union. Six Tracts of 1604. Edinburg, 1985.

Gordon J. A Panegyrique of Congratulation for the Concord of the Realmes of Great Britaine. Early English Books Online Text Creation Partnership, 2011. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A01923.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext>

Russel J. A Treatise of the Happie and Blissed Unioun // The Jacobean Union. Six Tracts of 1604. Edinburg, 1985.

Savile H. Historical! Collections // The Jacobean Union. Six Tracts of 1604. Edinburg, 1985.

Spelman H. Of the Union // The Jacobean Union. Six Tracts of 1604. Edinburg, 1985.

The Jacobean Union. Six Tracts of 1604. Edinburg, 1985.

Кондратьев С.В. Юнионизм в Шотландии: от идеи к первой попытке реализации // Современная Европа. 2017. № 2 (74).

Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge, 2004.

Brinkley R.F. Arthurian Legend in the Seventeenth Century. N.Y., 1967.

Galloway B. The Union of England and Scotland 1603–1608. Edinburgh, 1986.

Epstein J.J. Francis Bacon and the Issue of Union, 1603–1608 // Huntington Library Quarterly. University of Pennsylvania Press. Feb. 1970. Vol. 33. No 2.

Mason R. Scotching the Brute: Politics, History and National Myth in Sixteenth-Century Britain // Scotland and England, 1286–1815. Edinburgh, 1987.

Waurechen S. Imagined Politics, Failed Dreams, and the Beginnings of an Unacknowledged Britain: English Responses to James VI and I's Vision of Perfect Union // Journal of British Studies. Cambridge University Press. July 2013. Vol. 52. No 3.

S. V. Sitner

Moscow (Russia)

Lomonosov Moscow State University

ENGLISH AND SCOTTISH HISTORICAL MYTHOLOGEMES
AS AN ARGUMENT DURING THE UNIONIST DEBATES
OF 1604–1607

The article examines historical mythologemes concerning English and Scottish pasts, used by British authors during the unionist debates of 1604–1607. A conclusion is made about the peculiarities of actualization of the past by each side.

Keywords: union of 1603, unionism, England, Scotland, myth history.

П.Ю. Кошелева

г. Москва (Россия)

Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

Санкт-Петербургский ин-т истории РАН

ИТИНЕРАРИИ ПРИНЦА КАРЛА СТЮАРТА В ИСПАНИИ (1623)*

В феврале 1623 г. Карл Стюарт, принц Уэльский предпринял поездку в Мадрид «инкогнито» для личного участия в переговорах о его браке с испанской инфантой Марией. Проект «испанского брака» был результатом временного сближения Англии и Испании в контексте миротворческой политики Якова I Стюарта. В данной статье автор предлагает обратиться к итинерариям Карла в ходе этой поездки для изучения системы коммуникаций в Европе раннего Нового времени. Обращение к итинерариям также ставит проблему «королевских пространств», демонстрация которых стала характерной особенностью политической культуры того времени. Прodelав часть пути в качестве частного лица, на определенном этапе принц был вынужден отказаться от статуса «инкогнито». Карл попал из маргинального в официальное «пространство власти». Он посещал выбранные Филиппом IV королевские резиденции и церемониальные мероприятия, которые демонстрировали образ Испании как мощной, богатой и просвещенной державы. Поездка ко двору испанских Габсбургов оказала особое влияние на представления принца об эффективных способах репрезентации абсолютной власти посредством организации «королевских пространств».

Ключевые слова: Яков I, принц Карл, герцог Бекингем, Филипп IV, инфанта Мария, граф Оливарес, «испанский брак», путешествие «инкогнито», итинерарии, «королевское пространство».

В данной статье исследуется путешествие английского принца Карла в Мадрид «инкогнито». Принц предпринял его в 1623 г. в ходе переговоров о женитьбе на испанской инфанте Марии. Карл хотел ускорить заключение

* Научная работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 21-18-00181 «Итинерарии власти. Передвижения правителей России и Западной Европы в политической культуре XVI – начала XVII в.».

договора и лично привезти свою невесту в Англию. Этот сюжет интересовал многих исследователей в контексте изучения англо-испанских отношений нач. XVII в., а сам проект союза принца Карла и инфанты Марии получил в литературе устойчивое название «испанский брак». Поездка английского принца еще не рассматривалась с точки зрения «итинерариев власти», поэтому в рамках данной статьи автор ставит перед собой задачу реконструировать путь Карла по Европе, оценить возможности системы коммуникации того времени и проанализировать эволюцию вовлечения принца в так называемое «королевское пространство» испанских Габсбургов.

В 1603 г. на английский престол взошел Яков I Стюарт, который занял позицию миротворца во внешней политике [Akrigg 1967]. В 1604 г. он окончил затяжную войну с Испанией и подписал мирный договор. Испанцы предложили королю закрепить добрые отношения посредством брачного союза наследников, но переговоры велись не регулярно. Только к 1618 г. стороны вновь задумались о перспективе брака, потому что обстановка в Европе мотивировала к укреплению внешних связей. Союз мог стать хорошим способом разрешения проблем зятя Якова, Фридриха Пфальцского, потерявшего наследные земли Пфальца после неудачной попытки стать королем Богемии. В случае установления матримониальных связей с Испанией, английский король надеялся на содействие испанских Габсбургов в возвращении земель Фридриху. Главной целью Испании на данном этапе был нейтралитет Англии в ходе Тридцатилетней войны, а также улучшение положения английских католиков. Желание Англии и Испании заключить брачный договор было обоюдным, однако переговоры оказались затруднены поиском компромиссных условий. Обязательным оказалось получение согласия Папы Римского на брак.

Долгое ожидание заставило принца лично отправиться в Мадрид («инкогнито»). Его сопровождал маркиз Бекингем, секретарь принца и бывший английский посол в Испании Френсис Коттингтон, а также переводчик и секретарь принца Эндимион Портер. 18 февраля 1623 г. принц и маркиз отправились в Дувр. Замаскировавшись и надев накладные бороды, они представлялись везде как Джек и Том Смиты, пересекли Ла-Манш и высадились в Кале [Redworth 2003, p. 77].

Путь от Дувра через Монтрёй и Булонь до Парижа занял у принца и его спутников три дня. Путешествие «инкогнито» ускоряло передвижения и по взаимной договоренности обеспечивало возможность неформального общения на высоком уровне [Lemée 2020]. Англичане не задержались в Париже и уже 23 февраля отправились в сторону Мадрида. Сухопутный путь занял у них тринадцать дней. Интересно, что в письмах к отцу принц [The letters, speeches and proclamations... 1968] подробно не фиксирует свои передвижения. Однако, можно предположить, что по тому же пути, что и Карл, позднее

добирался Джеймс Харрис, секретарь английского посольства в Мадриде с 1768 г. [Malmesbury 1845]. Его дневники позволяют реконструировать традиционный маршрут: от Парижа до Байонны он проезжал Бурдьё, Блуа, Тур. Около Байонны простирались Пиренеи. По Испании Харрис передвигался на мулах, как было принято и в нач. XVII в., потому что только эти животные были достаточно выносливы, чтобы преодолеть гористую местность. От Байонны он добрался до муниципалитета Ронсесвальес, достиг столицы Наварры – г. Памплона. От Памплоны до Мадрида оставалось не больше шести лиг, однако расстояние получилось преодолеть только за десять дней. За два дня Харрису удалось добраться до реки Эбро, затем пройти через небольшие города Агреда и Тафалья. За 5 лиг от Мадрида на его пути встретился г. Алькала. Джеймсу Харрису потребовалось двадцать шесть дней, чтобы добраться из Англии до Мадрида. Карлу же понадобилось всего лишь восемнадцать дней.

Принц и герцог прибыли в Мадрид вечером 7 марта, в пятницу. Первым делом они отправились к английскому послу в Испании Джону Дигби, графу Бристолу [A true Relation and Journall of the Manner of the Arrivall... 1809, p. 525]. Предстояло подумать над тем, как преподнести приезд принца Уэльского в Мадрид самому консервативному и церемонному испанскому двору. Принц Карл прибыл «инкогнито», а значит, не имел достаточно права на официальное посещение королевского Алькасара. Тем не менее личный приезд английского наследника не оставил испанского короля Филиппа IV равнодушным, поэтому первые встречи проходили тайно в каретах и парках, вне главных «королевских пространств» [Hortal Muñoz 2022] – дворцов и прочих резиденций. Однако Филипп IV всячески выражал свое желание видеть принца в Мадриде официально.

Торжественный въезд Карла в Мадрид был назначен на 16 марта 1623 г. Свои действия и впечатления принц подробно описал в письме отцу от 17 марта. Сначала он отправился в монастырь Святого Иеронима, так как именно оттуда короли Испании начинали свою торжественную процессию к Мадриду. Отобедав там, принц до четырех часов принимал советников короля. Затем прибыл Филипп IV, и они вместе отправились в Мадрид. Карл ехал по правую руку Филиппа, что было проявлением особого уважения. За ними следовали герцог Бекингем и граф Оливарес. Они проехали по центральной площади Пуэрта-дель-Соль, а затем по главной улице ко дворцу Алькасар. Путь Карла в Мадриде был практически идентичным пути испанского короля при торжественном въезде в город. Все улицы были роскошно украшены, на них выступали лучшие танцоры и музыканты. В Мадриде царила атмосфера настоящего праздника.

Испанская сторона вернулась к традиционному церемониалу и обрела контроль над ситуацией, публично продемонстрировав свое расположение

к гостям и готовность к переговорам о браке. Карла принимали как будущего короля и демонстрировали величие власти испанского монарха. Принцу были выделены покои в Алькасаре, в резиденции самого Филиппа IV и его семьи. Подобный выбор говорил о высокой оценке визита Карла и значимости его пребывания в столице Испании.

Король Яков понимал, что официальное появление принца при испанском дворе сопряжено с особыми церемониями. Именно поэтому он направил сыну достойные королевских особ дары [Кошелева 2023], а также свиту для самого Карла, состоявшую из молодых английских аристократов. Их путь подробно зафиксировал один из участников поездки, Ричард Уин [Sir Richard Wynn's Account... 1729], описав все сложности путешествий по Испании в XVII в.

Изначально задуманная принцем как быстрое путешествие «инкогни-то», поездка затянулась на семь месяцев в ожидании разрешения на брак от Папы Римского. Долго не удавалось выработать условия, которые бы удовлетворяли обе стороны. Все это время Карл находился при испанском дворе. Он посещал публичные церемонии, несколько раз принимал участие в торжественном обеде с королем, осматривал коллекции картин, хранящихся в галерее второго этажа Алькасара, а также навещал знаменитых испанских коллекционеров. Принц посетил королевскую Оружейную палату и побывал в знаменитом католическом монастыре Дескальсас Реалес. Засвидетельствовав свое прибытие официальным въездом в Мадрид, Карл был полностью вовлечен в «королевское пространство» Габсбургов.

Разрешение Папы Римского Григория XV на брак было получено в конце апреля. Условия брака оставались по-прежнему не в пользу англичан, однако после долгих обсуждений и дискуссий с испанскими богословами, принц Карл согласился на выдвинутые Папой и Филиппом IV условия. Английской стороне пришлось обещать ослабить гонения на католиков, сохранить католическое вероисповедание инфанты и ее будущих детей, смириться с возрастающим влиянием Папы Римского в Англии. В четверг 25 июля в присутствии государственного совета прошла официальная церемония, закреплявшая условия договора о браке. Заключение самого брака было отложено на год, для того чтобы убедиться в соблюдении англичанами всех условий.

Наконец, в субботу 30 августа 1623 г. Карл и герцог Бекингем покинули Мадрид. На этот раз они избрали путь в Англию по морю. Продвигаясь к порту Сантандер, Карл побывал во многих знаменитых городах и резиденциях испанских Габсбургов, которые наилучшим образом демонстрировали все величие правящего дома [A Relation of the Departure... 1809].

Король Филипп IV и его братья Дон Карлос и дон Фернандо проводили принца и его спутников до великолепного дворца-резиденции Филиппа II.

Эскориал называли «восьмым чудом света», поэтому испанцы охотно показывали его иностранным послам и гостям. Приглашая гостя в Эскориал, Филипп IV показал, что он чтит наследие предков и, как и его прославленный дед, является главными покровителями католической церкви, наук и искусства.

Существует мнение, что именно в Эскориале Карл в последний раз обсуждал с Филиппом IV возвращение Фридриху Палатината. Король ответил, что восстановление Пфальца будет его свадебным подарком принцу, тем самым ничего не обещал твердо и уходил от ответа [Pursell 2002, p. 716]. По итогам переговоров принц Карл и герцог Бекингем окончательно перестали верить в разрешение этого вопроса с помощью испанского брака. Тем не менее, на момент прощания с испанским королем Карл не высказал своих сомнений.

Обратный путь принца и герцога проходил через деревушку Гвадаррама и королевский дворец в местечке Вальсеин. 3 сентября Карл и его спутники около четырех часов дня вошли в Сеговию, где принца принимали очень радушно, а 6 сентября они уже были в Вальядолиде. Там Карла встретили со всеми почестями, показали королевский дворец и сад, а также продемонстрировали работы Рафаэля и Микеланджело, находившиеся в местном собрании. Обратный путь занял больше времени, так как принц возвращался не в статусе «инкогнито» и посещал известные «места силы» испанских правителей.

Карл и его спутники прибыли в порт Сантандер 10 сентября 1623 г. Из-за погодных условий только 18 сентября делегация отправилась обратно в Англию и добралась до Портсмута 5 октября. В конечном итоге, несмотря на долгое обсуждение условий, брак между принцем Карлом и инфантой Марией так и не состоялся.

Таким образом, в ходе путешествия и пребывания принца Карла в Испании стоит выделить два этапа. На первом он выступал «инкогнито», что дало возможность быстро и относительно безопасно добраться до Мадрида. Реконструкция маршрута и времени следования англичан свидетельствует о достаточно развитой системе коммуникаций, позволившей путешественникам как частным лицам прибыть из Лондона в Мадрид всего за 18 дней.

Статус «инкогнито» в принципе не препятствовал неофициальным встречам на высшем уровне, однако они происходили в «маргинальном» пространстве [Anderson 2016], что казалось принимающей стороне недопустимым нарушением протокола. На втором этапе, когда «инкогнито» было раскрыто, принц оказался полностью вовлечен в публичное пространство двора и официального королевского церемониала. После торжественного въезда в Мадрид и размещения в Алькасаре все перемещения Карла определяла испанская сторона. Филипп IV демонстрировал английскому принцу

счастливого единение католической веры и абсолютной монархии, которое были основой внутренней политики Габсбургов. Сеть так называемых «королевских мест» охватывала всю Испанию, и тем самым объединяла множество территорий под властью одного монарха, который всегда незримо присутствовал повсюду.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

A Relation of the Departure of the Most Illustrious Prince of Wales from Madrid, the 9th of September, this Present Yeare, 1623 // A Collection of Scarce and Valuable Tracts. Vol. 2. L., 1809.

A True Relation and Journall of the Manner of the Arrivall, and Magnificent Entertainment Given to the High and Mighty Prince Charles, Prince of Great Britaine, by the King of Spain, in His Court at Madrid // A Collection of Scarce and Valuable Tracts. Vol. 2. L., 1809.

Sir Richard Wynn's Account of the Journey of Prince Charles's Servants into Spain in the Year 1623 // *Historia vitae et regni Ricardi II*. Oxford, 1729.

The Letters, Speeches and Proclamations of King Charles I. L., 1968.

Коселева П.Ю. Карл, принц Уэльский, при дворе Филиппа IV Испанского: визит «инкогнито» и проблема обмена дарами // *Вестник МГИМО-Университета*. 2023. Т. 16. № 1.

Akrigg G.P.V. Jacobean Pageant or the Court of King James I. N.Y., 1967.

Anderson R. Marginal Diplomatic Spaces During the Jacobean Era, 1603–1625 // *Early Modern Diplomacy, Theatre and Soft Power, Early Modern Literature in History*. L., 2016.

Hortal Muñoz J.E. Royal Sites as Core Element of Early Modern Monarchies: Social Integration in Seventeenth-Century Castile // *Royal Studies Journal*. 2022. Vol. 9. Iss. 2.

Lemée E. The Language of Incognito in Late Seventeenth-Century Diplomacy // *Legatio. The Journal for Renaissance and Early Modern Diplomatic Studies*. 2020. Vol. 4.

Malmesbury J.H. Diaries and Correspondence of James Harris, First Earl of Malmesbury, cont. his account of his missions at the court of Madrid, to Frederick the Great, Catherine the Second, and at the Hague; and of his special missions to Berlin, Brunswick, and the French republic. Vol. 1. L., 1845.

Pursell. B. The End of the Spanish Match // *The Historical Journal*. 2002. Vol. 45. No 4. Dec.

Redworth G. The Prince and the Infanta: The Cultural Politics of the Spanish Match. New Haven, 2003.

P.Yu. Kosheleva

Moscow (Russia)

Lomonosov Moscow State University

St. Petersburg Institute of History of RAS

ITINERARY OF PRINCE CHARLES STUART IN SPAIN (1623)

In February 1623, Charles Stuart, Prince of Wales made a trip to Madrid “incognito” to participate personally in negotiations on his marriage with the Spanish Infanta Maria. The “Spanish match” project was the result of a temporary rapprochement between England and Spain in the context of the peacemaking policy of James I Stuart. In this article, the author suggests to study Charles’s itineraries during this trip. This problem is interesting from the point of view of studying the communication system in early Modern Europe. The itinerary also addresses to the problem of “royal spaces”, which demonstration became a characteristic feature of the political culture of that time. Having traveled part of the way as a private person, at a certain stage the prince was forced to give up the status of “incognito”. Charles got from the marginal to the official “space of power”. Philip IV desired to demonstrate the image of Spain as a powerful, rich and enlightened power, that’s why prince attended the royal residences and ceremonial events. The trip to the court of the Spanish Habsburgs had a special impact on the prince’s ideas about effective ways of representing absolute power through the organization of “royal sites”.

Keywords: James I, Charles Stuart, Duke of Buckingham, Philip IV, Infanta Maria, Count Olivares, “The Spanish Match”, “incognito”, itinerary, “royal sites”.

А.О. Мулеев
г. Казань (Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

ШЕКСПИРОВСКИЙ ОБРАЗ ГЕНРИХА VI В ИСТОРИОГРАФИИ

Данная статья посвящена изучению исторических хроник Шекспира в историографии. В центре внимания автора статьи находится вопрос о том, как оценивают историки образ английского короля Генриха VI, созданный Шекспиром на страницах одноименной исторической хроники. Делается вывод – исторические хроники Шекспира являются очень полезным и интересным материалом для изучения представлений об Англии позднего Средневековья в период правления династии Тюдоров. Исторические хроники Шекспира необходимо рассматривать с учетом принципа историзма, поскольку на драматурга влияла существовавшая в его эпоху традиция историописания.

Ключевые слова: У. Шекспир, Генрих VI, XV век, Англия, позднее Средневековье.

Исторические хроники Уильяма Шекспира давно привлекали различных исследователей, прежде всего филологов. Историки реже обращались к ним, хотя, по нашему мнению, сочинения английского драматурга заслуживают более пристального внимания специалистов.

Одной из наиболее значимых работ, посвященных данной проблематике, является исследование советского историка М.А. Барга «Шекспир и история», вышедшая в 1976 г. В ней автор ссылается на некоторых из своих коллег, которые интересовались тем, как Шекспир трактовал в своих произведениях различные исторические сюжеты, касающиеся прошлого Англии, а также то, как поэт видел исторический процесс в целом. При этом стоит заметить, что исследователи творчества Шекспира, как отмечает М.А. Барг, часто специально не обращались к биографиям отдельных персонажей английской истории, созданных драматургом. Тем не менее, советский историк отметил, что взгляд английского писателя на исторические события эпохи правления короля Генриха VI основан на своего рода биографическом методе [Барг 1976, с. 3–4].

Если рассматривать труды зарубежных шекспироведов, можно заметить, что многие исследователи считают, что писатель не имел собственного исторического воззрения и лишь использовал в своих произведениях сумму исторических фактов, интерпретация которых, к тому же была крайне противоречива. Шекспиру приходилось делать выбор между двумя точками зрения в историографии. Исходя из первой, Генрих VI заслужил все беды в наказание за грехи своего деда Генриха IV Ланкастера, который узурпировал власть, по мнению Йорков. Последние решили его покарать. Этот взгляд предложен, в частности Р. Холиншедом, английским хронистом XVI в. Другой взгляд характерен для тюдоровской историографии. Например, Э. Холл утверждал, что Генрих IV пришел, наоборот, исправить ситуацию в Англии после мрачного и тяжелого периода правления Ричарда II, чьи действия разоряли страну. Представители этой точки зрения считали, что эпоха его внука – Генриха VI не должна оцениваться столь однозначно. Самого Генриха авторы воспринимают как святого мученика. Некоторыми английскими историками хронисты эпохи Тюдоров воспринимаются как своего рода примирители двух династий – Йорков и Ланкастеров [Там же, с. 92].

У. Шекспир посвятил королю Генриху VI отдельную хронику. По нашему мнению, ее можно рассматривать в качестве своеобразного исторического исследования: в ней упоминаются реальные исторические личности, рассказывается о событиях, проблематизируется подача материала. Автор, например, задается вопросом – кто виноват в бедах Англии. Кроме того, драматург один из первых замечает важность участия народа в исторических событиях [Там же].

Однако, существует иной взгляд на ценность исторических хроник английского писателя. Еще в нач. XX в., российский исследователь Е.В. Аничков отмечал различные искажения исторических фактов у Шекспира. В частности, согласно тексту хроники «Генрих VI» Эдмунд Мортимер, находясь под стражей, рассказал Ричарду Йоркскому, который указан племянником первого, о правах второго на английский престол. На самом же деле Эдмунд не был дядей Ричарду, он умер на свободе, находясь, если не в дружеских, то точно не во враждебных отношениях с королем [Аничков 1903, с. 1].

Помимо ошибок исследователи отмечают и анахронизмы. Среди таковых можно выделить тот факт, что Шекспир упомянул участие Ричарда Глостера (брата Эдуарда IV) в битве при Сэнт-Олбансе в 1455 г.; но, так как он родился только в 1452 г., конечно же, его участие в битве было невозможно. Аничков делает вывод о том, что с большой долей вероятности Шекспир допускал ошибки сознательно, ему мог быть сделан заказ от Елизаветы I [Там же].

Некоторые исследователи отмечают, что Шекспир, вероятно, мог писать свои пьесы лишь с целью показать свои работы публике, получить славу

и известность. Если принять эту точку зрения, то становится понятно, что он делает для того, чтобы донести длинную историю за ограниченное время и в таком виде, который бы заинтересовал публику, учитывая несильно распространённую грамотность среди населения Англии XVI в. [Rogers 1966, с. 2]. Тем самым, сторонники этой точки зрения прижимают значение работ Шекспира.

Однако, данный взгляд нуждается в корректировке. В эпоху первых Тюдоров появляются новые подходы к осмыслению прошлого. Их суть заключалась в том, что историю можно применить для практических целей, научиться на примерах истории, а полученные знания использовать в политике, раскрывая сущность и функции государства. Исследователи отмечают, что помимо гуманистической историографии, которая лежала в основе этого нового подхода к истории, существовали и другие, порожденные Реформацией. Они приписывали важнейшую роль в истории провидению, тем самым объясняя божественное происхождение королевской власти и отвечая на вопрос, почему необходимо было подчиняться монарху. Историки-гуманисты, в свою очередь уделяли особое внимание причинно-следственным связям в историческом повествовании, в освещении которых и заключен смысл историописания. По сути, английскую историографию рубежа Средних веков и Нового времени можно представить как симбиоз двух вышеперечисленных идей: с одной стороны – гуманистическая идея о человеке, как творце истории, с другой – божественное предопределение [Барг 1976, с. 97–104].

Что касается непосредственно пьесы «Генрих VI», то можно отметить, что одни исследователи считают, что драматург видел во всех событиях, которые происходили с Ланкастерами в целом и Генрихом VI в частности кару за нарушение их представителем естественного миропорядка. Поэтому Шекспир делает из герцога Йоркского орудие для подобной кары, хотя поступок герцога не оправдывается самим автором, так как не является в свою очередь правомерным [Мортон 1966].

В это же время есть исследователи, которые акцентируют внимание на другом. По их мнению, Шекспир не связывает события периода правления Генриха VI с влиянием провидения. Таким образом, смута, происходившая в стране в этот период, вызвана неспособностью самого монарха к управлению. При этом отмечаются честолюбие и жажда власти соперника короля. Английский драматург отдаёт предпочтение самому королю, как государственному деятелю, и олицетворению государства. При этом в хронике Шекспира Генрих показан хоть и законным, но одновременно недееспособным правителем. Соперник Генриха, Ричард III, показан способным грамотно воспользоваться властью. Возможно, драматург запечатлел момент смены эпох: Средневековья, где роль каждого в государстве, особенно короля,

закреплялась раз и навсегда, и Нового времени, где ресурсы были в руках способных ими воспользоваться [Барг 1976, с. 104–122].

При этом заметно, что произведение Шекспира по большей мере написано не о самом короле, а об окружающей его действительности: интригах дворян, участию в них его жены, восстанию народных масс. Сам Генрих VI появляется еще ребенком лишь в третьем акте как добрый и ласковый персонаж, который желает примирить всех, но точно не способен подчинить другого человека своей воле. Так, он примиряет своих давних опекунов епископа Бофорта и Хамфри Глостера, в руках которых, по сути, и находилась верховная власть в Англии в то время. Также Генрих, согласно Шекспиру, так или иначе, поддерживал Ричарда Йоркского, восстановив его в правах на престол (хотя он их не терял), посвятил его в рыцари; несмотря на то, что это рано или поздно приведет к большему усилению Йорков. Вероятно, таким ходом драматург старался выстроить определенный образ Ричарда, знакомил с ним публику, чтобы еще больше рассказать о нем в последующих пьесах [Норвич 2013, с. 41].

Генрих у Шекспира вспоминает, что ему было предсказано определенными знаками, которые присутствовали при его рождении: визг совы, крик ночного ворона, лай собак. Пришедший его убивать Ричард Глостер также припоминает, что ему предсказывали злодеяния: родился якобы ногами вперед. Так у драматурга судьбы двух антиподов сошлись [Rogers 1966, с. 104]. Шекспир, говоря от лица одного из героев своей пьесы, отмечает, что беду предвещает тот факт, что правление оказывается в руках младенца. Этим он, в принципе, не отличается мнением от других людей, анализировавших в своих произведениях эпоху правления Генриха VI. Однако, драматург подчеркивает, что хуже может быть, если при дворе происходит разлад [Шекспир 1968].

Словами Ричарда Йорка Шекспир передает мнение о том, что некоторые могли видеть Генриха VI надменным, что могло быть по причине заметной любви короля к книгам, которую не каждый житель страны видел с положительной стороны. Однако, нужно учесть один вопрос: использовал ли Генрих при своем правлении какие-либо поучения писателей, которые творили до его рождения и при нем? Если учесть, что сам драматург подчеркивает несамостоятельность решений короля в вопросах управления государством, то данный вывод является противоречивым [Там же].

При этом, Шекспир изобразил Генриха исключительно хорошим человеком: начитанный, благочестивый, мягкий добросердечный и безобидный, который ненавидел ссоры, постоянно происходившие вокруг него, и был, согласно Шекспиру, готовым уйти в монастырь, чем оставаться в запутанных событиях его времени. Помимо этого, он показан слабым, слабейшим из английских королей, который оказался у власти в тот момент, когда

Англии особенно нужен был сильный правитель [Rogers 1966, с. 100]. Так едва повзрослевшему Генриху пришлось заключать «бессмысленный», по выражению некоторых исследователей, брак с француженкой, чтобы остановить войну с Францией, успех в которой на протяжении его царствования перешел людям с другой стороны Ла Манша, после заключения которого интриги при дворе, а значит и беды, только продолжились, если не усилились, учитывая разгоревшуюся вскоре Войну Роз [Барг 1976, с. 175].

Некоторые исследователи отмечают, что Генрих VI выглядит в произведении легковерным простаком, хотя этот образ был создан не без оснований (у Генриха, вероятно, была душевная болезнь) [Аничков 1903, с. 2]. Отмечается, что король не мог быть изображен тираном, потому что таким образом автор не смог бы подчеркнуть честолюбие действий его противников – Йорков. При этом король в присущем ему мученическом духе указывает на то, что он сам виноват в такой ситуации, когда из-за его безвольности у герцога появилось еще большее желание заполучить престол, что и привело к междоусобной войне [Барг 1976, с. 138–148]. Шекспир в третьем акте своего произведения показывает Генриха переодетым в одежду другого человека и бродящим по лесу. На самом же деле король прогуливался недалеко от Уоддингтон-Холла. Но искажение факта помогает драматургу создать сцену уединения, когда король мог подумать о своей судьбе. Шекспир в очередной раз этой сценой подчеркнул задумчивую натуру Генриха [Норвич, 2013, с. 52]. Такой образ Генриха мог быть перенят Шекспиром у Полидора Вергилия, на труды которого он, вероятно, опирался. Именно в своем сочинении Вергилий делает Генриха VI практически мучеником [Браун 2016, с. 144–145].

Исследователи отмечают, что Шекспир подчеркивает, что Генрих, будучи на высшем посту, который подразумевает большую ответственность, на самом деле тоскует о мирной жизни и некоем идиллическом идеале счастья. Подобное изображение героя более похоже не на фатализм драматурга, а на его веру в такой миропорядок, где человеческая воля такое же важное звено, как и, например, явления природы [Иванов 1896].

В целом, большинство историков признают ценность хроник Шекспира для изучения отношения ближайших потомков к таким историческим персонажам как Генрих VI. Они считают, что хроники Шекспира отражают дух времени и повествуют о моментах жизнедеятельности основных и реальных действующих лиц времени правления Генриха VI. При этом важно отметить, что драматург писал свой труд в рамках историографической традиции своей эпохи, следовательно, мы не можем оценивать его творчество как труды современных исследователей. Ценность произведений Шекспира состоит в том, что он стремился показать, как деятели эпохи правления Генриха VI осмыслили деяния своего короля.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Аничков Е.В.* Король Генрих VI // *Шекспир В.* Полное собрание сочинений. Т. 5. СПб., 1903.
- Барг М.А.* Шекспир и история М., 1976.
- Браун Е.Д.* Войны Роз: История. Мифология. Историография. М., 2016.
- Иванов И.И.* Шекспир: Его жизнь и лит. деятельность. СПб., 1896.
- Норвич Дж.Дж.* История Англии и шекспировские короли. М., 2013.
- Мортон А.Л.* Шекспир и история // *Шведов Ю.* Шекспир в меняющемся мире. М., 1966.
- Шекспир У.* Генрих VI. Ч. 1. М., 1968.
- Rogers W.H.* Shakespeare and English History. Totowa, 1966.

A.O. Muleev

Kazan (Russia)

Kazan (Volga Region) Federal University

W. SHAKESPEARE AS A BIOGRAPHER OF HENRY VI

This article is devoted to the study of historical chronicles of Shakespeare in historiography. The author of the article focuses on the question of how historians assess the image of the English king Henry VI, created by Shakespeare on the pages of the historical chronicle of the same name. It is concluded that Shakespeare's historical chronicles are very useful and interesting material for studying of the way England in the Late Middle Ages looked for people who lived during the reign of the Tudor dynasty. Shakespeare's historical chronicles must be considered taking into account the principle of historicism, since the playwright was influenced by the tradition of historiography that existed in his era.

Keywords: W. Shakespeare, Henry VI, 15th century, England, Late Medieval.

Т.С. Комбарова
г. Санкт-Петербург (Россия)
Санкт-Петербургская академия художеств им. И. Репина

ОБРАЗЫ НОВОГО СВЕТА В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ МОТИВОВ ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ В ВИЗУАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ ЕВРОПЫ

С началом Нового времени в мировоззрении средневекового человека произошел глобальный переворот, поводом для которого во многом стало открытие Нового Света. Это событие привело к качественным изменениям не только автохтонных культур, но и оказало сильное влияние на жизнь европейского общества. Активный приток экзотических растений, животных, ювелирных изделий и различных товаров, а также господствующая в Европе мода на антики спровоцировали расширение аристократических коллекций редкостей и интеграции предметов и визуальной культуры Нового Света в изобразительные традиции европейского общества.

В статье рассматриваются пути проникновения материальной культуры народов Доколумбовой Америки в культурную среду западноевропейского общества, а также возникновение и процесс интеграции американских образов и мотивов в изобразительное искусство Европы.

Включение мотивов Доколумбовой Америки в изобразительное искусство ренессансной Европы во многом произошло благодаря моде на коллекционирование экзотических предметов, активно привозимых из-за океана. Наиболее характерные образы, ассоциирующиеся с Новым Светом, использовались для оформления помещений, в которых располагались американские коллекции. С развитием исторической науки в живописи все чаще стали появляться сюжеты на тему Завоевания Америки, которые дают представление об оценке обществом как данного исторического события, так и колониальной практики в целом. С течением времени коллекции постепенно трансформировывались, а экспонаты теряли свой статус экзотики, перемещаясь в музеи естественной истории, как это произошло с американской коллекцией семейства Медичи во Флоренции. Таким образом, некогда диковинные, необычные для европейцев вещи становились неотъемлемой частью привычного окружающего мира.

Ключевые слова: Новый Свет, колониальное искусство, ацтеки, Монтесума, Медичи, Габсбурги, коллекции, кабинеты редкостей, Мехико, Новая Испания, Людовико Бути.

Наступление Нового Времени ознаменовалось Эпохой Великих географических открытий, важнейшим из которых для европейского мира стало открытие Америки Христофором Колумбом в 1492 г. Это событие повлекло за собой ряд изменений как в политико-экономической области, так и в социально-культурной среде. Западноевропейское общество, для которого столетиями мир представлялся трехчастным [Кревченко 2019, с. 72], испытало на себе глобальный переворот в космографических представлениях и различными способами пыталось адаптировать новые знания об окружающем мире, упорядочивая или пытаясь придать им привычные и понятные формы. Такая революция в восприятии мира нашла отражение не только в научной сфере, но и в художественной культуре.

Основным источником сведений о Новом Свете стали письма и сообщения конкистадоров, епископов и путешественников. В поддержку словесным описаниям выступали рисунки, причем как непосредственных участников экспедиций (Ж. ле Муан, Дж. Уайт), так и художников, адаптировавших привезенные изображения или иллюстрирующие опубликованные хроники (Т. де Бри, Дж. Страдано).

Однако наиболее достоверным визуальным источником стали различные вещи ритуального и светского характера, привозившиеся из ново-захваченных территорий в Старый Свет. Наибольший интерес вызывали изделия, отличающиеся экзотичностью внешней формы, а некоторые предметы бытового инвентаря даже рассматривались европейскими путешественниками с точки зрения практической пользы [Воопе 2006, р. 14]. Стремительно развивающиеся торговые связи, причем как между Старым и Новым Светом, так и между странами Азии и вице-королевствами Новая Испания и Перу (так называемый Манильский торговый путь [Гусева 2019, с. 244]) способствовали перемещению различных предметов декоративно прикладного искусства и оседанию их в аристократических коллекциях древностей. На фоне растущего интереса к окружающему миру и распространению кабинетов редкостей и кунсткамер, ввозимые в Европу вещи, быстро захватили интерес общественности так, что предметы американского происхождения стали неотъемлемой частью даже самых скромных коллекций [Heikamp 1972, с. 8].

Первые вещи из Индий попали в Европу в составе королевской пятинны – подарка Эрнана Кортеса Карлу V Габсбургу [Ко 2021, с. 105]. Согласно описям, среди драгоценностей и изделий из перьев так же находились две ру-

кописи [Heikamp 1972, p. 8], ставшие важным визуальным источником для интерпретации многих утраченных элементов костюма, оружия и пр. жителей Ацтекской империи и соседних народов. Именно эти предметы легли в основу первых американских коллекций влиятельных аристократических фамилий Старого Света – Габсбургов и Медичи. Собрание американских редкостей не только указывало на широкий кругозор коллекционера, но и подчеркивало его политическую деятельность в отношении освоения Нового Света [Yaуа 2008, p. 173]. Несмотря на то, что распределение предметов происходило неравномерно [Yaуа 2008, p. 173], американские редкости сумели оказать осязаемое влияние на вкус и художественную культуру западноевропейского общества.

В отличие от Габсбургов, в чьей власти находился основной источник американской экзотики, Медичи были влиятельными покровителями искусства, чей вкус оказывал сильное влияние практически на протяжении всего периода Итальянского Возрождения, а их обширные дипломатические связи по всей Европе провоцировали мобильность знаковых произведений искусства между государствами.

Одна из первых американских коллекций принадлежала Джулио Медичи (Климент VII), именно ему в дар перешла часть королевской пятины Карла V [Heikamp 1972, p. 9]. Тесные отношения между Габсбургами и Медичи способствовали расширению американской коллекции последних и интеграции визуальных образов Нового Света в европейское изобразительное искусство.

Основной американских коллекций Козимо I и его преемника Франческо Медичи были различные растения и мелкие животные, о чем свидетельствуют знаменитые рисунки Якопо Лигоцци, хранящиеся в галерее Уффици [Markey 2016, p. 113]. Мотивы естественнонаучных собраний нашли отражение и в убранстве скриптория Палаццо Веккьо, где в классические аллегорические сцены были включены изображения кукурузы и томатов [Markey 2016, p. 64].

Однако наибольший интерес вызывали индейские изделия из золота, камня и перьев, последние были особенно популярны. Из-за ведения колониальной политики на территории Новой Испании, многие аутентичные вещи перестали производиться чем, во-первых, обусловили редкость доколумбовых предметов в коллекциях, а во-вторых, повысили спрос на произведения изобразительного искусства колониального периода [Heikamp 1972, p. 67]. Последнее наиболее интересно, поскольку сам феномен колониального искусства представляет собой актуальную тему для современных исследований.

Так, среди изделий из перьев большим спросом пользовались не только щиты, головные уборы и костюмы доколумбовой эпохи, но и штандарты

с иератическими изображениями католических святых [Heikamp 1972, p. 18; Markey 2016, p. 67]. В силу хрупкости и частого практического применения, многие экспонаты были утрачены и известны исключительно по описям, в которых так же встречаются изделия и из более долговечных материалов – каменные фигурки, маски, бусы и пр., причем не только ацтекского происхождения, но и более ранних культур. Отмечается, что некоторые из них были видоизменены или перемещены в естественнонаучные собрания [Heikamp 1972, p. 19].

Студиоло часто украшались тематическими изображениями, которые наталкивали гостя на понимание того, под какую именно коллекцию было отведено помещение. Так, оружейная палата галереи Уффици, в которой была расположена американская коллекция Медичи, украшена фресками с образами Нового Света. Эти росписи были выполнены в 1588 г. художником Лодовико Бути и включают в себя сцены из испанского завоевания Ацтекской империи с костюмированными образами индейцев [Heikamp 1972, p. 19].

Памятники колониальной живописи вызывают интерес не только как самостоятельное явление, но и в контексте коллекций семей Габсбургов и Медичи. На фоне европейского академического искусства, живопись вице-королевства Новая Испания была более наивна, однако традиционные индейские мотивы, связанные в том числе с изображением местной родовой аристократии и истории колонизации, пользовались спросом не только у вице-правительства, но и у аристократов Старого Света. Так в конце XVII в. в собрание семьи Медичи попал ростовой портрет Монтесумы – последнего императора Ацтекской империи [Heikamp 1972, p. 23], а для двора Карла II Габсбурга была заказана серия живописных лаковых панно с изображением Мексиканской кампании Эрнана Кортеса [McEwan 2009, p. 286].

Согласно исследованиям, портрет Монтесумы мог быть написан по рисункам из мексиканских рукописей, так что костюм во многом сохранил свои аутентичные черты [Heikamp 1972, p.23.; Escalante 2006, p. 376]. В качестве модели, скорее всего, выступил переодетый актер – участник церемонии «танца Монтесумы» [Escalante 2006, p. 376; McEwan 2009, p. 286]. Детальный анализ художественных характеристик и провенанса данного изображения показывает, что вопреки расхожему мнению, национальная идентичность коренного населения вице-королевства Новая Испания во многом сохранялась и даже вызывала интерес как местной, так и западноевропейской аристократии.

Панели серии «Завоевание Америки» из Габсбургской коллекции [McEwan 2009, p. 286; Sigaut, Sáiz 2010, p. 18], напротив, показывают интеграцию европейской культуры в изобразительные традиции Нового Света: на них можно увидеть Монтесуму в стилизованном под европейское платье

церемониальном наряде с классической короной-обручем на голове, здания европейских средневековых городов с кирпичной кладкой и покатыми крышами и даже европейские предметы мебели. Однако сам факт заказа, подчеркивает политический интерес увядающей метрополии в отношении обособляющейся колонии, и характеризует полное принятие этой территории в рамки европейского мировосприятия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гусева А.В. Японское влияние на изготовление и роспись ширм Новой Испании XVII в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер.2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 1 (184).

Кревченко Е.В. Репрезентация истории в иллюминированной картографии XIII–XIV вв. // Археология и художественное видение: исторические контексты. М., 2019.

Ко М. Разгадка кода майя: как ученые расшифровали письменность древней цивилизации. М., 2021.

Boone E.H., Cummins B.F.T. Colonial Foundations: Points of Contact and Compatibility // The Arts in Latin America 1492–1520. Philadelphia, 2006.

Escalante P. Moctezuma // The Arts in Latin America, 1492–1820. Philadelphia, 2006.

Heikamp D. Mexico and Medici. Florence, 1972.

Markey L. Imaging the Americans in Medici Florence. Pennsylvania, 2016.

McEwan C. Moctezuma: Aztec Ruler. L., 2009.

Sigaut N., Sáiz G.C. Los virreyes y la circulación de objetos y modelos // Anales del Museo de América XXV. Madrid, 2017.

Yaya I. Wonders of America // Journal of the History of Collections. 2008. Vol. 20.

T.S. Kombarova

St. Petersburg (Russia)

Ilya Repin St. Petersburg State Academic Institute of Fine Arts

IMAGES OF THE NEW WORLD IN THE CONTEXT OF WESTERN EUROPEAN CULTURE: PATHWAYS OF PRE-COLUMBIAN AMERICAN MOTIFS INTO THE VISUAL CULTURE OF THE EUROPE

At the beginning of the New Age brought about a global upheaval in the worldview of medieval man, which was largely triggered by the discovery of the New World. This event led to qualitative changes not only in autochthonous cultures, but also had

a strong influence on the life of European society. The active influx of exotic plants, animals, jewelry and various goods, as well as the prevailing fashion for antiquities in Europe provoked the expansion of aristocratic collections of rarities and the integration of New World objects and visual culture into the life and visual traditions of European society, so that in time they became an integral part of culture.

This essay examines the ways in which the material culture of Pre-Columbian American peoples penetrated into the cultural milieu of European society, as well as the emergence and process of integration of American images and motifs into the visual arts of Europe.

The incorporation of pre-Columbian American imagery into the visual arts of Renaissance Europe was largely due to the fashion for collecting exotic objects actively imported from across the ocean. The most characteristic images associated with the New World were used to decorate the very rooms in which American collections were housed, and with the development of historical scholarship, subjects on the Conquest of the Americas began to appear more frequently in painting, providing insights into society's assessment of both this historical event and colonial practice in general. The collections themselves were gradually disbanded and the exhibits lost their status as exotica, moving to natural history museums, as happened with the Medici family's American collection in Florence. Thus, once outlandish, unusual for European's things became an integral part of the familiar environment.

Keywords: New World, colonial art, Aztecs, Montezuma, Medici, Habsburgs, collections, cabinets of curiosities, Mexico City, New Spain, Ludovico Buti.

С.Д. Гай
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

АНАЛИЗ СКАЗКИ «НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ»

В статье на великорусском материале рассматривается 306 сказочных сюжетов по указателю АТ, который носит название «ночные пляски». Автор использует данные этимологии, фольклора и локальных поверий для интерпретации представленных в сказке образов. В ходе исследования проясняется природа персонажей и их мотивы.

Ключевые слова: анализ сказки, заложенные, славянская мифология, семантика танца.

Почему царевна сбегает от любящего отца? Зачем пляшут во дворце заклётого царя? И как спасти царевну от брака с мертвым любовником? Эти вопросы возникают после прочтения сказки «Ночные пляски». Однако прежде чем давать ответы на эти интригующие вопросы, стоит сказать, что сказка – это фольклорное произведение, отражающее «взгляд на мир через призму определенной системы ценностей, верований, обычаев» [Богатырева, Зимина 2015, с. 294]. Сказка является художественной интерпретацией вполне реальных для людей того времени ритуалов взаимодействия с потусторонним миром. В романтическом сюжете сказки, насыщенном волшебными существами, порой скрывается трагическая бытовая история. Цель настоящей работы – выявление трагедии, скрытой под танцами в подземном царстве.

Сказка «Ночные пляски» принадлежит к 306 сюжету по указателю Аарне-Томпсона под названием: «The Danced-out Shoes» [The Types of the Folktale 1961, p. 98]. Данный сюжет распространен на территории всей Европы: от Германии до Уральских гор. Однако у каждого народа она представлена специфически, поэтому в настоящей статье автор анализирует образ заклётого царя исключительно на основе русского материала, который насчитывает около 19 различных вариантов. Сказка встречается на Кольском п-ве, в Вологодской, Оренбургской, Самарской, Пермской, Орловской, Вятской губерниях. Везде сказка имеет региональные особенности. В ее различ-

ных вариантах меняются дарители, драгоценные артефакты, умножаются и уменьшаются действующие лица. Однако общий сюжет остается относительно единым.

Если мы отбросим все красочные элементы, которые намеренно вставляли умелые рассказчики, то сюжет будет таков. У короля по ночам пропадает дочь, и каждый раз к утру изнашивает башмачки. Герой, обычно бедного происхождения, получивший артефакты, вызывается расследовать это дело. Ночью, притворившись спящим, следует за царевной в потайной ход, расположенный под кроватью. Пройдя три леса (медный, серебряный, золотой) и иные препятствия персонажи попадают к заклтому царю-любовнику. В его дворце принцесса танцует с заклтым царем, или же герой застегает их, когда царь уже намекает девушке на женитьбу. Вернувшись, герой все это рассказывает королю, за что тот женит его на своей дочке и отдает часть земель. В некоторых вариантах сказки есть эпизод с последующей борьбой героя с заклтым царем-любовником.

Разбор стоит начать с антагониста главного героя – заклтого царя. В олонецком наречии «заклтой» – значит обреченный нечистой силой или подвергшийся проклятию от того считающийся без вести пропавшим [Куликовский 1898, с. 26]. В сказке заклтой царь также именуется любовником царевны. И здесь интересно, что в одном из вариантов сказки он принимает образ огненного змея [Садовников 1884, с. 52–55]. Этот момент очень важен, потому что он проливает свет на его природу. Так, у русского населения Восточной Сибири есть былички, согласно которым к женщине, которая тоскует по мужу мертвому или же ушедшему в армию, приходит огненный змей, принимающий обличие возлюбленного [Садовников 1884, с. 236–237; Зиновьев 2019, с. 404–405, 540]. Стоит учесть, что быличка, нежели сказка, воплощает в себе настоящие, с точки зрения рассказчика, события. То есть, в рассматриваемой сказке заклтой царь воплощает в себе поверье о таком виде заложного мертвеца, которого исследователи именуют духом-любовником. Это проясняет его влечение к царевне, потому что по поверьям мертвецы испытывали сильный голод, причем, как съестной – желание съесть близкого родственника [Созонович 1893], так и сексуальный – желание жениться.

В таком случае, если мы видим в образе заклтого царя духа-любовника, то ограничения в месте и времени становятся яснее. Ночь обоснована тем, что мир живых может взаимодействовать с миром мертвых только от последних до первых петухов. С местом действия сказки дело обстоит сложнее. Потому как во всех сказках, объединенных в цикл сказок о духе-любовнике, мертвец сам на белом коне приходит к тоскующей девушке и тщетно завлекает ее в свою могилу [Созонович 1893, с. 235–251]. Однако в рассматриваемой сказке ни он приходит на коне к принцессе, а она

спускается с уймой башмачков к нему. Для того чтобы понять такие изменения следует вновь обратиться к уже известной сибирской быличке, где огненный змей не может прийти к страдальной девушке в дом, потому что вместе с ней ночью засыпает ее родственница [Зиновьев 2019, с 404–405]. Это отсылает нас к началу сказки, где герой, вынужденный караулить царевну, засыпает с ней рядом. Тем самым наличие спящего героя изменяет стандартную композицию сказки с духом-любовником, и не он приходит к царевне, а она сама спускается в его чертоги.

Здесь стоит подробнее рассмотреть само царство зачатого царя. Интересно, что когда герой посещает 3 леса, которые неизменно присутствуют в каждой сказке – медный, серебряный и золотой, то он срывает ветку/лист/плод и в дальнейшем предьявляет их королю в качестве доказательства поминки дочери. В ритуальной составляющей такие действия близки с тем, как по обычаю, проходя мимо нечистой могилы, каждый человек, не зная даже причины, обязан был сломать ветку и бросить ее на могилу [Зеленин 2022, с. 39]. Причем, в некоторых сказках с каждым новым лесом увеличивается количество срываемых плодов [Садовников 1884, с. 52], то есть увеличивается количество нечисти на пути. К тому же о природе 3-х драгоценных садов прямо говорится в одной из сказок: «только подобие сады, а заставы» [Зеленин 1915, с. 14]. В самом деле, если царевна идет без проводника, будь то кухарка или старшая сестра, то, якобы из-за героя, срабатывает сигнализация и она вынуждена прервать свой путь [Там же, с. 12]. То есть население потустороннего мира неживое, единственный живой противный ему персонаж, помимо сокрытого под шапкой-невидимкой главного героя, это царевна.

Далее рассмотрим дворец зачатого царя. В одном варианте сказки есть интересное уточнение – в доме одни только мужчины [Балашов 1970, с. 123]. По поверьям могила ассоциировалась с новым домом [Седакова 2004, с. 139]. А в иных сказках, объединенных Созоновичем в цикл, посвященный духу-любовнику, мертвец старался затащить девушку в свою могилу, как к себе домой. Однако способ погребения заложных покойников, самоубийц, не предусматривал могил. Для них отводились специальные места вне кладбища – так называемые убогие дома [Зеленин 2022, с. 66–77], куда убирали, боясь потревожить землю, в одно место множество нечистых трупов. То есть роскошный дворец зачатого царя есть переосмысление убого дома, общей ямы – пристанища самоубийц.

Мы пришли к тому, что зачатой царь – самоубийца, а его царство – убогий дом. Однако, почему девушка каждую ночь спускается в его чертоги? Дух-любовник в сказках, собранных Созоновичем, приходит в мир живых из-за нарушения запрета тосковать по умершим. Однако в сказке «ночные пляски», в отличии от иных сказок про духа-любовника, о запрете тосковать

напрямую не говорится. Но мы видим, что в сказке это табу нарушается повторно. Так, в некоторых ее вариантах уже после того, как герой женится на царевне, она либо соглашается забыть о потустороннем любовнике (и герои живут в любви и согласии), либо она начинает по нему горевать, тосковать и он приходит вновь, где главному герою приходится уже окончательно поделить духа-любownika.

Расправа над заклятым царем имеет несколько способов:

- 1) царевна в браке забывает о любовнике;
- 2) ход в его царство закапывается, изолируется;
- 3) герой побеждает заклятого царя в реальном мире;
- 4) герой побеждает противника в потустороннем царстве.

Причем если первый способ связан с духовной практикой, где царевна соблюдает табу, то иные три связаны с погребальным обрядом, точнее обрядом перезахоронения. Так, первый способ – изоляция духа, а именно засыпание потайного хода под кроватью – есть иллюстрация обряда перезахоронения беспокойного мертвеца [Зеленин 2022, с. 71–72, 80–84]. Скорее даже захоронения, потому что самоубийцы в убогих домах в землю не помещались и церковного таинства не проходили. Так, первый способ связан с изъятием нечистого трупа с убогого дома и дальнейшим каноническим захоронением его на кладбище. Второй способ – когда пришедшего в реальный мир духа герой побеждает физически. Например, в одной из сказок он обламывает появившемуся Сатане рога, и отдает их старушке-дарительнице [Иванов 1901, с. 104–107]. Перед нами воспроизведение обряда отделения тех частей тела, что являлись чертовскими. Так, в Саратовской губернии из-за отсутствия дождя пошел слух, что на недавно скончавшемся человеке черти воду возят, за что крестьяне отрезали трупы ноги [Зеленин 2022, с. 83]. Третий способ – когда уже в подземном царстве герой убивает, разрубает на части духа-любownika – воплощает в себе обряд разрубания нечистого трупа [Там же, с. 67].

Наконец, стоит рассмотреть природу истоптанных башмачков и роль танца в сказке. В повествовании образ множества башмачков контрастирует с сапогами-скороходами, благодаря которым герой преодолевает огромное расстояние, не меняя обуви. Причем в одном варианте сказки дается конкретное расстояние пройденного царевной пути – это 48000 верст, или ~ 51000 км. Почему же такое большое расстояние разделяет реальный мир от подземного царства? Здесь стоит опять обратиться к природе заложных. По поверьям, заложные покойные обладают необыкновенной скоростью [Зеленин 2022, с. 29], к тому же дух-любownik вместо ног имеет копыта, поэтому к женщине ходит в сапогах [Зиновьев 2019, с. 404–405]. Иными словами, для мертвого эта дорога не является большим расстоянием, тогда как для живых эти расстояния огромны. Именно поэтому представителям

реального мира либо требуются дюжина и больше башмачков, либо волшебный артефакт.

Возможно, элемент с танцем является поздней адаптацией протяженности пути. Однако и в самом танце можно заметить мистические элементы. Так, например, в одной самарской сказке два мертвеца попадают на людскую вечеринку и начинают танцевать до петухов, а после их танца почти все оказываются изувеченными и мертвыми [Садовников 1884, 243–244]. То есть танец носит некий моровой эффект. К тому же в Костромской губернии записана быличка о том, как мужик видел лешего, танцующего с утопленником [Зеленин 2022, с. 31]. Получается, нечисть склонна на танцы с самоубийцами. Поэтому можно предположить, что танец с нечистыми является преддверием нечистой смерти. То есть походы девушки к заклятому царю есть прелюдии к самоубиению.

Таким образом, проанализировав всю сказку, вскрыв тот волшебный и романтический слой, мы попытались обнажить сокрытую бытовую трагедию. Обобщая все вышесказанное, можем предположить, что она такова. Девушка из-за чего-то проклинает своего возлюбленного, он не выдерживает и кончает жизнь самоубийством. Труп его на общем кладбище не хоронят, а отдают в специальный убогий дом. Девушка мучается из-за потери мужа (возлюбленного) и посещает неоднократно убогий дом. На этой почве у нее появляются суицидальные наклонности. Тогда появляется герой в лице либо священника, либо смотрителя убого дома, и проводит определенные операции над покойником, чем успокаивает его дух. Благодаря этому успокаивает, терзающую себя царевну.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Балашов Д.М.* Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970.
- Зеленин Д.К.* Великорусские сказки Вятской губернии с приложением шести вотяцких сказок. Пг., 1915.
- Зеленин Д.К.* Очерки славянской мифологии. М., 2022.
- Зиновьев В.П.* Русский фольклор Восточной Сибири. Кн. 1. Иркутск, 2019.
- Иванов А.И.* Верования крестьян Орловской губернии // Этнографическое обозрение. 1901. № 4.
- Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Садовников Д.Н.* Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884.
- Седакова О.А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.
- Созонович И.П.* Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты в народной поэзии, европейской и русской. Варшава, 1893.

Богатырева Ж.В., Зимина Н.Ю. Сказка как феномен культуры // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3 (52).

The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypes (FF Communications No 3). Helsinki, 1961.

S.D. Gai

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

THE ANALYSIS OF THE FAIRY TALE “NIGHT DANCES”

In this article based on the Russian material we analyze a fairy tale plot which is called “Night Dances” is 306 type of the folk-tale according to the Aarne-Thompson index. The author uses the data of etymology, folklore and local beliefs to interpret the images presented in the fairytale. The study reveals the nature of the characters and their motives.

Keywords: Analysis of fairy tales, zalozhnye, Slavic mythology, dance semantics.

К.Д. Николаева
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

КОНТРОЛЬ РОЖДАЕМОСТИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В данной статье рассмотрен вопрос контроля деторождения в Древней Руси и роль церкви в этом процессе. Прослеживается отношение церкви к контрацепции и вытравливанию плода, затрагивается вопрос поиска женщинами решения проблемы бесплодия и, наоборот, несвоевременной беременности. Уделяется внимание роли языческих представлений в рассматриваемых явлениях.

Ключевые слова: контрацепция, бесплодие, вытравливание плода, детоубийство, церковь, Древняя Русь.

Во все времена вопрос контроля рождаемости был актуален. Актуален он и в наше время. Государство и церковь всегда стремились контролировать репродуктивное поведение людей. Для церкви это важно прежде всего с точки зрения морали, для государства – с точки зрения регулирования человеческих ресурсов. И во все времена именно женщине приходилось вынашивать, рожать и воспитывать ребенка, поэтому она зачастую пыталась сама определять возможность рождения детей, даже если уровень ее субъектности был невысок. В этой связи интересно рассмотреть проблему контроля рождаемости в Древней Руси, когда женщина хоть и обладала многими правами, но все-таки была по положению в обществе ниже мужчины, а церковь играла в жизни человека большую роль.

Данный вопрос интересовал многих исследователей, поэтому в своих работах авторы рассматривали самые разнообразные его аспекты. В дореволюционный период этот вопрос в своей работе «Русская народно-бытовая медицина» затрагивал Г.И. Попов [Попов 1903]. В советское время уже более подробно к его рассмотрению подошел Б.А. Романов [Романов 1966], который писал об отношении церкви к прерыванию беременности, а также о ее отношении к предумышленным и непредумышленным убийствам новорожденных. С 1980-х гг. данный вопрос в своих работах, посвященных исследованию жизни древнерусских женщин и сексуальности, рассматривает Н.Л. Пушкарева [Пушкарева 1989; 1996; Пушкарева и др. 2021]. Она затра-

гивает вопросы отношения церкви к регулированию числа детей, к абортам, роли женщин в контроле рождаемости. Рассматривают авторы в своих работах и вопросы о методах регулирования рождаемости, о самом процессе деторождения, о выхаживании младенца [Долгов 2007, с. 67–85].

Как мы знаем, церковь играла важную роль в жизни древнерусского человека. Она контролировала большинство сфер его деятельности, в том числе сексуальную жизнь. Уделяла церковь внимание и вопросу деторождения. Она формировала убеждение, согласно которому рождение ребенка – благодать, дарованная Богом, путь спасения и искупления первородного греха. Древнерусские люди понимали необходимость рождения детей, это было важно и для хозяйственной деятельности семьи, и для наследования семейного имущества, и для передачи власти от отца к сыну. Поэтому новообразовавшиеся семьи всегда стремились к рождению детей, но не всегда у них это получалось. В этом свою роль сыграла и церковь. Ведь именно она определяла интенсивность сексуальной жизни прихожан, и интенсивность эта, со всеми ограничениями, была отнюдь невелика. «На протяжении четырех многодневных постов, а также по средам, пятницам, субботам, воскресеньям и церковным праздникам» интимную связь иметь «было запрещено» [Пушкарева и др. 2021, с. 40]. Тем же, кто «противу праздника блудил», назначалась епитимья на 2 года и 100 поклонов ежедневно [Алмазов 1894, с. 151], а ребенок, зачатый в неположенный день, согласно церковным канонам, «боудеть любо тать, любо разбойникъ, любо блоудникъ, любо трепетивъ» [ПДКП, стб. 44]. Таким образом, «соитие не имело места на протяжении не менее трехсот дней в году» (цит. по: [Омельяничук 2023, с. 80]. Но вряд ли прихожане соблюдали все эти запреты, о чем свидетельствуют и частые описания нарушения данного предписания в епитимийных сборниках [Алмазов 1894, с. 273–279]. И все-таки ограничения в частоте совокуплений существовали, что могло стать одной из причин ограничения рождаемости.

Еще одной причиной, по которой родители не могли иметь детей, было бесплодие. В народной и церковной «традиции, воспевавшей многочадие, отсутствие детей считалось горем» [Пушкарева 1996, с. 310]. Поэтому для решения этой проблемы древнерусские женщины, в жизни которых христианство тесно переплеталось с язычеством, часто обращались за помощью к «лихим бабам», которые предлагали самые разные способы избавления от этого недуга. О таких обращениях «свидетельствуют многочисленные епитимийники» [Омельяничук 2023, с. 81]. Исповедники часто спрашивали: «Ставливала ли дѣти с бабами» [Алмазов 1894, с. 165].

Епитимийники же свидетельствуют и о методах, которые использовали «лихие бабы». Наиболее распространенным средством были зелья, изготовленные из различных трав, например из царя-травы: «Аще в которой

жоне детей не есть... вари у молоце и пий порану по три утра на дще сердце. А первой отрок будет, и потом девица» [Древнерусский лечебник 1977, с. 108–109]. Действенной рекомендацией также считалось употребление пуповины, информацию о чем мы также встречаем в епитимийниках: «Бдала ли еси дѣтиноу поупорѣзиноу дѣтеи хотячи» [Алмазов 1894, с. 165]. И как мы видим, Церковь, конечно же, порицала все эти методы, говоря о том, что бесплодие есть наказание за разные грехи, и самым действенным средством считала богомолье и обеты [Попов 1903, с. 326].

Порой случался у женщины выкидыш, на что были разные причины. Среди них: выполнение церковных обрядов, тяжелая работа и избиения со стороны мужа [Омельяничук 2023, с. 86].

Но хотя церковь и твердила о важности многочадия, позволить себе это могли отнюдь не все семьи. Только если семья была достаточно богата, она могла иметь большое количество детей. Но часто случалось так, что женщина оказывалась совершенно не в том положении, чтобы позволить себе выносить и родить ребенка. На это было много причин: будь то бедность или уже немалое количество детей, или внебрачный ребенок, или изнасилование. Все это подталкивало женщину к тому, чтобы совершить вытравливание плода, поскольку именно оно являлось основным средством регулирования рождаемости, потому что иных методов контрацепции, кроме вытравливания и зелий, не существовало. И, конечно, как и в случае с решением проблемы бесплодия, женщины обращались за помощью к «лихим бабам». «Противозачаточные средства существовали в виде зелий, которые употреблялись или перорально... или вагинально... Среди трав, которые могли бы препятствовать зачатию, древнерусский лечебник упоминает каоган (калган)» [Омельяничук 2023, с. 85]. Если эти средства не срабатывали, то оставалось только прибегнуть к аборту. Сведения о том, что эта практика существовала в Древней Руси, можно также встретить в епитимийниках и исповедниках: «Дѣтя в собѣ їли въ подрузѣ злобоу зельемъ ци расѣтворила еси», «или дитя розказила въ собѣ» [Алмазов 1894, с. 159, 160].

Церковь считала тяжелейшим грехом и контрацепцию, и аборт. Для совершивших этот проступок женщин полагалось серьезное наказание, а сами же они нарекались «душегубицами»: «Ино аще животное погубить, 15 лѣтъ есть опитемя; аще образ есть, 7 лѣтъ опитемя; а зародь аще есть, 5 лѣтъ опитемя» [ПДКП. стб. 862]. Если же аборт скрывал признаки внебрачной связи, то наказание сводилось к году сухояста и десятилетнему отлучению от причастия. Душегубством считались и «преждевременные роды, случившиеся у женщины от ее “нерадения”» [Пушкарева и др. 2021, с. 44].

Часто случалось так, что новорожденный мог погибнуть по вине родителей. Это могло случиться непредумышленно, например во время сна: «аже оу себе кладоутъ дѣти спяче, и оугнетають, оубийство ли есть»

[ПДКП. стб. 58], родителям за это назначалась епитимья, но она была «легьчае», если они в этот момент были трезвыми, если же они были пьяными, то это считалось убийством [Омельяничук 2023, с. 87]. Но случалось и так, что женщины преднамеренно решались на убийство ребенка, чаще это случалось, если ребенок оказывался внебрачным, за что полагалось более строгое наказание: «Тако же и женка без своего мужа или при мужи дитяи добудеть, да погубить, или в свиньи ввержет, или утопить, обличивши, пойти в дом церковный» [Российское законодательство... 1984, с. 190]. В качестве дополнительной меры назначалось три года «сухояста» [Смирнов 1913, с. 127]. Мы видим, что в данном случае церковь предпринимала еще более решительные действия.

Таким образом, можно говорить о том, что в Древней Руси к вопросу контроля рождаемости серьезно относились как сами семьи, так и церковь. Церковь поощряла многочадие, но в то же время яро боролась с языческими способами преодоления проблемы бездетности, к которым прибегали женщины, желавшие иметь детей. Однако языческие пережитки еще долго продолжали бытовать в сознании древнерусского человека [Омельяничук 2023, с. 88]. Еще серьезнее церковь порицала недопущение и прерывание беременности, а также убийство новорожденных. Но все-таки вопрос о числе деторождений относился к компетенции женщин, именно они решали, сохранить ребенка или нет. Информации о роли мужчины, за исключением избиения супруги (возможно, что некоторые избиения преследовали цель спровоцировать выкидыш), в решении вопроса о количестве детей в древнерусских источниках не встречается.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алмазов А.И. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Т. 3. Одесса, 1894.

Древнерусский лечебник // Редкие источники по истории России. М., 1977.

Памятники древнерусского канонического права [ПДКП]. Ч. 1. Памятники XI–XV в. СПб., 1908.

Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. М., 1984.

Долгов В.В. Детство как социальный феномен в контексте древнерусской культуры XI–XIII вв. Отношение к ребенку и стадии взросления // Социальная история. Ежегодник. 2007.

Омельяничук С.В. Влияние христианской церкви на формирование репродуктивного поведения в древнерусской семье // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7. № 1.

Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1903.

Пушкарева Н.Л. Женщины в Древней Руси. М., 1989.

Пушкарева Н.Л. Мать и материнство на Руси (X–XVII вв.) // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996.

Пушкарева Н.Л., Белова А.В., Мицюк Н.А. Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М., 2021.

Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.; Л., 1966.

Смирнов С.И. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913.

K.D. Nikolaeva

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

BIRTH CONTROL IN ANCIENT RUSSIA

This article discusses the issue of childbearing control in Ancient Russia and the role of the church in this process. The opinion of the church on contraception and fetal etching is considered. The issue of women's search for solutions to the problem of infertility and, conversely, untimely pregnancy, and the role of paganism in this process is also considered.

Keywords: contraception, infertility, fetal etching, infanticide, church, Ancient Russia.

С.А. Дементьева
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ПОСТРИГ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОДА РЮРИКОВИЧЕЙ XI–XIII вв. В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

Цель исследования – рассмотреть сообщение летописей (Ипатьевской, Лаврентьевской и Новгородской I Старшего и Младшего изводов) о принятии представителями рода Рюриковичей постригов в XI–XIII вв. На основе анализа древнерусской летописной традиции автор приходит к выводу, что наибольшее количество упоминаний о пострижениях содержится в Лаврентьевской летописи, наименьшее – в Новгородской летописи Старшего извода.

Ключевые слова: князь, княгиня, монашество, постриг, летопись, Рюриковичи.

Религия играла большую роль в жизни Древней Руси. Во многом, оценка деятельности человека зависела от его набожности. Ценилось это качество и у князей. Одним из аспектов, свидетельствующим об этом, является пострижение в монахи. Рост постригов также свидетельствует об укоренении роли христианства среди общества и правящей элиты. Поскольку известия о жизни многих канонизированных князей либо фрагментарны, либо отсутствуют, анализ упоминаний о постригах Рюриковичей позволяет расширить наши познания об уровне духовности представителей правящего рода.

Для анализа были взяты Лаврентьевская (далее – ЛЛ), Ипатьевская (далее – ИЛ) и Новгородская Первая летопись в двух редакциях. За исследованный период (с нач. XI по нач. XIV вв.) всего выявлено 15 сообщений о постригах, принятых князьями и княгинями. Наибольшее количество упоминаний содержится в ЛЛ (отсутствуют только упоминания о принятии пострига князем Святославом Давыдовичем, Дмитрием Святославичем и князем Андреем Александровичем). Ипатьевская летопись содержит меньше свидетельств о постригах, но сообщает более развернутую информацию о пострижениях. Наименьшее количество данных сохранилось в Новгородской I летописи Старшего извода (далее – НЛСИ). Более поздняя редакция – Новгородская I летопись Младшего извода (далее – НЛМИ), содержит больше интересующей нас информации.

Лаврентьевская летопись	Ипатьевская летопись	Новгородская I летопись Старшего извода	Новгородская I летопись Младшего извода
<p>1059. Издаславъ, Сѣбославъ, и Всеволодъ высадиша строга своего ис поруба сидѣ бо. лѣтѣ .ѣ. и .дѣ. Заводивыше крѣту и бысѣ чернцемь [стб. 162]</p>	<p>1059. Издаславъ и Сѣбославъ, и Всеволодъ, высадиша. стрѣна своего ис поруба. сѣдѣвшѣ .ѣ. и .дѣ. лѣтѣ и водивыше и ко крѣту, и бысѣ чернцемь [стб. 151].</p>	<p>1059. Высадиша Судислава ис поруба [с. 17].</p>	<p>1059. Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ высадиша строга своего Судислава князя ис поруба, сѣдѣвшѣ лѣтѣ 20 и 4, и приведоша его къ рогѣ и къ крѣту, и бысѣ чернцемь [с. 183]</p>
<p>-</p>	<p>1086. Всеволодъ заложѣ црквѣ сѣго Андрѣя... створи оу цркви тога манастирь, в нем же пострижесѣ дщи его. дѣвою именемъ Іанька. сѣна же Іанька совокупивши черноризници многи, пребываше с ними. по манастирьскому чину [стб. 197].</p>	<p>-</p>	<p>-</p>
<p>1106. мѣца. июна въ .ѣд. в се же лѣтѣ. пострижесѣ Соупраки Всеволожа дщи [стб. 281]</p>	<p>1106. мѣца. июня. въ .ѣд. в то же лѣто пострижесѣ Соупраки. Всеволожа дщи [стб. 257–258].</p>	<p>-</p>	<p>-</p>
<p>1106, в то же лѣтѣ. пострижесѣ Сѣбославъ, снѣ Дѣбловъ, внукъ Сѣбославъ [стб. 281].</p>	<p>-</p>	<p>1106. В то же лѣто пострижесѣ Святоша сын Давыдовъ, Църниговѣ, тѣсть Всеволожь [с. 19].</p>	<p>1106. В то же лѣто пострижесѣ Святоша князь, сынъ, Давыдовъ, в Църниговѣ, тѣсть Всеволожь [с. 203].</p>

Продолж. табл.

<p>1146. Игорь же слышавъ в порубѣхъ сыи. и уже идегъ Изаславъ на брата его. домолиса по-славъ къ Изаславу гла юда быс са постригль. и повель Изаславъ постричи и епѣу Переяславскому. Соуфимью и пришедъ по-стриже и [стб. 314].</p>	<p>1146. и присла Игорь къ Изаславу. моласа и кланася река тако. брат се боленъ есми велми. а прошо оу тебе постри-жениа. была бо ми мьслъ на пострижение. еще въ кнѣжны своемъ. ны же оу ноужи сеи болень есмь велми. и не чаю собѣ живота. унь же жсаливси и реч аще была ти мьслъ на по-стрижение. в томъ еси во-лень. но казь та и бес таче выпоущаю. болести дѣла твои. и тогда пославъ повель над нимъ порубѣхъ ро-зоимати. и тако выаша ис пороба. вельми больнаго. и несоча оу кѣль. до усмого же днѣ толко емоу Бѣ дшю вороти. не можашеть бо ни пити ни ѣсти. и повель са постричи Ефимью епѣоу потомъ Бѣ ѡда емоу немощи. и приведоша Киевоу в манастирь стго Федора и призва игоумена и братью.</p>	<p>1146. Игорь... а на осень вымолиса постричь-ся, и пострижесе [с. 27].</p>	<p>1146. Игорь... а на осень вымолиша и постри-жися, и пострижесе [с. 213].</p>
---	---	--	---

Продолж. табл.

	свершивъ же сѧ вбѣщаль пострижеса в манастирь стѣо Федора въ скимюу [стб. 337–338].		
1146. Тою же зимы престависа блѣвѣрнаа кнѧгини Марица. дщи Володимера. мѣца. тогюж. въ .к. въ недѣлю. А в понедѣльникъ вложена бысѣ в гробъ. в своѣи цркви в неже и пострижеса [стб. 314–315].	-	-	-
-	1194. кнѧзь сѧ нача прашати. внѣ же не повѣдавъ си. и рче азъ вѣроую во единого Ба. и вела сѧ постричи в черныци. и посла по свата по Рюрика и престависа. мѣца июла. и положиша и во стмѣ Кюриль [стб. 680].	-	-
-	1195. Того же лѣтѣ престависа кнѣзь Всеволодь. снѣ Мьстиславль. приемъ мнискыи вбразъ. и тако спратавше тѣло его. проводиша до гроба. еписѣп Володимерьскыи и вси игоумени. и попове.	-	-

Продолж. табл.

	и положиша и во стѣи Бѣѡмѣа апрѣла [стб. 682–683].		
1198. Престависа князь Дѣль Смолинскѣи. и постригѣсѣ и в скымѣ бывѣ [стб. 414].	1197. Престависа блѣговѣрныи князь Смоленскѣи Двѣдъ снѣ Ростиславль... приимѣ мнискѣи чинѣ [стб. 702].	-	-
1205. Романѣ. емѣ Рюрика. и посла в Киевѣ. и постриже в чернци. и жену еѣ и дщерь еѣ [стб. 420].	-	-	1203. посла Романѣ Вячеслава. вѣла ему Рюрика пострици в чернци [с. 240].
1206. [Т]огожѣ мѣа въ .вѣ . дѣбѣ. пострижесѣ великаа кнѣги Всеволожѣ во мнискѣи чинѣ в монастыри стѣис Бдци юже бѣ самѣ создадѣ. и нарекоша еи имѣ Мрица [стб. 424].	-	1205. Въ то же лѣто прѣстависѣ княгыни Всеволожая [с. 50].	1205. В то же лѣто прѣстависѣ княгыня Всеволожая [с. 246].
1263. Тогожѣ лѣѣ. Престависа великѣи князѣ Сѡлежандрѣ. снѣ Идрославль [стб. 477].	-	1263. Приде князь Олександр ис Татарѣ велими не здрава, въ осенинѣ, и приде на Городець, и пострижесѣ въ 14 мѣсяца ноября, на память святого апостола Филипа. Той же ноци и прѣстависѣ [с. 83].	1263. Приде князь Александр из Орды велими нездрава, въ осенинѣ, и приде на Городець, и пострижесѣ мѣсяца ноября въ 14 день, на святого апостола Филипа. Той же ноци и прѣстависѣ [с. 312].

Оконч. табл.

1269. Престависа Дмитри Слославичь, постригъ и въ скыму. ѿ Игнаѳа епша Ростовского [стб. 525].	1269. Не бысть ничтожъ [стб. 869].	-	-
1295. Тогож. лѣѣ. Престависа великий князъ Дмитрии близь Волока [стб. 484].	-	-	1294. Того же лѣѣта престависа князь Дмитрии в Волоцѣ, постригъ, и ве- зоша и въ Перяславль [с. 328].
1304. того же лѣѣта престависа князь великий Андрѣи в черныцехъ [стб. 528].	-	1304. Престависа великий князь Андрѣи Александрович, внукъ великого Ярослава, мѣсяца июля 27, на память святого Пантелѣимона, постригъ въ скиму, и положень бысть на Городци [с. 92].	1304. Престависа князь великий Андрѣи Олександрович, внукъ великого Ярослава, мѣсяца июля 27, на память святого Пантелѣимона, постригъ въ скиму, положень бысть на Городци [с. 331–332].
1304. мѣца марта, въ е. на безымѣнной недѣ. во вторник. Престависа князъ Данило Сѡлександровичъ на Москвѣ, в свои мѣинѣ, в черныцѣхъ и в скимѣ [стб. 486].	-	-	-

С нач. XII в. активно развивается областное летописание. На этот период приходится 13 сообщений о постригах 10 князей и 3 княгинь.

Только один постриг, принятый Игорем Ольговичем, князем Черниговским, упоминается во всех летописях. Наиболее подробно об обстоятельствах этого сообщает ИЛ: «и бѣ Игорь разболѣлся в порубѣ и бѣ боленъ велми. и присла Игорь къ Изаславоу. молася и кланялася река тако. браѣ се боленъ есми велми. а прошю оу тебе пострижения. была бо ми мысль на пострижение. еще въ кѣженъи своемъ. ны же оу ноужи сеи боленъ есмь велми. и не чаю собѣ живота. внѣ же сжаливсьи и речѣ аще была ти мысль на пострижение. в томъ еси волень. но гдѣ та и бес таче выпоущаю. боolestи дѣла твоеи. и тогда пославъ повелѣ над нимъ порубѣ розоимати. и тако выпаша ис пороба. велми больнаго. и несоша оу кѣль. до всемого же дѣи толко емоу Бѣ дѣиу вороти. не можашеть бо ни пити ни ѣсти. и повелѣ сѣ постричи Ефимью епѣпоу потомъ Бѣ ѿда емоу немощи» [ПСРЛ. Т. 2, стб. 337].

ИЛ и ЛЛ сообщают о том, что Судислав Владимирович «быѣ черньцемъ» [ПСРЛ. Т. 1, стб. 162; ПСРЛ. Т. 2, стб. 151], когда его освободили из поруба. Однако, Новгородские летописи о постриге не сообщают, свидетельствуя только о самом факте освобождения.

О принятии пострига дочери Всеволода Анне (Янки) в 1086 г. сообщает только ИЛ. Ни ЛЛ, ни Новгородские летописи никакой информации об этом не содержат.

Свидетельства о принятии пострижения Евпраксии Всеволодовны идентичны в ИЛ и ЛЛ: «в се же лѣтѣ. (1106) пострѣжеса Соупракси Всеволожа дщѣ» [ПСРЛ. Т. 1, стб. 281; ПСРЛ. Т. 2, стб. 257–258].

Князь Святослав Давыдович принял постриг в 1106 г., о чем сообщают все летописи, кроме Ипатьевской.

Марица, дочь Владимира, упоминается только в ЛЛ: «Тою же зимы (1146 г.) престависа блговѣрнаѣ княгини Марица. дщи Володимера. мѣца тогожѣ. въ .кѣ въ недлю. А в понедѣльникѣ вложена быѣ в гробѣ. в своѣи цркви в неже и пострижеса» [ПСРЛ. Т. 1, стб. 314–315].

ИЛ сообщает о принятии пострига князем Всеволодом Мстиславичем в 1195 г. ЛЛ, НЛСИ и НЛМИ информации об этом не содержат.

О принятии пострига князем Святославом Всеволодовичем сообщает только ИЛ («и рче азъ вѣроую во единого Бѣ. и вела сѣ постричи в черньци») [ПСРЛ. Т. 2, стб. 680]

Постриг, принятый князем Давидом Ростиславовичем, подробно описывается в ИЛ («Престависа блговѣрнѣи князь Смоленский Двдъ сѣн Ростиславль. вноукъ же великаго княза. Мьстислава. примъ мнискѣи чинъ. егоже желаше. егоже и послѣди скажемъ» [ПСРЛ. Т. 2, стб. 702]). ЛЛ сообщает о самом факте пострижения, вероятнее всего, принятого перед смертью.

Сообщение о насильственном пострижении князем Романом Мстиславовичем князя Рюрика Ростиславовича содержится в ЛЛ и НЛМИ. Интересно, что о пострижении также жены и дочери Рюрика сообщает только ЛЛ.

Новгородские летописи сообщают, что в 6713 г. «прѣставися княгыни Всеволожая» [ПСРЛ. Т. 3, с. 50, 246], в то время как ЛЛ содержит более подробную информацию о принятии ею пострига.

Но информация о князе Александре Ярославиче Невском противоположная. ЛЛ сообщает факт его кончины, а Новгородские летописи содержат информацию о принятии им монашеского пострига.

ИЛ заканчивается 1292 г., поэтому для сравнения оставшихся трех постригов, остаются упоминания Лаврентьевской и Новгородских летописях.

О принятии пострига князем Дмитрием Святославович упоминает НЛМИ, в то время как ЛЛ сообщает только факт его смерти.

В 1304 г. ЛЛ сообщает о постриге князя Данила Александровича, но, интересно то, что в этом же году о пострижении князя Андрея Александровича говорится в обеих Новгородских летописях.

Сравнивая упоминания постригов в разных летописях, можно отметить региональные различия. Е.Ю. Перфецкий выдвинул теорию о возникновении в XII в. двух крупных летописных ветвей: Южной, к которой относится ИЛ, и Северной, к которой относится ЛЛ [см.: Вовина-Лебедева 2010]. ЛЛ описывает события в Северо-Восточной Руси; ИЛ повествует о южнорусских землях. Новгородская летопись областная, поэтому князья, упомянутые в этих летописях, имели отношение к Новгородской земле. Это можно проследить на примере упоминания о постриге князя Даниила и князя Андрея.

ЛЛ свидетельствует о постриге князя Даниила Александровича (князя Московского), а Новгородские летописи сообщают в этот же период о постриге князя Андрея Городецкого, не упоминая о князе Данииле.

Также следует отметить, что более поздняя НЛМИ сообщает больше сведений, чем летопись НЛСИ.

Киевская и Галицко-Волынская летописи, которые входят в состав ИЛ, отличаются светской тематикой. Здесь мало сообщается о фактах церковной истории, речь идет, преимущественно, о военных столкновениях и княжеских распрях. Через Ипатьевский летописный свод, «сохранившийся в русских списках, галицко-волынская книжная культура, сама выросшая на почве культуры киевской, вместе с нею воздействовала... на литературную культуру северной Руси» [Гудзий 1945, с. 32].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.

ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Вовина-Лебедева В.Г. Е.Ю. Перфецкий – исследователь летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. 2010. Т. 31.

Гудзий Н.К. Галицко-Волынская летопись // История русской литературы: В 10 т. Т. 2. Ч. 1. Литература 1220-х – 1580-х гг. М.; Л., 1945.

S.A. Dementeva

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

THE TONSURE OF REPRESENTATIVES OF THE RURIK FAMILY
OF THE 11th–13th CENTURIES IN THE OLD
RUSSIAN CHRONICLE TRADITION

The purpose of the study is to compare the references in the chronicles (Ipatiev, Laurentiev and Novgorod of the Elder and Younger generations) to the acceptance of tonsure by the princes of the Rurik family in the 11th–13th centuries. Based on the analysis of the Ancient Russian chronicle tradition, the author comes to the conclusion that the largest number of monastic tonsures mentions in the Laurentian chronicle, the smallest number of taking vows mentions in the Novgorod chronicle of the Elder generations.

Keywords: prince, princess, monasticism, tonsure, chronicle, princely family.

М.А. Несин
г. Санкт-Петербург (Россия)
МОО «Историческое сознание»

КАЗАНСКИЙ ПРЕСТОЛ В 1484/85–86 гг.

В данной работе комплексно проанализированы сведения источников о возведении Иваном III на казанский престол в сер. 1480-х гг. царевича Мухаммед-Эмина, о его первом царствовании, а также о возвращении на трон Алегамы и о положении обоих братьев в Казани.

Ключевые слова: Иван III, казанский хан Алегам, казанский хан Мухаммед-Эмин.

Летом 1482 г. казанский хан Алегам, видимо во избежание прямого столкновения с великокняжескими войсками, заключил с русской стороной мир. Тогда же или немного позднее он подписал с великим московским князем Иваном III договор «другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти», однако по словам Ивана III «в томъ ни в чемъ не стоялъ, а намъ не в правль» [Сб. РИО. Т. 41, с. 83], то есть в тайне от Ивана III вступил в сговор с кем-то из его «недрузгов», скорее всего, с пелымским князем Асыкой [Несин 2023, с. 98–99, 102]. И, начиная с сер. 1480-х гг., вскоре после удачного похода 1483 г. великокняжеских войск на вогуличей и югру и возложения Иваном III на вогуличских и югорских князей весной 1484 г. дани, Иван III неоднократно оказывал военную поддержку младшему брату Алегамы, Мухаммед-Эмину в утверждении на казанском престоле.

В 1484/85 гг. Алегам уже не пользовался поддержкой казанцев, которые вероятно считали его недостойным правителем, после того как он в нач. 1480-х гг. уклонился от прямого сопротивления русским войскам. Согласно разрядной книге (далее – РК) 1475–1598 гг. в 6993 (сентябрь 1484 / август 1485)¹ г. «отпустил князь великий на Казань, на Алегамы царя»,

¹ Б.А. Илюшин отнес воцарение Мухаммед-Эмина к 1485 г., сочтя положение нового хана слишком непрочным для двухлетнего правления [Илюшин 2019, с. 37]. Однако, московский ставленник безотказно пользовался военной поддержкой Ивана III для захвата трона и «бережения» от своих подданных [Несин 2023, с. 98].

царевича Мухаммед-Эмина (который к тому времени, как видно, находился в Москве. – М.Н.), «а с ним послал [4-х] воевод своих»: князя Василия Ивановича (Оболенского Шиху [Зимин 1988, с. 49])², Юрия Захаровича [Кошкина], и князей Семена Романовича [Ярославского] и Ивана [Васильевича] Рамодановского. «И Алегам збежал, а на Казани сел Магмедемин» [РК 1966, с. 20]³. Положение Алегама было шатким, так как он бежал при приближении русских воевод, а не вывел свое воинство навстречу, как в 1487 г. А судя по отсутствию в РК деления воевод по полкам, ставшего в 1480-х гг. типичным для русских походов на Казань с целью взять город⁴, а также по назначению первым воеводой князя И.В. Оболенского Шихи, прежде не упомянутого в источниках как военачальник, а в настоящие военные походы в качестве воеводы ставшего ходить уже на рубеже XV–XVI вв.: на Казань в 1496 и в Литву в 1502 гг. и по отсутствию упоминаний этих событий в великокняжеском московском летописании, Иван III заранее знал об отсутствии у Алегама сильной поддержки и не рассчитывал на серьезное сопротивление казанцев⁵. Имея опыт неудачного похода на Казань 1467 г.,

² У него был тезка, дед по мужской линии, князь В.И. Оболенский Косой, который, однако, после 1450 г. не упоминался как воевода, а после 1462–1464 гг. исчез из источников [Веселовский 1969, с. 435].

³ В РК 1475–1605 гг. приведена запись за 6992 (1483/84) г. о взятии Казани и возведении на трон Мухаммед-Эмина, которая, судя по списку воевод, дублирует запись «о взятъе Козанском» за 6995 (1487) г. [Зимин 1982, с. 284. Примеч. 56; Алексеев 2007, с. 353; Алексеев 2009, с. 283]. А под 6993 г. Мухаммед-Эмин и Алегам перепутаны местами, таким образом, Иван III поддержал Алегама [РК 1977, с. 26], что является ошибкой: вскоре Иван III прислал воевод оберегать Мухаммед-Эмина [Алексеев 2007, с. 353; Алексеев 2009, с. 283].

⁴ Впервые это деление упомянуто в походе 1487 г. [РК 1966, с. 2021; РК 1977, с. 27–28]. Не известно оно в походе 1482 г., в который Иван III отправил артиллерию для потенциальной осады города [Несин 2023, с. 102]). Но разряд похода не сохранился, в РК ограничиваются выдержкой из «козанских» посольских книг.

⁵ Впрочем, по мнению некоторых ученых, в 1485 г. была угроза казанского набега на Русь: с ней они связали постройку деревянных стен Владимира великокняжеским дьяком В. Мамыревым [Косточкин 1962, с. 52; Борисов 2000, с. 409; Волков 2001, с. 16] (В.А. Волков, опираясь на Воскресенскую летопись, датировал ее 1486 г., но в привлеченных В.В. Косточкиным более ранних источниках, Московском летописном своде конца XV в. и Иосафовской летописи, известия об освящении 31 августа церкви Ризоположения на митрополичьем дворе и постройке крепости во Владимире помещены в отдельной записи за 6993 (1485) г.). Однако на Руси в те годы и так строили крепостные сооружения, которые никто не связывал с казанской военной угрозой. Весной 1485 г. в Москве заложили

когда некоторые казанские князья пригласили на престол служилого царевича Ивана III Касима, но ко времени его прихода к городу с великокняжеским войском казанцы уже поддержали другого претендента на трон, Обреима [Несин 2018], Иван III тем более послал бы с Мухаммед-Эмином крупное войско, удостоившееся упоминания в летописях, если бы допускал наличие в Казани влиятельных сторонников Алегамы. Очевидно, Иван III не вмешался в борьбу между некими «восточной» и «московской» партиями [ср. напр.: Худяков 1991, с. 46; Алишев 1995, с. 40], а воспользовался массовой неприязнью казанской элиты к Алегаму и фактически без боя совершил переворот. Так по инициативе Ивана III и при поддержке великокняжеских воевод Мухаммед-Эмин первый раз воцарился в Казани. Далее он всегда в разрядах титулован «царем». Отмечу, что он был малолетним даже в 1487 г., на что намекают употребленные Иваном III в мартовском послании к его матери редкие выражения: «добра его смотрили» / «добра его смотрити» [Сб. РИО. Т. 41, с. 59], то есть, присматривали, присматривать, необычные даже применительно к юному протезе. Вероятно, Иван III надеялся использовать малолетство своего ставленника для подчинения ханства своему влиянию⁶.

По Псковской II летописи, сохранившейся в Синодальном списке конца XV в., доведенном примерно до 1486 г. (последний лист рукописи утрачен), в 6993 (осень 1484 / лето 1485)⁷ г. Иван III отправил на Казань некоего своего

«стрельницу», в 1486 или 1488 гг. построили крепость в Карголоме. Наверное, Иван III организовал постройку деревянных стен Владимира попутно с реконструкцией обветшавшего каменного московского Кремля: в 1485 г. в Москве заложили «стрельницу», а во Владимире срубили крепость, в 1492 г. в Москве достраивали Никольскую башню и стену до р. Неглинной, а во Владимире по приказу Ивана III дьяк В. Кулешин перестраивал сгоревший в прошлом году деревянный «город».

⁶ По мнению А.Г. Бахтина, при Мухаммед-Эмине оставили воинский отряд «для сбережения» и «русского советника» или «советников» [Бахтин 1998, с. 63; Бахтин 2001, с. 186; Бахтин, Хамидуллин 2014, с. 299]. Но в источниках нет данных об учреждении такого института и после установления в 1487 г. московского протектората. Даже назначение в 1487 г. великокняжеского наместника Д.В. Шеина при невзрослом Мухаммед-Эмине было исключением, вроде отправки в Рязань в 1456 г. московских наместников вместо 8-летнего князя. К слову, воевода Шиха тоже не оставался в Казани: в 1484/85 и 1485/86 гг. Иван III дважды присылал его (каждый раз с разными воеводами) поддержать Мухаммед-Эмина при восхождении на трон, или оберегать его во время ссоры с местной знатью. А вернувшийся во 2-й пол. 1486 г. Алегам уже не застал Шиху со товарищи.

⁷ Это известие помещено ниже сообщения о смерти матери Ивана III († 4 июля 1485 г.). Но события в этой погодной записи изложены не строго

царевича с множеством татар и своих московских воевод с множеством воинов и они взяли город [ПЛ2, с. 67]. По мнению одних ученых, имелось в виду взятие Казани великокняжескими войсками в 1487 г. [Вельяминов-Зернов 1863, с. 168, 176. Примеч. 62; Аксанов 2016, с. 95], по мнению других – первое воцарение Мухаммед-Эмина в Казани около 1485 г. [Бахтин 2001, с. 185; Бахтин, Хамидуллин 2014, с. 299]. Поскольку псковский хронист, сообщая о взятии города, не упомянул о посаждении в нем московского ставленника, речь шла не о раздутом масштабе переворота 1484/85 г., а о настоящем взятии Казани, имевшем место в 1487 г.

Другое дело, что Мухаммед-Эмин скоро поссорился с местной знатью. Согласно записи РК за 6994 (осень 1485 / лето 1486) г. он хотел выдать Ивану III своих братьев, очевидно, младших сводных братьев Худайкула и Мелик-Тагира (для старшего сводного брата Алегама, бежавшего в Ногайскую Орду, он угрозу не представлял). Согнав с престола старшего брата, он, как видно, хотел не дать шанса младшим занять трон вместо себя. Это вызвало протест казанских «князей», они «воли ему не дали», а его самого хотели убить [РК 1966, с. 20]⁸. Ведь пытаясь выдать Ивану III своих потенциальных соперников, он поступал как московский наместник. А казанская знать не была готова превращать ханство в московский удел. Теперь хан опасался за свою жизнь и по его «присылке» (переданному гонцом письму, или устной просьбе) Иван III прислал 3-х своих воевод, князей Василия Ивановича Оболенского [Шиху], Василия [Ивановича] Тулупова [Зимин 1988,

в хронологическом порядке: известие о прибытии к Ивану III псковских послов на 3-й неделе великого поста предшествует сообщениям о приезде в зимний мясоед в В. Новгород нового владыки Геннадия и отправки им на масленой неделе в Псков благословенной грамоты [ПЛ2, с. 66].

⁸ В РК 1475–1605 гг. эта запись повторена почти дословно и добавлено, что хан хотел выдать младших братьев, а Иван III прислал Мухаммед-Эмину своих воевод для «береженья», казанские князья, добившие ему чело, заменены на казанцев, а также добавлено, что потом он помирился с ними [РК 1977, с. 26–27]. Не исключено, что это не текст государева разряда, а поздние приписки составителя частной РК XVII в. Ведь и из текста РК 1475–1598 гг. понятно, что хан не представлял угрозу для старшего брата Алегама, укrywшегося в Ногайской орде и просил прислать русских воевод для того, чтобы те его берегли от покушений со стороны казанских князей, а вернувшись в город на царство, помирился с князьями. Князья, просившие его вернуться, в более поздней РК заменены на казанцев. Не ясно, были ли эти слова синонимами, или имелось в виду, что хана выжили князья, а просили вернуться широкие народные массы. Но первый вариант более логичен: так как конфликт у хана был со знатью, мириться надо было с ней, а не с казанцами *an mass*.

с. 42]⁹, Тимофея [Александровича] Тростенского [РК 1966, с. 20]. Первым воеводой снова назначен Шиха, чья воеводская карьера, как видно, начиналась с руководства охраной Мухаммед-Эмина от его подданных. «И Магмедин ушел к великого князя воеводам, и князи ему доби́ли челом, и Магмедин пошел к ним опять в город на царство» [РК 1966, с. 20]¹⁰. Не ясно, на каких условиях хан вернулся. Разве что братьев он не тронул. Их пленили уже войска Ивана III при взятии города в 1487 г. [Вельяминов-Зернов 1863, с. 178–185. Примеч. 63].

Но скоро Мухаммед-Эмин опять настроил казанцев против себя. Вероятно, своей алчностью. По Уваровской и Софийской II (далее – СII) летописям, получив весной 1497 г. от Ивана III в кормление Серпухов, Каширу и Хотунь, он, как и в Казани, «с насильством живяше и хальчно ко многим» [ПСРЛ. Т. 6, стб. 349; Т. 28, с. 328]¹¹. Запись РК за 6995 (1486/87) г. начинается с известия о приходе Алегам «из Ногаи» по договоренности «с казанцы» и изгнания «с Казани Магмадамина царя» [РК 1966, с. 20]. Считается, что Алегам получил в Ногайской орде не только приют,

⁹ В РК 1475–1605 он ошибочно назван Василием Дмитриевичем Тулупьевым [РК 1977, с. 26].

¹⁰ В этой связи трудно согласиться с В.А. Волковым, что зимой (!? – М.Н.) 1485/1486 гг. хану пришлось под защитой великокняжеских воевод отступить на Русь [Волков 2001, с. 16]. Наоборот, после его ухода к русским воеводам казанские князья уговорили его вернуться в город на царство.

¹¹ В историографии на основании известия Казанской истории (далее – КИ) бытует мнение, что Мухаммед-Эмин получил от Ивана III Каширу еще до взятия Казани в 1487 г. Разве что Д.А. Котляров в соответствии с более обстоятельным известием СII относит пожалование Каширы Мухаммед-Эмину к 1497 г. [Котляров 2010, с. 26; Котляров 2011, с. 252]. Между тем, и в КИ об этом сообщается ниже упоминания о взятии Казани в 6995 (1487) г: «И се второе тогда Казань взята бысть от Москвы от начала ея в лѣто 6995-го года, июля въ 9 день, на память священномученика Пагкратия. И посади на Казани великий князь Иоаннъ Васильевичъ служащаго своего царя Махмет-Амина Ибѣговича, приѣхавшаго ис Казани к Москвѣ з братомъ своим Ибделятифомъ служити великому князю. И данъ бысть ему от него в вотчину градъ Кошира, другому же брату иныя грады» [БЛДР. Т. 10, с. 280]. Уваровская и СII сообщают о приезде Абдул-Латифа 1 января 1493 из Крыма на службу к Ивану III и о пожаловании царевичу Звенигорода, а хан Мухаммед-Эмин, снова потреряв в 1497 г. казанский трон, той весной по этим же источникам получил от Ивана III Серпухов, Каширу и Хотунь [ПСРЛ. Т. 6, стб. 336, 349; Т. 28, с. 323, 328]. Должен ли был Мухаммед-Эмин получить их в кормление в 1480-х гг., если, вероятно, тогда не жил на Руси годами в ожидание казанского престола?

но и войско¹², а в Казани – поддержку только части казанцев. Но источники не сообщают о наличии в Казани в то время его противников и об оказании ногайцами ему военной помощи. Более того, отвечая в 1489–1490 гг. отказом ногайским послан на просьбу отпустить к ним из заточения Алегам, Иван III называл его своими недругом и упоминал набеги бежавших в Ногайскую орду его сторонников на территории Руси и Казанского ханства, при этом не уличал ногайцев в военной поддержке Алегам [Сб. РИО. Т. 41, с. 83–84, 95–97]. Так что даже если Алегам привел маленький ногайский отряд, то занял трон фактически без боя при поддержке самих казанцев, теперь готовых снова его принять вместо Мухаммед-Эмина. По РК это стало причиной организованного Иваном III [весной 1487 г.] похода на Казань: «и князь великий Иван Васильевич всеа Руси послал на Казань воевод своих по полком, и они, шед, Казань взяли с Магмедамином царем» [РК 1966, с. 20]¹³, бежавшим, таким образом, из Казани в Москву. Согласно окончанию погодной записи, за 6994 г. устюжского летописного свода нач. XVI в., к Ивану III примчался из Казани от своего брата, «царя» Алегам казанский «царь» Мухаммед-Эмин, назвал своим его отцом и просил войско «на брата своего», Иван III «порек (устно обещал) ему дати». Следующая погодная запись описывает поход великокняжеских войск на Казань 1487 г., завершившийся посадением «царя» Мухаммед-Эмина «на Казани» по приказу Ивана III [ПСРЛ. Т. 37, с. 50, 96]¹⁴. Год в то время кончался 31 августа.

¹² Иногда даже утверждают, что в отряде казанского князя Аль-Гази был ногайский контингент [Бахтин, Хамидуллин 2014, с. 299]. Хотя это не подтверждается источниками [Алишев 1995, с. 44].

¹³ В РК 1475–1605 гг. эта запись имеет заголовок «взятие Козанское при великом князе Иване Васильевиче всеа Руси», характерный для летописных повестей, а не для разрядов. В данной РК есть добавочные сведения об этом походе, типичные для великокняжеского летописания: о пленении Алегам, о посадении на царство Мухаммед-Эмина по приказу Ивана III, об отправке с сеунчем князя Ф. Хрипуна (а упоминания сеунчей тоже не характерны для разрядов) [РК 1977, с. 26–27]. Вероятно, эти подробности взяты из Воскресенской летописи, служившей источником для записи РК 1475–1605 гг. о походе на Казань 1478 г. [Несин 2022, с. 117].

¹⁴ Некоторые ученые соотнесли этот рассказ с более ранней разрядной записью об уходе Мухаммед-Эмина к великокняжеским воеводам, после чего казанские князья упростили его вернуться на царство [Зимин 1982, с. 70, 284. Примеч. 57–58; Аксанов 2016, с. 88]. Но на этот раз Мухаммед-Эмин бежал к Ивану III и на трон вернулся после взятия Казани великокняжескими войсками. Это перекликается с разрядной записью за 6995 г. по которой Алегам «согнал» Мухаммед-Эмина «с Козани», а Иван III организовал поход на Казань с участием Мухаммед-Эмина. Поэтому ближе к истине те ученые, которые соотнесли

Очевидно, Алегам сверг брата с трона, и тот бежал в Москву в конце лета [Илюшин 2019, с. 41] или в начале осени 1486 г., и потому эти события отнеслись в источниках к концу 6994 или к началу 6995 г. В обмен на военную помощь со стороны Ивана III в 1486 г. Мухаммед-Эмин признал себя его вассалом, назвав его своим отцом (это известие устюжского хрониста подтверждается посольскими документами 1489 г., в коих Иван III официально называл Мухаммед-Эмина братом и сыном [Сб. РИО. Т. 41, с. 83–85], то есть формально самостоятельным, но вассальным правителем).

Приезд Мухаммед-Эмина к Ивану III во 2-й пол. 1486 г. упоминается и в других источниках.

В Уваровской, Ермолинской и СП летописях XVI в., в которых отражен летописный свод 1518 г., под 6993 г. ниже известия о смерти матери Ивана III († 4 июля 1485 г.) сообщается о приезде к Ивану III маленького царевича, сына казанского царя и Темирера внука [Мухаммед-Эмина, сына казанского хана Обреима и внука ногайского бия Темира по женской линии] и присылке казанскими [людьми / князьями?] ¹⁵ к Ивану III посольства со словами, что они отпустили к нему царевича с тем условием, что если их царевич царя их, меншицин сын [Алегам, сын хана Обрема от младшей жены Фатимы] ¹⁶, начнет им причинять зло, Иван III опять отпустит к ним царевича. А нынче царевич меншицин сын, узнав об этом, позвал их к себе на пир, задумав погубить, но они убежали в поле, а царевич, укрепивши город, пошел за ними в поле [ПСРЛ. Т. 6, стб. 322; Т. 23, с. 185; Т. 28, с. 318] ¹⁷. Эти сообщения помещены близко друг к другу. В известии о приезде

рассказ северного хрониста с записью РК за 6995 г. [Базилевич 1952, с. 203; Борисов 2000, с. 409; Волков 2001, с. 16; Илюшин 2019, с. 41].

¹⁵ В своде 1518 г. это слово пропущено: в Уваровской и Ермолинской летописях значатся некие «казантсии», а другие книжники по-своему пытались исправить эту ошибку, превращая их то казанцев, то в казанских князей [ср.: ПСРЛ. Т. 6, стб. 322; Т. 20, с. 352; Т. 23, с. 185; Т. 24, с. 236; Т. 28, стб. 318]

¹⁶ В историографии тождество этого «царевича» с Алегамом не вызвало сомнений. Только Д.А. Котляров почему-то назвал его Мухаммед-Эмином [Котляров 2005, с. 140–141; Котляров 2010, с. 23–24], хотя Мухаммед-Эмин, внук бия Тимирера, упомянут в данном источнике как «Темирер внук» [Вельяминов-Зернов 1863, с. 167. Примеч. 62]. Также трудно согласиться с А.В. Аксановым, что хронист не знал имен обоих «царевичей» [Аксанов 2016, с. 91], помня, чей внук по женской линии первый и кто мать второго. Наверное, книжник просто относился к ним свысока, титулуя лишь как «царевичей», в том числе правившего в Казани меншицина сына.

¹⁷ В Толстовском списке XVII в. Типографской летописи (далее – Тип.) этот текст записан с пропусками, из-за которых не ясно, в каком случае казанцы ожидали, что Иван III вернет им царевича, что услышал меншицин сын, из-за

де к Ивану III царевича тот указан как сын казанского царя и Темирев внук, а в сообщении о посольстве упомянут без пояснений как уже известный царевич, в то время как второй царевич неоднократно фигурирует как меншицин сын. Следовательно, оба известия образуют связный рассказ о близких по времени последствиях воцарения Алегама¹⁸. Вероятно, сюжет о казанском посольстве к Ивану III с жалобой на Алегама и просьбой вернуть Мухаммед-Эмина имеет легендарный характер. Эта информация отсутствует в великокняжеском летописании, сообщавшем о приездах казанских делегаций с подобными предложениями и называвшем имена некоторых «казанских князей». А сведения о положении дел при казанском дворе Иван III мог получать от своих послов. Другое дело, что какое-то коварство на пиру с участием Алегама имело место. В XVI в. австрийский посол С. Герберштейн тоже упоминал об этом, хотя, по его версии все было иначе: некие советники Ивана III, приставленные следить за Алегамом, напоили его на пиру и вывезли из города в московский плен [Герберштейн 1988, с. 170]. Видимо, речь шла о великокняжеских атташе, которые, как послы в Крыму, постоянно находились при ханском дворе и доносили Ивану III о принимаемых там решениях. Другое дело, что такая хитрость русских вельмож была актуальна лишь в случае неустойчивого положения Алегама в Казани. Не ясно, насколько точны сведения Герберштейна: австрийский дипломат, занявшийся восточноевропейскими делами уже в XVI в., не знал о взятии Казани 1487 г., а пленение Алегама изобразил лишь в виде дворцовой интриги. Однако эти оба рассказа независимо друг от друга передали какие-то реальные слухи о непрочном положении Алегама (как при этом в Казани относились к Мухаммед-Эмину – другой вопрос). Сразу после сообщения о присылке к Ивану III казанского посольства в данных летописях под тем же 6993 г. следует повесть «о взтьѣ казанскомъ отъ великого князя Ивана» [ПСРЛ. Т. 6, стб. 322–323; Т. 23, с. 185; Т. 28, с. 318]¹⁹, в действительности имевшем место в 6995

чего решил побить казанских князей, к кому на пир их звал. При том, по этому позднему источнику, меншицин сын шел за казанскими князьями с ногайцами, а другого царевича «согна с Казани», тот бежал, и рыбаки перевезли его через Волгу [ПСРЛ. Т. 24, с. 236]. По мнению О.В. Комарова, в Тип. в искаженном виде передан рассказ Ки о свергнутом в 1521 г. Шах-Али, шедшем «в поле чисте нага, яко роженна» с московскими рыбаками.

¹⁸ В СП и Львовской (далее – Л.) летописях они разделены известием о свадьбе сына великого рязанского князя [ПСРЛ. Т. 6, стб. 322; Т. 20, с. 352], которое здесь выглядит как небрежная вставка, разрывающая связный рассказ.

¹⁹ В Л., доведенной до 1530-х гг. рассказ о «царевичах» ошибочно помещен под 6997 (1488/89) г. а повесть «о взтьѣ казанскомъ...» – под 6998 (1490) г. [ПСРЛ. Т. 20, с. 352. примеч. 1, 5].

(1487) г. В этой связи рассказ о 2-х казанских царевичах либо относили непосредственно к 6993 (1485) [Бахтин 2001, с. 185; Бахтин, Хамидуллин 2014, с. 299; Илюшин 2019, с. 32]²⁰, до начала 1-го царствования Мухаммед-Эмина, либо воспринимали как «своеобразный пролог» [Аксанов 2016, с. 91] к «Казанскому взятию» 1487 г. и соотносили его с рассказом устюжского летописца о бегстве Мухаммед-Эмина к Ивану III в 1486 г. [Соловьев 1851, с. 1418; Вельяминов-Зернов 1863, с. 162–167. Примеч. 62; Алексеев 2007, с. 354; Алексеев 2009, с. 284]. Вопрос о датировке этих событий стоит признать открытым: данная погодная запись объединяет события разных лет вплоть до взятия Казани 1487 г. Вдобавок, надо отметить, что повесть «о взъѣ Казанскомь...» является отдельным произведением, сюжетно не связанным с рассказом о царевичах: плененный войском Ивана III казанский правитель в ней назван не царевичем, а царем и она не сообщает о воцарении в Казани другого «царевича» «Темирава внука» [ПСРЛ. Т. 6, стб. 323; Т. 23, с. 185; Т. 28, с. 318], что было бы логично, если бы взятие Казани с пленением царя по сюжету повести последовало в ответ на просьбу казанцев вернуть им царевича. Разве что с учетом сообщения С. Герберштейна о коварстве на пиру перед арестом Алегамы летописный рассказ о 2-х казанских царевичах стоит предположительно отнести ко 2-му царствованию Алегамы, начавшемуся в конце лета / начале осени 1486 г. и окончившемуся взятием Казани войсками Ивана III и пленением Алегамы летом 1487 г.

Согласно КИ 2-й пол. XVI в., Мухаммед-Эмин отъехал от Алегамы с братом Абдул-Латифом, поссорившись «о нѣкоей вещи, не стерпѣвше от него обиды многия» и «подняша» Ивана III Казань «взяти, да не царствовать на Казани братъ единъ, смѣясь и досаждая» [БЛДР. Т. 10, с. 280]. В принципе, можно сказать, что оба брата до 1487 г. отъехали от Алегамы. Но Абдул-Латиф до конца 1492 г. жил в Крыму со своей матерью Нур-Салтан, вышедшей замуж за хана Менгли-Гирея I. В переписке Нур-Салтан с Иваном III упоминалось, что здесь у Абдул-Латифа отец Менгли-Гирей и шла речь об отъезде царевича к великому князю [Сб. РИО Т. 41, с. 75, 143, 176–177]. Абдул-Латиф в решении своей судьбы не участвовал и потому не мог иметь влияния на Ивана III.

²⁰ Б.А. Илюшин отнес приезд Мухаммед-Эмина к 1484 г., ошибочно датировав им помещенное выше известие о смерти матери Ивана III [Илюшин 2019, с. 32]. Но в соответствии с бытовавшим в то время сентябрьским стилем летоисчисления ее кончину 4 июля 6993 г. надо отнести к 1485 г. от Р.Х.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Библиотека литературы Древней Руси [БЛДР]. Т. 10. СПб., 2010.
- Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
- Псковские летописи [ПЛ2]. Вып. 2. М., 1955.
- Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. 6. Софийская вторая летопись. М., 2001.
- ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. Львовская летопись. СПб., 1910.
- ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910.
- ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л., 1962.
- ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи. Л., 1982.
- Разрядная книга [РК] 1475–1598 гг. М., 1966.
- РК 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977.
- Сборник Императорского Русского Исторического Общества [Сб. РИО]. Т. 41. СПб., 1884.
- Алексеев Ю.Г.* Победа на Волге // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 30. СПб., 2007.
- Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2009.
- Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995.
- Аксанов А.В.* Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань, 2016.
- Базилевич К.В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.
- Бахтин А.Г.* XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998.
- Бахтин А.Г.* Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: дис. ...док. ист. наук. М., 2001.
- Бахтин А., Хамидуллин Б.* Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен в семи томах. Казань, 2014. Т. 4.
- Борисов Н.С.* Иван III. М., 2000.
- Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863.
- Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Волков В.А.* Войны Московской Руси конца XV–XVI вв. М., 2001.
- Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI вв. М., 1982.
- Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине в XV – первой трети XVI вв. М., 1988.
- Илюшин Б.А.* Мухаммед-Эмин – «царь» казанский: биографический очерк. Казань, 2019.

Косточкин В.В. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI веков. М., 1962.

Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. Ижевск, 2005.

Котляров Д.А. «Служащий царь» казанский хан Мухаммед-Амин и великие князья всея Руси // Вестник УдГУ. История и филология. 2010. Вып. 3.

Котляров Д.А. О кормлениях служилых татарских ханов на Руси во второй половине XV первой половине XVI века // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 6.

Несин М.А. Первая династия Чингисидов на русской службе: биографии служилых царевичей Касима и Данияра // История военного дела: исследования и источники. 2018. Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. 2018. Ч. 1.

Несин М.А. Казанский поход на Вятскую землю и русский поход на Казань 1478 г. // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Мария Михайловна Мартынова (1922–2003), Борис Григорьевич Плющевский (1912–1998), Николай Николаевич Латышев (1892–1953), Никифор Павлович Павлов (1922–2008): материалы III Всерос. науч. конф. (Ижевск, 14–15 апреля 2022 г.). Ижевск, 2022.

Несин М.А. Русско-казанский конфликт начала 1480-х гг // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы X Всерос., с междунар. участием, науч. конф. молодых ученых (Ижевск, 6–7 декаб. 2022 г.). Ижевск, 2023.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга первая. СПб., 1851.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства М., 1991.

M.A. Nesin

St. Petersburg (Russia)

MO “Historical consciousness”

THE KAZAN THRONE 1484/85–1486

This article generalizes the information of historians about the accession of Ivan III to the Kazan throne in the mid-1480s of Tsarevich Mohammed-Emin, his first reign, as well as the return to the throne of Alegam and the position of both brothers in Kazan.

Keywords: Ivan III, Kazakh Khan Alegam, Kazakh Khan Mohammed-Emin.

А.С. Селькова

г. Ижевск (Россия)

Гос. архив общественно-политической истории

ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА XVI–XVII вв. В ТРУДАХ Б.Д. ГРЕКОВА

В статье проанализированы труды Б.Д. Грекова, посвященные истории русского крестьянства XVI–XVII вв. Отмечены причины, по которым, согласно мнению академика, правительство прибегло к ограничению крестьянской свободы. Комплексно рассмотрены тезисы автора, высказанные на протяжении нескольких десятилетий по исследуемой проблематике. Сделаны выводы о позиции Б.Д. Грекова по наиболее спорным вопросам крестьянской истории.

Ключевые слова: Б.Д. Греков, советская историография, история крестьянства, Российское государство, крепостное право.

В отечественной историографии особое место занимают работы выдающегося ученого, академика Бориса Дмитриевича Грекова. Начав свой научный путь в стенах Варшавского, Московского, а также Петроградского университетов в 1901–1914 гг., став дипломированным специалистом накануне революционный потрясений 1917 г., Борис Дмитриевич стал одним из основоположников применения марксистского метода в исторических исследованиях Советской России и СССР. Его вклад в развитие советской науки отмечен не в одной десятке исследований. Так его биографии и научно-исследовательской деятельности посвящено 78 работ, начиная от кратких справок в энциклопедиях и заканчивая коллективным монографиями, приуроченным к юбилейным датам ученого [Материалы к биобиблиографии...].

Академик привнес новый взгляд на развитие общественных отношений, подчеркнул значимость социально-экономических факторов для динамики исторического процесса в Древней Руси и Московском государстве. Тематика исследований Б.Д. Грекова довольно широка: история Новгорода Великого, складывание феодализма в Киевской Руси, история крестьянства и бобылей, история Золотой Орды, значение научной работы А.С. Лаппо-Данилевского и М.В. Ломоносова, В.Г. Васильевского для истории России и многие другие [Список научных работ 1952, с. 20–36].

По мнению коллег, Б.Д. Грекову удалось проанализировать историю крестьянства как закономерный процесс, «обусловленный развитием экономики феодальной Руси» [Смирнов 1958, с. 23]. И для отечественной и мировой историографии работы академика имеют «непреодолимое значение» [Бромлей, Наумов 1982, с. 203]. В постсоветской историографии направление исследования, заданное Б.Д. Грековым, нельзя назвать историографическим, поскольку оно находит отклик и в современных работах по истории Древней Руси [Никонов 2005, с. 4].

В рамках настоящей статьи внимание читателя будет сконцентрировано на разработке Б.Д. Грековым вопросов истории крестьянства и становления крепостного права в России. Помимо, пожалуй, самой яркой работы в этой области – «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века» (1946), удостоенной Сталинской премии 1-й степени, в статье рассматриваются и другие специальные исследования.

По мнению Б.Д. Грекова, тот, кто исследует крестьянство в Средние века, должен проследить изменения в среде крестьянства, землевладельцев и их взаимоотношениях. При этом история крестьянства должна быть вписана в контекст общего экономического и политического развития страны.

При анализе крепостного права нужно ответить на вопросы: а) как землевладелец смог завладеть большими и населенными землями; б) как крестьяне стали зависимыми от землевладельцев [Греков 1946, с. 781].

Важный признак крепостной зависимости – личная зависимость крестьянина от землевладельца. На втором месте принудительная связь крестьянина с землей [Греков 1930, с. 46].

Б.Д. Греков отмечал, что Судебник 1497 г. утверждал право и срок перехода, и плату за пользование двором для всех зависимых крестьян. Для новоприходцев, серебрянников и др., живших по срочному договору – отдельные положения платы за двор в зависимости от срока [Греков 1940, с. 45].

Цель этой нормы – установить в централизованном государстве единый срок «отказа», точно определить круг прав дворянства на своих крестьян. Боярам, и без того крепко защищавшим свои права, нужна была согласованность с соседями в вопросе перехода [Греков 1940, с. 46; 1958, с. 166–170]. Судебник 1550 г. лишь детализировал отдельные положения предыдущего Судебника. Понятие же «крестьянин» остается неясным [Греков 1940, с. 47].

Б.Д. Греков разделял экономическую и юридическую составляющую понятия «крестьянин». Экономическая роль крестьянина – быть непосредственным мелким производителем, который имеет свои средства производства и занимается сельскохозяйственным и иногда ремесленным трудом. Юридическое же положение очень разнообразное в зависимости от степени свободы крестьянина. Кого имел в виду законодатель – загадка [Там же].

Б.Д. Греков выделял несколько категорий крестьян: старожильцы, серебреники, новопорядчики, бобыли, половники и детеныши [Греков 1958, с. 170]. Старожильцы – самые многочисленные крестьяне, которые очень давно живут на территории землевладельцев и платят как государственные, так и владельческие повинности. Возможность выхода для них решалась договоренностью с землевладельцем. С изданием Судебника 1497 г. те крестьяне, которые не имели права выхода, обрели его [Греков 1940, с. 48–49].

Серебреники – крестьяне, ставшие зависимыми не из-за давности проживания, а в силу договора, в данном случае служилой кабалы. Если крестьянин взял сумму денег, не вернул ее и проценты, то он отработывал долг своим трудом. По Судебнику дать на себя кабалу мог лишь свободный человек, который не подлежал военной службе. Однако немногим удавалось исполнить договор и воспользоваться правом «выхода» [Там же, с. 51–52].

Крестьянами-новопорядчиками являлись те земледельцы, которые вновь поселялись на чужих землях и заключали договор. Бедственное положение вынуждало свободных крестьян пойти на этот шаг. Жажда землевладельцев к деньгам приводила их к экстенсивному расширению производства. Методы привлечения – выдача денег за работу заранее, инвентаря, льготный период [Там же, с. 53–54].

В XVI в. государство не запретило переход крестьян, так как некоторые землевладельцы начинали обустраивать свое хозяйство и нуждались в рабочей силе. К таким Б.Д. Греков относил помещиков, детей боярских, основу армии Московской Руси. Пополнялась армия за счет людей небогатых, которые добывали себе хлеб насущный. Государство было озабочено обеспечением детей боярских земель и деньгами. Но 2/3 подходящего для этого земельного фонда находились в руках боярства и церкви. Политика уничтожения боярских привилегий, сокращения церковно-вотчинных привилегий и попытка секуляризации церковных земель проходили в обостренной обстановке. Но государственная власть отстаивала интересы детей боярских [Греков 1940, с. 54; 1958, с. 149–150].

Бобыли, появившиеся во 2-й пол. XV в., не включались в уплату тягла и потому отдавали более легкий оброк. Причина такой льготы – работа на еще не окультуренной земле. Половники очень близки к серебреникам и новопорядчикам. Они также находились в срочной зависимости от землевладельца из-за денежного долга, но при этом освобождались от половины тягла из-за бедности [Греков 1940, с. 55–56].

Отличие крестьянства от холопства, по мнению Б.Д. Грекова, выражалось в том, что первые обладали своими средствами производства, а вторые не имели их [Греков 1958, с. 162].

Также одной из категорий крестьян являются детеныши, задействованные для нужд монастырей [Греков 1940, с. 58]. Их же позднее Б.Д. Греков

охарактеризовал как «монастырских детенышей» [Греков 1958, с. 189]. Это люди, с детства попавшие в монастырь или работавшие по найму. Они выполняли не только сельскохозяйственные, но и ремесленные работы. Аналог детенышей в светском землевладении – наемные работники или сербренники [Там же, с. 194].

Многообразие категорий крестьян, наметившаяся к сер. XV в., угасает в XVII в. [Греков 1940, с. 59].

Помещики прибегали к наемному труду лишь в случаях, когда своих крестьян им не хватало. После вмешательства государства круг проблем помещиков сокращался: при запрете на переход больше не нужно было привлекать и удерживать крестьян [Греков 1946, с. 782–783].

Б.Д. Греков отмечал, что крестьяне предпочитали прочно и долгое время селиться на одной земле. В условиях существования права перехода, при колонизационных процессах старожильцы оставались на своих местах. Те, кто терял связь с хозяйством или не имел своего хозяйства, кто шел в кабалу, а также новорядчики пользовались переходом в Юрьев день [Там же, с. 805].

С 40-х гг. XVI в. фиксируется распространение барской запашки (на основе монастырских источников), а именно выращивание злаковых культур. При росте внутреннего рынка продажа хлеба, приводившая к обогащению землевладельцев, стала весьма выгодным предприятием. Этот фактор и привел к стеснению положения крестьянства [Греков 1958, с. 155].

Обременительная Ливонская война привела к экономическому упадку страны [Греков 1940, с. 59–60]. В сочетании с Казанским походом, продвижением по Волге и на Северный Кавказ, опустошительным походом крымских татар на Москву и борьбой опричнины с земщиной произошло истощение страны [Греков 1958, с. 201]. Перепись населения 1582 г. выявила сокращение деревенского населения на 40 %. Однако потрясения 1570–1580-х гг. не изменили технику или систему сельского хозяйства. Изменились лишь объемы сельскохозяйственных работ [Греков 1946, с. 806].

В этих условиях землевладельцы были обеспокоены перспективой разорения. Все чаще на смену «выходам» крестьян приходят их «вывозы» землевладельцами [Греков 1940, с. 59–60].

По мнению Б.Д. Грекова, Иван Грозный и его преемники были заинтересованы в отмене Юрьева дня. Обеспечение поместий рабочими руками – ключевая задача, решавшаяся при непосредственном участии правительства Московской Руси. Аргументирует свою позицию автор, например, тем, что причиной отмены тарханов на Церковном соборе 20 июля 1584 г. стало стремление уменьшить отток крестьян из светских вотчин в церковные [Там же, с. 63].

Примечательно, что столь сложный вопрос (ограничение прав крестьян) правительство Московской Руси проводило не продуманно, а в зависимости от текущих нужд [Греков 1946, с. 806].

Отмечу, что первоначально исследователь при оценке развития крепостного права активно прибегал к изучению земель Новгородского Софийского Дома [Греков 1926, с. 67–84], а затем расширил источниковую базу.

Б.Д. Греков был уверен в том, что указ о заповедных летах был создан, но не дошел до нас. Этот указ начал действовать с 1581 г. Бесспорными периодами действия заповедных лет автор называет 1581–1586, 1590, 1592, 1594 и 1595 гг. Б.Д. Греков отметил, что тверские писцовые книги, приходско-расходные книги Волоколамского монастыря не фиксируют переходы крестьян начиная с 1581 г. В русском обществе было представление о том, что заповедные лета в любой момент может отменить государь новым указом, что это временная мера. Так и некоторые крестьянские порядные записи, и уже отмеченные ранее книги Волоколамского монастыря предполагали, что последует новый указ [Греков 1940, с. 64–65].

Б.Д. Греков полагал, что заповедные лета были в интересах помещиков «средней руки», коих было во всем государстве много. Поэтому он предположил, что этот недошедший указ должен был распространяться почти на всю территорию Московской Руси. Исследователь обратил внимание на то, что указы Бориса Годунова 1601 и 1602 гг. разрешали выход крестьян во всем государстве. Это означает, что ранее был издан указ, запрещавший переход на территории всей страны [Там же, с. 66].

Указ 1597 г. о 5-летнем сылке родился в обстановке, когда крупные землевладельцы переманивали к себе крестьян против закона, а государство не успевало разбирать шквал челобитных от помещиков среднего состояния [Там же, с. 69]. Постепенно число урочных лет увеличивалось, но проблема оставалась нерешенной. Помещику не хватало средств для розыска и своза крестьян. Поэтому его устремления были направлены на то, чтобы окончательно закрепить за собою крестьян.

Сами по себе указы Бориса Годунова 1601 и 1602 гг., дававшие право на переход, по сути были откликом на крестьянские протесты. Указы были изданы уже *post factum*, 28 и 29 ноября соответственно. Спустя время, в 1606 г. правительство Лжедмитрия I пыталось разобраться в ситуации. 7 января оно вновь провозгласило крестьян крепкими земле, а 1 февраля определило, что сыску не подлежат крестьяне, бежавшие от голодной смерти. Также подтверждалось право на иск в течение последних пяти лет. О заповедных летах уже не говорилось [Греков 1940, с. 68; 1958, с. 214, 217].

Отдельное внимание Б.Д. Греков уделял указу Шуйского от 9 марта 1607 г., который рассматривался в Боярской думе, стал ответом на крестьянские движения и установил 15-летний сыск беглых крестьян. При этом исследователь подчеркивал, что крестьянин, согласно документу, «находится в крепкой зависимости от своего господина и трактуется вместе с холопом».

Законодатель, по мнению историка, всегда преследовал крепостнические тенденции, но в силу крестьянских выступлений был вынужден лавировать и делать послабления [Греков 1958, с. 218–219].

Именно крестьянские протесты, главным образом в форме побегов, привели к смене податных учетных книг. Идея крепости крестьян земле и писцовые книги уступили место идее о мобильности крестьян и переписным книгам [Греков 1940, с. 71].

Боярство и дворянство в условиях Смуты не упускали из виду вопрос о выходе крестьян. Соглашение с королем Владиславом от 17 августа 1610 г. предусматривало, что выход для крестьян признавался противозаконным при их бегстве в Литву, и в целом по территории России [Там же, с. 73].

Практика подачи коллективных челобитных царям помогает проследить то, как увеличивались требования дворянства и как происходила отмена урочных лет. Б.Д. Греков анализировал челобитные 1637, 1641, 1645 и 1648 гг. В обстановке Московского восстания было принято решение о созыве Земского собора. Издание Соборного Уложения 1649 г. – «блестящая победа помещика, итог его полувековой борьбы за отмену урочных лет, за установление крепостного права в самом полном значении этого термина» [Там же, с. 75]. Б.Д. Греков обратил внимание на «поллюбовные сделки» о беглых крестьянах, которые по сути позволили землевладельцам проводить куплю-продажу крестьян без земли [Там же, с. 76].

Исследователь отметил, что Соборное Уложение справедливо не закрепило крестьян за землей юридически точной формулировкой. Этого и не нужно было делать, ведь это провозгласил недошедший закон о заповедных летах. Само Уложение не могло уменьшить бегства крестьян. Его назначение – облегчение возвращения беглых тяглецов [Греков 1946, с. 931–932]. По сути Соборное Уложение разрешило спор, заданный введением заповедных лет. Крестьяне надеялись, что закон временный. Землевладельцы ждали окончательной отмены Юрьева дня. Победа была за землевладельцами.

Резюмируя, мы можем отметить, что концепция Бориса Дмитриевича Грекова позволила обратить внимание исследователей на неоднородность крестьянского населения (старожильцы, новопорядчики и др.). По ключевым спорам позиция советского исследователя такова: основная причина введения крепостного права – защита прав помещиков «средней руки». Б.Д. Греков – сторонник указной теории происхождения крепостного права. Заповедные лета, по его мнению, были введены по всей стране, начиная с 1581 г. Непоследовательность правительства в увеличении урочных лет – вынужденная мера, во многом ставшая ответом на мощные крестьянские протесты. Соборное Уложение не установило всех деталей крепостного права, поскольку отмена права на смену землевладельца была детально регламентирована указом о заповедных летах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Греков Б.Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.; Л., 1940.

Греков Б.Д. Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958.

Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.; Л., 1946.

Греков Б.Д. Происхождение крепостного права в России // Крепостная Россия. [Л.], 1930.

Греков Б.Д. Юрьев день и заповедные годы // Известия Академии наук СССР. 1926. Т. 20. Вып. 1–2.

Бромлей Ю.В., Наумов Е.П. Академик Б.Д. Греков и развитие советской исторической науки: к 100-летию со дня рождения // Новая и новейшая история. 1982. № 2.

Материалы к биобиблиографии учёных: Греков Борис Дмитриевич // Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). URL: <https://inion.ru/ru/resources/tematicheskie-resursy/materialy-k-biobibliografii-uchenykh/boris-dmitrievich-grekov/>

Никонов С.А. Б.Д. Греков и новейшая историография общественного строя Древней Руси: автореф. дис. ...канд. ист. наук. СПб., 2005.

Смирнов И.И. Б.Д. Греков как историк русского крестьянства // *Греков Б.Д.* Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958.

Список научных работ академика Б.Д. Грекова // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: сб. статей. М., 1952.

A.S. Selkova

Izhevsk (Russia)

State Archive of Socio-Political History

THE SITUATION OF THE RUSSIAN PEASANTRY
IN THE 16th–17th CENTURIES IN THE WORKS OF B.D. GREKOV

The article analyzes the works of B.D. Grekov, dedicated, first of all, to the history of the peasantry of the Russian state. Attention is drawn to the inconsistency and contradictory nature of the process of formation of serfdom. The reasons why, according to the academician, the government resorted to restricting peasant freedom are noted. The author's theses, expressed over several decades on the issues under study, are comprehensively reviewed. Conclusions are drawn about the position of B.D. Grekov on the most controversial issues of peasant history.

Keywords: B.D. Grekov, Soviet historiography, history of the peasantry, Russian state, serfdom.

Е.К. Посаженикова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

НЕИЗВЕСТНЫЕ ЖЕНЩИНЫ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Данная статья рассматривает биографию женщин Наполеона Бонапарта, о которых никто практически не говорит и не пишет. На основе их связей с французским императором можно проследить как меняется характер Бонапарта и его отношение к женщине на пути от простого солдата до повелителя Европы. Автор приходит к выводу, что тематика личной жизни Наполеона в российской историографии недостаточно изучена, поэтому приходится прибегать к помощи зарубежных исследователей.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт, российская историография, Жозефина, Мария Валевская, Мария-Луиза Австрийская, отношения.

Наполеон Бонапарт – «величайший полководец всех времен» [Колубакин 1911, с. 3], «военный гений» [Дживелегов 1912, с. 6], «деспот по натуре и прирождённый самодержец» [Тарле 1936, с. 125]. В российской историографии о Наполеоне написаны сотни монографий и статей, однако значительная их часть посвящена военной и политической жизни императора. Личная жизнь «военного гения» [Дживелегов 1912, с. 6] обычно уходит на задворки истории. Оно и понятно, поскольку около двадцати лет Наполеон провел в походах, и, казалось, что в его жизни совсем нет места для женщин, любви и семьи.

Всем известно, что Наполеон был женат и на Жозефине, и на Марии-Луизе Австрийской, а также чуть не женился на полячке Марии Валевской. Но были ли в жизни Бонапарта еще женщины, поскольку для большинства правителей наличие фавориток и любовных интрижек было вполне обычным делом?

Историки писали, что женщина никогда не могла оказывать влияние на Бонапарта. Она должна была повиноваться беспрекословно и подчиняться его воле – «вот то необходимейшее качество, без которого женщина для него не существовала» [Тарле 1936, с. 33].

По информации современного исследователя С.Ю. Нечаева, известно, что до двадцати пяти лет Наполеон «женщин не знал, и весь его опыт в этой области ограничивался воспоминаниями о матери, бабушке, тетушке Гертруде да о старой кормилице Камилле Иллари» [Нечаев].

Первой возлюбленной будущего императора Франции стала дочь госпожи Коломбье в Валансе. Из дореволюционных исследователей о ней упоминает только Н.А. Полевой [Полевой 1844, с. 107]. Историк не называет ее имени, но, ссылаясь на воспоминания самого императора, описывает ее красавицей. Советские исследователи не упоминают данную девушку, впрочем, новейшим исследователям удалось узнать о ней гораздо больше информации, ссылаясь на работы зарубежных авторов.

Эту красавицу-незнакомку «звали Шарлоттой-Пьереттой-Анной Грегуар де Коломбье». Она родилась 28 ноября 1761 г. и «была старше Наполеона... У нее были большие темные глаза, густые черные волосы, нежная кожа и чуть полноватые губы, придававшие ее облику милость» [Нечаев].

На момент встречи с Наполеоном в 1786 г. ему было шестнадцать лет, а ей двадцать пять! Шансов у Наполеона на будущее с Шарлоттой тогда точно не было. Это было время начала военной карьеры будущего гения, который был еще очень стеснительным и робким «и только помогал своей красавице собирать в саду вишни» [Полевой 1844, с. 107]. «Его» Шарлотта через пару лет «вышла замуж за капитана Гаремпеля де Брессье» [Нечаев].

Очутившись в Париже Наполеон встретился со «змеем-искусителем». Это был огромный город «со всеми его соблазнами, где ароматами прекрасных женщин было пропитано все» [Там же]. Но потерпев неудачи на любовном фронте, Наполеон возвращается на Корсику, потом во французский Оксонн, где опять терпит любовные неудачи. Только в 1794 г. в жизни Наполеона появляется женщина...

В 1794 г. Жозеф Бонапарт женился на богатой девушке из Марселя. А вот выбор будущего повелителя Европы пал на ее младшую сестру – Бернардину-Эжени-Дезире Кларе, родившуюся 8 ноября 1777 г. О ней нам известно только от новейших исследователей.

Дезире восхищалась храбростью молодого корсиканца, который стал ее идеалом и защитником. В апреле 1795 г. Наполеон сделал ей предложение, однако двигала Наполеоном не любовь к Дезире, а ее приданое в сто пятьдесят тысяч франков. Влюбленные обменивались письмами, но и там не было никакого намека на любовь со стороны Бонапарта. Спустя некоторое время Наполеон и вовсе забыл свою невесту, но угрызения совести не позволили ее бросить с пустыми руками. Поэтому Бонапарт «попытался найти для покинутой Дезире хорошую партию» [Там же]. Ее мужем стал генерал Жан-Батист Бернадотт. Спустя два десятилетия Бернадотт станет королем Швеции и Норвегии, а Дезире – королевой. «Но даже на троне она

не забыла того времени своей юности, когда любила генерала Бонапарта» [Там же].

Во время Египетской экспедиции закрутился очередной роман Наполеона. В то время он уже был женат на Жозефине, которая постоянно изменяла своему мужу. Новой фавориткой Наполеона стала Маргарита-Полина Фурес.

Новейшие исследователи полагают, что Полина родилась во Франции 15 марта 1778 г. в семье часовщика, поэтому с ранних лет была вынуждена «зарабатывать средства к существованию». Работая у модистки в соседнем городе, Полина познакомилась с лейтенантом Жан-Нозлом Фуресом, который женился на ней не задумываясь. Военный долг вынудил Фуреса отправиться в Египет, а его жена увязалась за ним. «Так красавица Полина, блондинка с темно-синими глазами, оказалась в Александрии и вскоре стала всеобщей любимицей» [Там же].

Узнав о Беллилот, так все называли Полину, Наполеон решил с ней познакомиться. Муж Полины «был отправлен со “срочной” депешей в Париж, а двадцатилетняя Беллилот на некоторое время стала настоящей Царицей Востока» [Там же], завладев мыслями Наполеона. Восточный роман Бонапарта длился несколько месяцев. Даже находясь в разъездах Наполеон писал Беллилот нежные письма, но обстоятельства вынудили его бежать, оставив все в Египте.

Полина должна была вернуться во Францию, но на пути домой встретила немало трудностей. В Париже она нашла лишь дом и деньги вместо обещанной любви. Наполеон нашел ей мужа и впоследствии всячески уклонялся даже от встречи «со своей» Беллилот.

Еще в 1797 г. Наполеон увидел знаменитую итальянскую певицу Джузеппину Грассини, но лишь в 1800 г. обратил свое внимание на нее. Это была «Джузеппина-Мария-Камилла Грассини, и родилась она 18 апреля 1773 года в Варезе» [Там же]. В шестнадцать лет итальянка дебютировала на сцене, «а в семнадцать уже пела в миланском театре» [Там же].

После победы при Лоди, Наполеон посетил миланский театр, где и обратил внимание на божественную пение Джузеппины. Историки находят ее очаровательной, «перед ее красотой и талантом преклонялась вся Италия» [Там же]. Но Наполеон в те времена не замечал никого, кроме своей Жозефины.

В 1800 г. Наполеон вновь вступил в Милан, и только тогда впервые заметил очаровательную Джузеппину. Но красота ее уже уходила, «она приближалась к критическому для всех южанок тридцатилетнему возрасту» [Там же]. Джузеппина на сцене театра исполнила перед Бонапартом «Марсельезу» так, «что все французы, находившиеся в зале, едва не сошли с ума» [Там же]. Наполеон также пришел в восхищение от ее пения и пригласил к себе. Так Джузеппина стала очередной фавориткой Первого консула.

Она была перевезена в Париж, пела в Мальмезоне и на других празднествах, но такая жизнь ей не нравилась. Она хотела быть «возлюбленной главы государства», мечтала владеть и повелевать. «Но ничего этого не было» [Там же]. Джузеппине «приходилось втихомолку наслаждаться своим счастьем», не афишируя любовную связь с Наполеоном. Вскоре место Бонапарта занял молодой скрипач и композитор Пьер Род, с которым она и сбежала. С Джузеппиной было покончено, но позднее она не только смогла вернуться во Францию, но и стала «первой певицей Его Императорского Величества». Джузеппина восхищала Париж вплоть до отречения императора, «до конца дней сохранив остатки той красоты, которая очаровала когда-то Наполеона» [Там же].

С.Ю. Нечаев сообщает, что еще одной фавориткой Бонапарта стала Маргарита-Жозефина Веймер, актриса «Comédie Française», родившаяся 24 февраля 1787 г. в Байё. Маргарита росла в бедности и нищете, с пяти лет стала появляться на подмостках и приносить деньги в семью. В 1802 г. Маргарита «выступила в дебютном спектакле в лучшем театре Франции» [Там же], а спустя пару дней оказалась в покоях Первого консула.

Наполеон называл ее Жоржиной, поскольку Жозефина в его жизни уже была, «а имя “Маргарита” ему не нравилось... Его Жоржина была прекрасна, но вот ноги она изуродовала башмаками. Зато она обладала живым умом и кротким характером, выказывала Наполеону полнейшую преданность, шла навстречу всем его желаниям, никогда не скучала сама и не докучала Первому консулу» [Там же]. С Жоржиной Наполеон всегда был осторожен, никогда не приезжал к ней, а став императором и вовсе утратил к ней интерес. Безразличие императора вынудило Жоржину бежать из страны в 1808 г., лишь спустя пять лет она вновь встретилась с Наполеоном, который не только простил, но и вернул ей прежнее положение на сцене. Однако занять место в сердце императора Жоржине так и не удалось.

После «Ста дней» Жоржина вызвалась сопровождать Наполеона в ссылку, «но ей в этом было отказано». Позднее Жоржина очень болезненно перенесла вести о кончине императора. «Три дня потом она не покидала своей комнаты. Она перечитывала письма Наполеона, рассматривала подаренные им портреты, с нежностью перебирала полученные от него подарки...» [Там же].

Не успел Наполеон стать императором, как у него появилась еще одна фаворитка – Элизабет Ле Мишо д'Арсон де Водэ. Современные исследователи пишут о том, что Элизабет родилась 27 октября 1773 г. в семье генерал-лейтенанта и одного из первых сенаторов при Консульстве. В 1790 г. Элизабет «вышла замуж за кавалерийского капитана Барберо де Водэ», а сразу после провозглашения Империи стала придворной дамой императрицы. Вскоре Жозефина поехала на воды в Экс-ля-Шапельль и Элизабет

должна была ее сопровождать. Именно в Эксе она и была замечена императором, который приехал к жене. «По-настоящему этот роман императора закрутился в сентябре – октябре 1804 года» [Там же]. Но неосторожные влюбленные были пойманы императрицей. Мадам де Водэ потеряла свою придворную должность, а позже сошла с ума и впала в нищету, просуществовав в приюте для самых бедных до 1863 г.

В 1806 г. Наполеон торжественно возвратился в Париж после победы при Аустерлице и пал жертвой прелестной красавицы Луизы-Катрины-Элеоноры Денюэль де ля Плэнь.

Красавица Элеонора родилась 3 сентября 1787 г. в семье парижанина, который при короле занимал несколько должностей, но потерял все с приходом революции. Ее происхождение позволило поступить в знаменитый аристократический пансион мадам Кампан. Именно там Элеонора и познакомилась с сестрами Наполеона. Элеонора была стройной жгучей брюнеткой, обладала большими черными глазами и прекрасными формами [Там же]. Не удивительно, что в 1805 г. Элеонора уже вышла замуж за «капитана драгунского полка» Жан-Франсуа Ревеля. Но вскоре оказалось, что ее муж обычный сержант, у которого уже была жена и дети.

О том, как произошла встреча Наполеона и Элеоноры в российской литературе сведений нет, но известно, что всю зиму и весну 1806 г. Элеонора провела в покоях императора, а 13 декабря 1806 г. родила мальчика Лео-на. Наполеон, сомневаясь в отцовстве, сына не признал, отослал Элеонору и ребенка, назначил им пенсию и на этом все. Больше Наполеон и Элеонора не виделись.

В 1815 г. Наполеон был отправлен на остров Св. Елены, где умудрился найти себе еще одну женщину. По сведениям новейших исследователей, ею стала Альбина де Монтолон. Она родилась 19 декабря 1779 г. в Париже. Будучи замужем уже во второй раз, Альбина встретила Шарля де Монтолона. Альбина бросила мужа и переехала к Шарлю, от которого в 1810 г. родила сына. Официально брак между Альбиной и Шарлем был заключен только в 1812 г., когда был получен развод от второго мужа. Но брак был заключен тайно, поскольку Наполеон был против данного брака. В период «Ста дней» де Монтолон неожиданно стал генералом, а затем сам вызвался сопровождать бывшего императора в ссылку.

На острове они жили с Наполеоном в одном доме, поэтому от бывшего императора часто слышны были упреки в адрес Альбины. Однако Альбину это не смущало. Она строила глазки императору, показывала ножку, носила «узкие в талии платья» [Там же]. Вскоре Наполеон «повелся», а Альбина заняла место его личного секретаря и «с пером в руке воцарилась в личных покоях» [Там же]. В июне 1816 г. и январе 1818 г. Альбина родила двух девочек. Народ судачил о том, что отцом для них является Бонапарт. Спустя

время из-за болезни Альбина была вынуждена вместе с детьми уехать во Францию, чем очень огорчила знаменитого пленника острова. Это была последняя женщина в жизни Наполеона. Остатки своей жизни он предпочел коротать в одиночестве, скончавшись 5 мая 1821 г.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать несколько выводов. Во-первых, личной жизни французского императора в дореволюционной историографии не уделялось должное внимание. Эта тема скорее была дополнением к основному повествованию политических и военных достижений Бонапарта. В советское время появляется гораздо больше информации по данной теме, однако она касается лишь Жозефины, Марии-Луизы и романа с Марией Валевской. Работы новейших исследователей привносят много нового: дополняется и уточняется материал прошедших эпох; появляется новая информация о фаворитках и их дальнейшей судьбе; становятся известны возможные наследники Наполеона, его внебрачные дети.

Во-вторых, несмотря на колоссальные усилия отечественных исследователей в изучении данной темы, на помощь приходят труды зарубежных авторов, на которые в основном и ссылаются новейшие исследователи. Самым популярным среди таких трудов стала работа немецкого историка Гертруды Кирхейзен [Kircheisen 1912].

В-третьих, на основе всего вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что Наполеон был весьма любвеобильным и пользовался популярностью у женщин. Но стоит иметь в виду, что известность в женских кругах Бонапарт приобрел лишь после своих знаменательных побед над европейскими государствами, когда маленький солдат уже становился повелителем Европы.

В заключение хочется сказать, что личная жизнь Наполеона Бонапарта была не менее насыщенной и интригующей, чем политическая или военная. Однако остается один единственный вопрос, ответ на который мы уже никогда не узнаем: «Как Наполеону удавалось любить столько женщин одновременно и была ли это любовь?».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Дживелегов А.К.* Наполеон // Отечественная война и русское общество. Т. 3. М., 1912.
- Колобакин Б.М.* Прейсиш-Эйлауская операция. Сражение у Прейсиш-Эйлау (26-го и 27-го января 1807 г.). СПб., 1911.
- Нечаев С.* 10 женщин Наполеона. Завоеватель сердец. URL.: https://royallib.com/book/nechaev_serгей/10_genshchin_napoleona_zavoevatel_serdet.html
- Полевой Н.А.* История Наполеона. Т. 1. СПб., 1844.
- Тарле Е.В.* Наполеон. М., 1936.
- Kircheisen G.* Die Frauen um Napoleon. München; Leipzig, 1912.

E.K. Posazhennikova
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

UNKNOWN WOMEN OF NAPOLEON BONAPARTE
IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

This article examines the biography of those women of Napoleon Bonaparte about whom practically no one talks or writes. Based on their relationship with the French emperor, one can trace how Bonaparte's character and his attitude towards women change on the way from a simple soldier to the ruler of Europe. The author concludes that the topic of Napoleon's personal life has not been sufficiently studied in Russian historiography, so it is necessary to resort to the help of foreign authors.

Keywords: Napoleon Bonaparte, Russian historiography, Josephine, Maria Walewska, Marie-Louise of Austria, relations.

*В.И. Дмитриев
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т*

**ВЗГЛЯДЫ ВОЕННОГО МИНИСТРА Д.А. МИЛЮТИНА
НА ДИПЛОМАТИЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
2-й ПОЛОВИНЫ 1870-х – НАЧАЛА 1880-х гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКОВ)**

В статье рассматриваются оценки военным министром Д.А. Милютиным дипломатии Российской империи в период обострения восточного вопроса в конце 1870 – нач. 1880-х гг. Основное содержание исследования составляет анализ материалов дневников в указанный период. Целью статьи является определение взглядов Дмитрия Алексеевича на поставленный вопрос. В результате исследования удастся выявить не только мнение военного министра и государственных деятелей, но и динамику дипломатических процессов и изменения взаимоотношений основных политических лиц и в целом характер эпохи.

Ключевые слова: дипломатия, Д.А. Милютин, дневники, мемуары, русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Дипломатический фронт в столь бурные 70-е и не менее значимые 80-е гг. XIX в. нередко затмевается фронтом военным, т.е. русско-турецкой войной 1877–1878 гг., которая чаще обсуждается при изучении данного периода. Однако это не делает дипломатию менее значимой, а ее решения менее значительными по сравнению с результатами военных баталий. Напротив, многие политические решения, повлиявшие на мировой порядок в целом и на Россию в частности, были сотканы из результатов борьбы на дипломатическом фронте. Не случайно здесь использовано слово фронт, которое, казалось бы, не применительно к дипломатии. Дипломатические контакты Российской империи со странами Западной Европы были настоящей борьбой за свои интересы, борьбой за те победы, которые были одержаны на фронтах русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Важные аспекты дипломатии отражены, например, в историографии, посвященной деятельности министра иностранных дел А.М. Горчакова, а именно в трудах историков А.В. Игнатьева «А.М. Горчаков – министр ино-

странных дел» [Игнатьев 2000] и С.К. Бушуева «А.М. Горчаков: дипломат» [Бушуев 1961], а также ключевого творца российской дипломатии того периода – Н.П. Игнатьева в труде В.М. Хевролиной «Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев: личность, программа, тактика» [Хевролина 2006]. Однако стоит опасаться, что в подобных трудах содержится некоторая доля субъективизма, потому как они посвящены непосредственным участникам дипломатической борьбы, а некоторые подробности событий могут быть интерпретированы иначе. К тому же, при рассмотрении вопроса, важно изучить взгляды сторонних, но близких к данному вопросу государственных деятелей, в которых может быть представлена оценка определенных действий современников и доля разумной критики этих действий.

Подобный критический взгляд, который может пролить свет на дипломатию, содержится в дневниках Дмитрия Алексеевича Милютин, военного министра тех лет. В этих источниках отражены важные аспекты дипломатической борьбы, ценная информация о ее ходе и результате, и, что немаловажно, взгляды непосредственных участников событий. Профессиональный взгляд Дмитрия Милютин на проблему, подробное изложение военных действий, дипломатического фронта, взаимодействия и отношения министров и государственных деятелей и эволюция собственных взглядов – все это необходимо для понимания всей сути, смысла и характера дипломатической борьбы, поэтому дневники военного министра представляют прямой исторический интерес.

Наиболее драматичная ситуация в российской дипломатии, по мнению военного министра, складывалась во 2-й пол. 70-х гг. XIX в., а именно в 1875 г. До этого момента главным дипломатическим вопросом был спор с Британией по поводу сфер влияния в Средней Азии, а теперь на повестку дня встал восточный вопрос. В ноябре 1875 г., на фоне волнений в османской провинции Боснии и Герцеговине, возникла угроза вынужденного военного вмешательства России. Этот вопрос был в сфере деятельности как министерства иностранных дел, так и военного министерства, поэтому Милютину и Горчакову пришлось в дальнейшем многократно взаимодействовать по поводу этой, пока еще, дипломатической проблемы. По причине разности взглядов на внешнеполитические взаимодействия России между министрами на тот момент и в дальнейшем были напряженные отношения, что также осложняло их совместную работу [Милютин 2008, с. 225].

В феврале 1876 г. военный министр отмечал, что «дипломатическое давление» на Османскую империю провалилось. Он констатировал, что османский султан придерживался собственного курса и не шел на поводу у европейских стран, а обе стороны конфликта были настроены серьезно. Теперь и Горчаков, и Милютин были более обеспокоены ситуацией на Балканах, чем в ноябре 1875 г., Дмитрий Алексеевич осознавал, что Александр

Михайлович, заявлявший о полном контроле над ситуацией, на самом деле плохо себе представлял истинность намерений сторон будущего конфликта [Милютин 2009, с. 24]. В марте 1876 г. Милютин отмечает попытки обмана российской дипломатии. Так, в разговоре с Шуваловым, послом в Лондоне, германский канцлер Бисмарк уверял его, что якобы «для России сейчас наилучшее время, чтобы разобраться с Турцией». Очевидно, что «Железный канцлер» желал поставить Россию во внешнеполитическую ловушку 20-летней давности, когда страна вела военные действия одна против военной коалиции европейских держав и Османской империи [Там же, с. 36].

Доказательством возникновения этой угрозы были колебания, возникшие в европейском мире и Тройственном союзе, о которых писал военный министр. У него не было уверенности, что дипломатия на этом этапе способна разрешить вопрос для России мирно [Там же, с. 60]. В сентябре 1876 г., несмотря на надежды правительственных кругов на мир и удачную дипломатическую переписку, которая первоначально хорошо показала себя, в высших дипломатических кругах стали небезосновательно сомневаться в успехе предприятия. Полученные предложения Британии по поводу условий мира в ходе восточного вопроса также не вызвали причин для обольщения военного министра. Он призывал готовиться к полномасштабной войне [Там же, с. 79]. Опасения подтвердились и вскоре на дипломатическом фронте начали сгущаться тучи. Английские министры отказались от своих прежних намерений. Также они препятствовали согласованию вступления российских войск в Болгарию и действиям союзного флота на Босфоре. На лицо был сговор Англии и Австрии [Там же, с. 87].

Поздняя осень 1876 и зима 1877 гг. были временем наиболее упорной борьбы дипломатии если не за мирный исход дела, то хотя бы за как можно долгое оттягивание вынужденного конфликта. Позиция военного министра была непреклонна. Он по-прежнему сомневался в успехах российской дипломатии и заявлял о ее профессиональной деформации [Там же, с. 147]. Мнение военного министра оказалось пророческим. Османская империя, протянув время, отказалась от всех требований России и европейских государств, а дипломатические игры России с Австрией и Британией окончились неудачей. Необходимо было нанести упреждающий удар по Османской империи, что было сделано 12 апреля 1877 г. Началась предпоследняя в истории русско-турецкая война.

С началом военных действий дипломатическая борьба только усилилась. В мае 1877 г. наиболее остро стояли вопросы сохранения нейтрального статуса Британии в войне, а также вопрос участия Болгарии. Несмотря на работу Горчакова и МИДа по этим вопросам, Д.А. Милютин отмечал слабое понимание канцлером проблем конфликта, а министерство иностранных дел критиковал за отсутствие четкой позиции [Там же, с. 169].

После начала наиболее важных военных эпизодов – обороны Шипки и осады Плевны в июле 1877 г. дипломатический фронт несколько приутих. Можно сказать, что европейские государства так же, как и русская общественность, следили за ситуацией на фронте, поскольку именно от нее зависела их дипломатическая позиция [Там же, с. 22].

В ноябре 1877 г. советник русского посольства в Константинополе, Нелидов, игравший на тот момент наиболее важную роль в дипломатии восточного вопроса, поведал военному министру о необходимости формирования предварительных условий мира, а также о том, что их желательно подкрепить поддержкой, например, берлинского кабинета. Милютин, положительно оценивший инициативу дипломата, указывал, что Горчаков, в чьих обязанностях стоял этот вопрос, был не в состоянии решить его пока идут боевые действия [Там же, с. 241].

Игнатьев, бывший послом в Османской империи, начал формирование предварительных условий мира только в конце ноября 1877 г., после взятия Плевны, чтобы поставить Османскую империю перед фактом военного поражения [Там же, с. 252].

1877 г. заканчивался надеждами дипломатов, военного министра и командования на мир. Однако стоило еще сомневаться, достаточно ли было нанесено поражений Османской империи для достижения выгодного мира. Успешность военного конфликта не давала гарантий на скорый мир, потому что даже подписание мирного договора с Турцией не гарантировало исключения военного конфликта с европейскими странами, в первую очередь, с Англией. На тот момент были все шансы повторения сценария Крымской войны, с некоторыми особенностями.

19 января 1878 г. в Адрианополе был подписан предварительный мирный договор. Результат переговоров сильно удивил военного министра и по своему успеху превысил его ожидания. Уже 19 февраля 1878 г. в Сан-Стефано, совместными трудами Нелидова и Игнатьева, был подписан мирный договор с Османской империей. Отмечая крупный успех этого предприятия, Милютин понимал, что достигнутые условия не были окончательными, и теперь место военных баталий заняла дипломатическая борьба. Так, он писал: «...общая радость парализуется опасениями враждебных действий со стороны Англии и Австрии. Счастливый мир, подписанный у ворот Константинополя, и все плоды блестящей кампании могут быть опрокинуты на предстоящих конференциях» [Милютин 2010, с. 24].

Весной 1878 г. российская дипломатия во главе с Горчаковым чуть ли не привела, по мнению Милютина, страну на грань войны с Британией. По его мнению, причиной тому была выжидательная позиция министра иностранных дел и его неготовность к решительным действиям. Он заявлял, что война с Британией неизбежна, а министр иностранных дел уходит

от своей ответственности. Дмитрий Алексеевич даже призывал начать вооруженную подготовку к будущему конфликту [Там же, с. 31]. В конце концов, неутешительные прогнозы военного министра по поводу провала на дипломатическом фронте не оправдались. Именно благодаря дипломатии удалось распутать клубок противоречий между Россией, Османской империей и европейскими государствами и разрешить проблему итогов русско-турецкой войны. Во многом благодаря стараниям Шувалова в июле 1878 г. был заключен Берлинский трактат, в ходе подписания которого были сохранены главные условия Сан-Стефанского договора. Однако российской дипломатии пришлось сделать некоторые уступки, болезненно воспринятые российской общественностью и Александром II. На этот раз военный министр выступил на стороне дипломатов и писал, что «все эти уступки разрешались верховною властью и притом признавались неизбежными» [Там же, с. 78].

После завершения конгресса необходимо было сделать шаг на пути к полному завершению конфронтации. С подачи российского дипломата Нелидова, поставившего в известность Британию и Османскую империю, а также с полным согласием со стороны военного министерства, военный контингент в Болгарии был уменьшен, а турецкие войска окончательно вышли из Шумлы, Варны и Батума [Там же, с. 95]. Д.А. Милютин отмечал внешнеполитическую важность этого события и писал: «Известию этому можно порадоваться, как бы важной победе, одержанной без пролития крови. Камень свалился с плеч» [Там же, с. 79]. Опасность возобновления войны полностью спала.

Весной 1881 г., в период, когда Россия еще не оправилась от убийства Александра II, а военный министр уже отправлялся на покой, дипломатическая обстановка вновь накалилась – случился военный переворот в Болгарии. Искусство дипломатической борьбы, последний раз показавшее себя на Берлинском конгрессе, на сей раз не оправдало надежд, Болгария как союзница России была упущена и попала под влияние германских интересов. Дмитрий Алексеевич сокрушался, что в такой тяжелый для России момент ему пришлось покинуть свой пост, что за долгих 20 лет работы в военном министерстве он, имея рычаги влияния, не смог оказать должную поддержку работе дипломатии и сохранить влияние российского правительства. Дипломатическая обстановка оставалась сложной, но сменилось ее руководство и теплилась надежда на грядущие победы на дипломатическом фронте.

Таким образом, взгляды Д.А. Милютина на дипломатию Российской империи в указанный период претерпели некоторые изменения. От практически прямой критики дипломатической политики министра иностранных дел и скептического отношения в целом к дипломатическому курсу империи до некоторого оправдания действий дипломатического ведомства по итогам русско-турецкой войны, их защиты перед критикой российской обществен-

ности и императора и сожаления по поводу дипломатического поражения в самом конце своей службы. Сложно найти какое-либо объяснение изменению позиции военного министра к трудам дипломатов на закате его политической карьеры. Возможно, эта была радость от победы в войне или простое смирение с ситуацией и желание отойти от дел, также это могло быть понимание, что у отечественной дипломатии на тот момент не было иного выхода. Скорее всего истинной будет вся совокупность перечисленных факторов. Тем самым вопрос изменения позиции Милютина на ход отечественной дипломатии остается открытым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Милютин Д.А. Дневник. 1873–1875. М., 2008.

Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. М., 2009.

Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881. М., 2010.

Бушуев С.К. А.М. Горчаков. М., 1961.

Игнатьев А.Б. А.М. Горчаков – министр иностранных дел // Отечественная история. 2000. № 2.

Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев: личность, программа, тактика // Труды Института российской истории. Вып. 6. М., 2006.

V.I. Dmitriev

Izhevsk (Russia)

Udmurt State University

VIEWS OF THE MINISTER OF WAR D.A. MILYUTIN ON THE DIPLOMACY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 1870s – EARLY 1880s (BASED ON THE MATERIALS OF THE DIARIES)

The article deals with the topic of evaluation by the Minister of War D.A. Milyutin of the diplomacy of the Russian Empire based on the materials of his diaries. The main content of the study is the analysis of the materials of the diaries in the specified period. The purpose of the article is to determine the views of Dmitry Alekseevich on the presented question. As a result of the research, it is possible to identify not only the opinion of the Minister of War and statesmen, but also the dynamics of diplomatic processes and changes in the relationship of the main political figures and the nature of the era as a whole.

Keywords: diplomacy, D.A. Milyutin, diaries, memoirs, Russian-Turkish war of 1877–1878.

Е.В. Охотникова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОЛСТОВЦЕВ

В данной статье описываются основные мероприятия, которые совершало государство в отношении толстовцев и реакция государства на деятельность отдельных участников движения.

Ключевые слова: судебный процесс, толстовцы, арест, судебные преследования.

Российское государство видело в толстовстве вредное и опасное для государственных устоев движение. Есть сведения о судебных процессах по отношению к толстовцам [Пругавин 2020, с. 291–323]. В 1904 г. арестовали Н.Е. Фельтена, который являлся большим поклонником Л.Н. Толстого, но арестовали его не за принадлежность к толстовцам, а за нахождение полицейскими у Н.Е. Фельтена во время обыска нелегальных изданий различных политических партий, которые принадлежали его знакомому. Тем не менее, Н.Е. Фельтена и его брата арестовали на три месяца. За это время полицейские выяснили, что он не принадлежит ни к каким политическим партиям. По прошествии этого срока Н.Е. Фельтена освободили, вернув личные вещи: книги, бумаги и т.д. Но на этом его злключения не закончились.

В 1906 г. товарищ Фельтена из провинции, после событий 17 октября и дарованной «свободы печати» решает издать сочинения Л.Н. Толстого в издательстве «Обновление». Поскольку у товарища Фельтена не было места жительства в Петербурге, письма для книгоиздательства рекомендовали отправлять по адресу Н.Е. Фельтена, для передачи. В 1908 г. Фельтен уехал за границу до начала лета. К лету 1908 г. «Обновление» закрыли, приятель его уехал из Петербурга, и 1 июля Фельтену приходит повестка о вызове в полицию за распространение брошюры Л.Н. Толстого «Не убий». Затем следователь арестовывает его и отправляет в дом предварительного заключения. Через некоторое время суд петербургской судебной палаты приговаривает Фельтена к заключению в крепости сроком на шесть месяцев за хранение с целью распространения брошюр Л.Н. Толстого: «Не убий», «Письмо

к либералам» и «Христианство и патриотизм». Через некоторое время в отношении Фельтена появляются новые дела, в которых предъявляются обвинения за распространение остальных двух из двадцати брошюр Толстого.

Л.Н. Толстой пытался помочь Фельтену в его положении, он ходил к следователю, ведшему дело, где призывал привлечь к ответственности его самого. Он ходил так же к влиятельным и высокопоставленным лицам, но это не помогло.

Существовали и другие судебные преследования в отношении издателей. Судебный процесс был открыт в отношении Г. Герцика, за печать нескольких книг и брошюр Толстого, в отношении А.М. Бодянского из Харькова – за распространение брошюр Толстого против милитаризма, мещанина В.А. Молочникова из Новгорода – за хранение с целью распространения таких брошюр как «Как освободиться рабочему народу» и «Солдатская памятка» в 1908 г., за что его посадили на год в крепость. В 1910 г. в отношении Молочникова возбудили дело из-за «непубличного» побуждения нескольких лиц к отказу от военной службы [Варфоломеев 2009], но его оправдали благодаря защите адвоката Н.К. Муравьева. В 1914 г. в отношении Молочникова вновь возбудили дело из-за его убеждений и проповеди учения Л.Н. Толстого. Тогда же возбудили дела на крестьянина Якова Григорьева за распространение брошюр «Не убий» и «Офицерская памятка», П.И. Бирюкова за хранение с целью распространения сочинений Толстого, И.И. Горбунова-Посадова за издание «Соединение четырех евангелий» и «О значении русской революции».

В отношении толстовцев были не только преследования за нелегальные издания, но и репрессии полицейского-административного характера, которые совершались в отношении них как членов политических партий.

Л.Н. Толстой пытался помочь толстовцам и обращался за помощью к знакомым-юристам: А.Ф. Кони, Н.В. Давыдову, М.А. Стаховичу, В.А. Маклакову, Н.К. Муравьеву и т.д.

Первый судебный процесс толстовцев был в отношении подпоручика Николая Дмитриевича Ростовцева, мещанина Николая Никитина Иванова, Александры Прохоровой Щепаковой и мещанина Алексея Алексея Лопухова. Их обвинили в государственном преступлении.

Ночью 15 марта 1903 г. в квартире Н.Н. Иванова произошел обыск, во время которого были найдены запрещенные сочинения Л.Н. Толстого, издаваемые в виде брошюры «Листки Свободного слова»: «Что такое религия?», «Так что же нам делать?», «Царство Божие внутри нас» и переписка с В.Г. Чертковым и его женою за 1897–1900 гг.; памятные заметки с названием и временем получения брошюр «Свободного слова», со списком лиц, кто получил эти издания для чтения, с перечнем изданий социалист-революционеров. В редакциях «Свободного слова» были изданы запрещенные в России сочинения Л.Н. Толстого религиозно-нравственного содержания. Сведения о распространении были найдены в письмах между В.Г. Чертковым

и его женой и Н.Н. Ивановым. В «Народных листках» содержались сведения о противоправных действиях по отношению к самодержавию, в них была информация о склонении толстовцами крестьян и рабочих к демонстрациям, неповиновению правительству и соединению в общества и скопы.

Затем обыск прошел у Георгия Андреевича Яковлева, поскольку тот был указан в списке у Н.Н. Иванова. Во время обыска 22 апреля 1903 г. у Яковлева были найдены более 15 печатных, гектографированных и рукописных революционных изданий, несколько печатных брошюр с сочинениями Л.Н. Толстого и сочинение «Не убий» и т.д. Большинство из них были революционными.

При сопоставлении почерка возвания «К гражданам всей России» с почерком Н.Н. Иванова были найдены сходства. В других письмах было установлено, что Н.Н. Иванов видел издания у Н.Д. Ростовцева, а именно первые номера «Листков Свободного Слова». 10 ноября 1903 г. у Ростовцева произошел обыск людьми из отдельного корпуса жандармов. В ходе обыска было обнаружено свыше 50 печатных, гектографированных и рукописных нелегальных брошюр, прокламаций и объявлений, среди которых были нелегальные сочинения Л.Н. Толстого, издания Черткова, журнала «Листки свободного Слова» и монографии неизвестных авторов противоправительственного содержания.

В ходе допроса было выяснено, что данные издания прислала А.П. Щепкова на хранение. Издания вскоре она хотела отдать знакомому С.Д. Николаевичу. Данная информация содержалась в письме от Щепковой Ростовцеву от 18 сентября 1903 г. После этого произошел обыск у обоих, и у Николаева были найдены: журнал «Свободная мысль», брошюра «Листки для народа» и печатная статья Л.Н. Толстого «К рабочему народу». В некоторых статьях «Свободного слова» имелись призывы к уклонению от воинской повинности, порицание русского правительства и осуждение деспотизма императора, который развивался в XIX в.

Обыск проходил 15 марта 1903 г. у Николая Городничего, в ходе которого были найдены издания и письма от крестьянина Алексея Алексея Лопухова. А.А. Лопухов сообщал о получении брошюры от неизвестного из Воронежа. Во время обыска у Лопухова сочинений найдено не было. В письме была фраза о «запрещенном плоде», под которым он подразумевал произведения, запрещенные для чтения.

Во время допроса Иванов сообщил, что наличие у него трудов Л.Н. Толстого объясняется целью критического разбора его идей и мировоззрения, а брошюры были от самого Черткова, с которым он вел переписку, распространение же шло с целью удовлетворения любопытства, а не для пропаганды толстовских идей. Ляховского он пытался расположить путем пересылки «Народных листков», чтобы получить сведения об отношении Черткова к заграничным революционным обществам, но ему не удалось это сделать, поэтому он отправил копию Г.А. Яковлеву.

Щепакова на допросе объяснила свои мотивы желанием продать свой хутор, а издания – Ростовцеву. В изданиях были только произведения Л.Н. Толстого для собственного хранения.

По показанию Ростовцева, он хранил и распространял издания В.Г. Черткова, чтобы люди обращали внимания на внутренний мир, улучшали себя и не думали о насильственном изменении порядков. Другие брошюры будто бы принадлежали А.П. Щепаковой и хранились по случаю ее переезда. Льву Степанову он прислал издания не революционные, а для чтения.

Лопухов признал свою вину в том, что он давал читать брошюры своим товарищам, которые посоветовали их уничтожить.

В итоге, на Щепакову, Иванова, Ростовцева и Лопухова завели дело по 129 статье Уголовного Уложения и отправили в суд Харьковской судебной палаты с участием сословного представительства из-за распространения нелегальных изданий В.Г. Черткова, воззвания «К гражданам всей России», революционной прокламации «Ко всем воронежским рабочим»..

Из-за признания ими всех фактических данных, судебного следствия не было.

Особое присутствие Судебной Палаты признало их не виновными и вынесло оправдательный приговор на основании 1 п. 771 статьи Устава Уголовного Судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Варфоломеев Ю.В. Дело «толстовца» В.А. Молочникова (по материалам архивных документов Государственного музея Л.Н. Толстого) // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1.

Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах: очерки, воспоминания, материалы. Изд. Стереотип. М., 2020.

E.V. Okhotnikova
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

THE REACTION OF THE STATE TO THE ACTIVITIES OF THE TOLSTOYANS

This article describes the main actions that the state has taken against the Tolstoyans and the main reaction of the state to the activities of individual participants in the movement.

Keywords: trial, Tolstoyans, arrest, prosecution.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**Европа в Средние века и Новое время:
Общество. Власть. Культура:**

Материалы XI-й Всероссийской, с международным участием,
научной конференции молодых ученых.

Ижевск, 24-25 октября 2023 г.

Печатается по решению Ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН
и Ученого совета Института истории и социологии
Удмуртского государственного университета

Авторская редакция

Оригинал-макет И.В. Широковой
Дизайн обложки В.В. Долгова

Подписано в печать 21.10.2024. Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 7,32. Уч.-изд. л. 6,95.

Тираж 300 экз. Заказ № 1935.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б, каб. 021.
Тел. : (3412) 91-63-64 E-mail: editorial@udsu.ru

Типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. (3412) 68-57-18

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
426067, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34.
Тел. (3412) 50-82-00. Факс (3412) 50-79-59 <http://www.udman.ru>